

А Б А Р И С

2002

"Αβαρις

АБАРИС

ЖУРНАЛ ДРУЗЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ
выходит один раз в год

Редакционная коллегия: О. В. Бударагина, В. В. Зельченко,
В. С. Синельников
Фоторедактор: К. Б. Катенин
Компьютерная поддержка: А. В. Карлин
Эмблема журнала: Лиза Дмитриева

№ 3 (МАЙ 2002)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	1
Морские песни. Переводы А. Борисова, С. Мисенко	2
БЕСТИАРИЙ: единорог	4
А. К. Гаврилов. Бородино и Троя	5
БЕСТИАРИЙ: морской баран	10
L. Petzschmann. Die Robert Bosch Stiftung und unser Gymnasium	11
С. Александрова, Л. Добулевич, С. Минаева, Н. Кузнецова. Романтические баллады	12
Ad absurdum!	14
В. Жижина. Школьные состязания в ὑποβολή	15
БЕСТИАРИЙ: мантихор, левкрокота, пегас	19
А. А. Оскольский. "Естественная история" Плиния Старшего глазами зоолога als ob	19
А. Андреев. "Советская драматургия. Выпуск 1"	21
Г. Штюмпке. Из жизни носоходящих	
Переводы И. Поповой, В. Колосова, М. Сеферяна, Г. Воробьева	24
ЛЕТНИЕ ПОЕЗДКИ	
М. М. Позднев, С. Мисенко. "Пифии"	26
В. Жижина. Euroclassica-2001	28
Е. Таразевич, С. Герит. Метаморфозы Ламии	30
К. Шноль. Чадолубивая Гелло	33
Заседания кружка "Классика" в 2000/01 и 2001/02 уч. гг.	37
БЕСТИАРИЙ: обитатели Луны	38
Е. В. Григорьева. Латинские надписи в Петербурге	39
К. Якупова. Театральный фестиваль в Риге	42
Феодор Продром. Катомиомахия. Перевод В. В. Зельченко	43
БЕСТИАРИЙ: герцинский лось	50
Латинский Пушкин. Переводы П. Мериме, Ф. Е. Корша, Г. Э. Зенгера, Д. Кейера	52
С. П. Мотовилова. Памяти Ирины Федоровны Ивахновой	55
Certamen Latinum	56
Список выпускников Санкт-Петербургской классической гимназии (2001 г.)	59

На первой странице обложки: фото В. М. Яроша

На четвертой странице обложки: рисунок С. К. Егоровой

Редакция благодарит за помощь А. Ю. Енбекову и Д. В. Кейера

От редакции

Объявив в предисловии к предыдущему выпуску “Абариса”, что темой этого номера станут античные рассказы о фантастических существах, мы и не предполагали, что открываем ящик Пандоры. В редакцию потоком хлынули новые сведения из жизни пегасов и единорогов, сенсационные подробности об охоте на герцинского лося, о жителях Луны и о способах борьбы с привидениями, а также сделанные с натуры изображения Немейского льва и морского барана. Когда дым развеялся, оказалось, что в обсуждении наиболее интересных вопросов тератологии приняли участие представители едва ли не всех возрастных групп, составляющих разнородное население гимназии — от пятиклассников до педагогов. С результатами предпринятых ими разысканий вы сможете познакомиться в рубрике “Бестиарий”, ради которой пришлось на этот раз потесниться привычным материалам о летних поездках гимназистов, новых спектаклях школьного театра и результатах ежегодного конкурса переводов. Надеемся, что теперь даже те из вас, кто пока еще нетверд в греческих и латинских склонениях, на всю жизнь научатся отличать Ламию от Гелло и не закричат “Смотрите, мантихор!”, увидев самую обыкновенную левкрокуту.

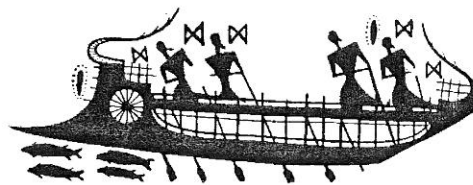
С удовольствием и благодарностью отмечаем, что порыв редакции поддержали преподаватели биологии: А. А. Оскольский с безукоризненной серьезностью откомментировал главу Плиния Старшего о чудовищах Эфиопии с точки зрения современных эволюционных теорий, а С. А. Подлипаев щедро поделился сведениями из жизни риноградентов, которые доказывают, что традиция использовать вымышленных животных для решения отнюдь не вымышленных проблем зоологической систематики благополучно перешла из античности в современность.

Обращение к экзотической фауне греков и римлян еще раз убедило нас, что самые интересные вопросы — это те, которые Киплинг выносил в заголовки своих сказок: не “кто?” и “где?”, а “почему?” и “откуда?”. Читатели увидят, как изменялся облик фантастических животных по мере развития античной науки, как споры философов и вдохновенный вымысел поэтов влияли на самые, казалось бы, расхожие суеверия и, наконец, что могут поведать выдуманные существа о тех, кто их выдумал. Иными словами, скажи мне, каким ты себе представляешь единорога — и я скажу, кто ты...

Разумеется, одними сказочными животными дело не ограничилось. В этом номере вы найдете поэтические опыты восьмиклассников, этюд о греческих школьных состязаниях, старые и новые переводы стихотворений Пушкина на латынь и многое другое. Продолжая собирать Corpus Inscriptionum Latinarum Urbis Petropolis, мы публикуем подборку Е. В. Григорьевой — московского филолога и краеведа, знающей о нашем городе больше, чем многие беспечные аборигены. К сожалению, приходится признать, что современные “латинские” надписи Петербурга скорее перечеркивают эту давнюю и почтенную традицию, чем продолжают ее; см. об этом в материале “Ad absurdum!”

И, наконец, об одном событии, которое произошло в апреле этого года и тоже нашло свое отражение на страницах “Абариса”, хотелось бы сказать особо. Традиционная всероссийская олимпиада школьников по латинскому языку впервые состоялась в стенах нашей гимназии. В переводе и интерпретации древних текстов, решении грамматических задач, знании античной мифологии и литературы с увлечением состязались ученики двенадцати российских школ из пяти городов — an quisquam nobis tali sit munere maius?

КОНКУРС ПЕРЕВОДОВ

Морские песни

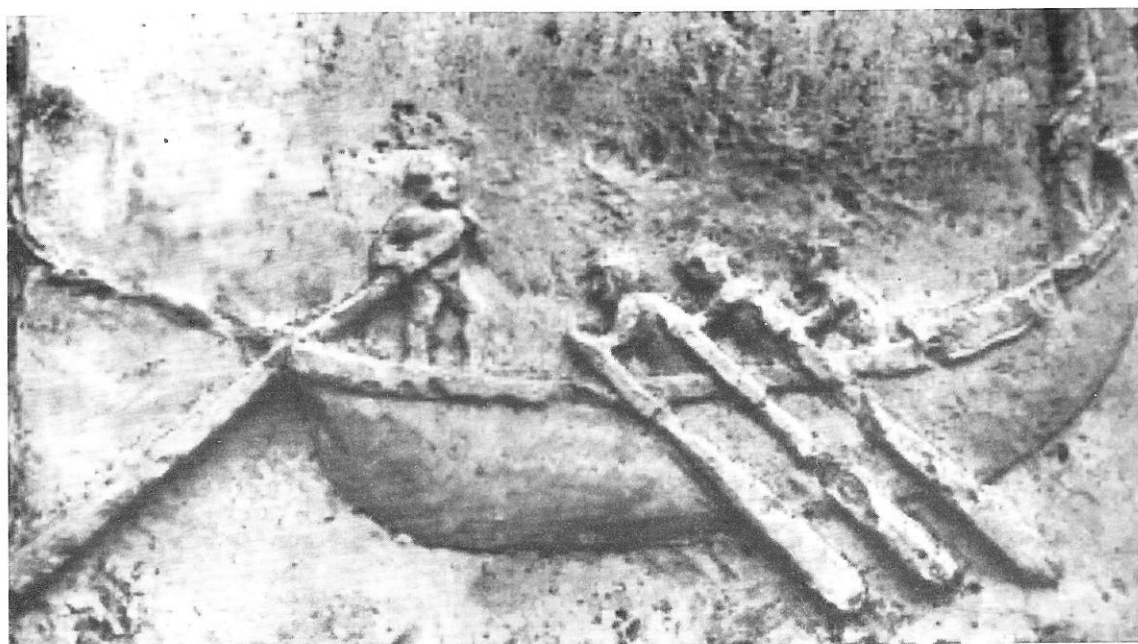
Для традиционного гимназического конкурса художественных переводов в этом году были выбраны два произведения, близкие друг другу сразу по нескольким параметрам. Оба они анонимны, оба принадлежат поздней античности, и главное — оба представляют собой песни моряков. Безыскусное греческое стихотворение, дошедшее до нас на папирусе (POxy 1383 = Lyr. adesp. fr. 33 Powell), написано “расшатанными” анапестами (своеобразие этого размера удачно передает перевод Сергея Мисенко) и, возможно, является записью подлинной морской песни или по крайней мере вдохновлено ею. Совсем иной характер носит латинская песня гребцов, сохранившаяся в единственной средневековой рукописи (PLM III, 25 Bachrens): насыщенная изысканными речевыми оборотами и смелыми метафорами, она, без сомнения, испытала влияние поэзии “высокого стиля”. С подлинными *κελεύσματα*, которые служили для того, чтобы задавать гребцам размеренный ритм, эту стилизацию сближает разве что рефрен с характерным междометием “*Heia!*”.

Ῥοδίοις ἐκέλευον ἀνέμοις
καὶ μέρεσι τοῖς πελαγίοις,
ὄτε πλέειν ἤθελον ἐγώ,
ὄτε μένειν ἤθελον ἐκεῖ,
ἔλεγον μέρεσιν πελαγίοις·
Μὴ τύπητε, πελάγη,
ἄλ' ὑποτάξατε ναυσιβάταις·
ὄλος ἄρ' ἄνεμος ἐπείγεται.
Ἀπόκλειε τὰ πνεύματα καί, Νύξ,
δοῦς τὰ κύματα εὖβατα.

Я родосским ветрам повелевал
И просторам бездны морской,
Когда мне хотелось на Родос плыть,
Когда мне хотелось остаться там,
Говорил я тогда бездне морской:
“Не бей волнами, вода,
Мореходам в пути ты помоги,
А то ветер так и рвется вперед.
Ты же, Ночь, ветра успокой
И попутную волну подари”.

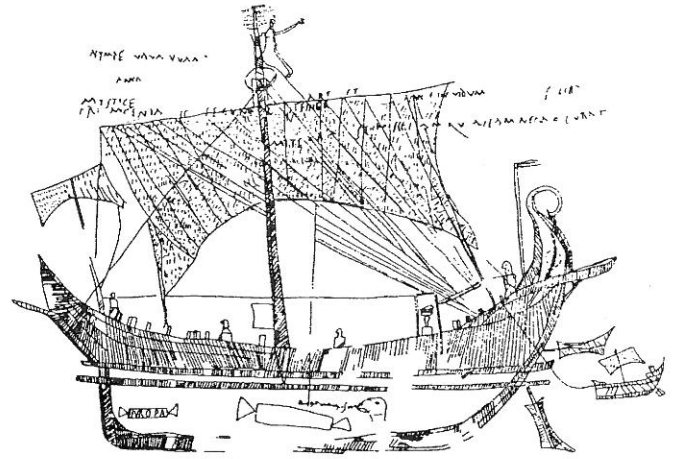
Перевод Сергея Мисенко

11 класс

Лодка с гребцами и рулевым. Рельеф III в. н. э.

Heia, viri, nostrum reboans echo sonet heia!
 Arbiter effusi late maris ore sereno
 Placatum stravit pelagus posuitque procellam,
 Edomitique vago sederunt pondere fluctus.
 Heia, viri, nostrum reboans echo sonet heia!
 Annisu parili tremat ictibus acta carina.
 Nunc dabit arridens pelago concordia caeli
 Ventorum motu praegnanti currere velo.
 Heia, viri, nostrum reboans echo sonet heia!
 Aequora prora secet delphinis aemula saltu
 Atque gemat largum, promat seseque lacertis,
 Pone trahens canum deducat et orbita sulcum.
 Heia, viri, nostrum reboans echo sonet heia!
 Aequore flet Corus; vocitemus nos tamen heia!
 Convulsum remis spumet mare; nos tamen heia!
 Vocibus assiduis litus resonet; tamen heia!

Помпейское граффито I в. н. э.
 (так называемый "Navis Europa")

Хейа, мужи! Пусть эхо поет, вторя нашему "хейа!"
 Ясным лицом просил широкого моря владыка,
 Сгладил пучину, смилив, и шторм на воде успокоил,
 И укрощенные волны громадою зыбкой осели.
 Хейа, мужи, пусть эхо поет, вторя нашему "хейа!"
 Пусть наш корабль задрожит, движением дружным гонимый;
 Милостью щедрой небес, улыбнувшись морю, мы можем
 Мчаться на всех парусах, раздутых движением ветра.
 Хейа, мужи! Пусть эхо поет, вторя нашему "хейа!"
 Киль рассекает волну, соревнуясь с дельфином прыгучим,
 С шумом и громом несут нас вперед могучие руки,
 Тянется за кораблем полоса седопенного моря.
 Хейа, мужи! Пусть эхо поет, вторя нашему "хейа!"
 Дует над волнами Кор — а мы все кричим наше "хейа!"
 Пеною море кипит под веслом — а мы наше "хейа!"
 Берег поет нам в ответ не смолкая — а мы наше "хейа!"

Перевод Сергея Мисенко
 11 класс

Хейа, мужи! Пусть звучное эхо вернет наше "хей"!
 Повелитель бескрайнего моря всевластной дланью своей
 Расстелил безмятежную гладь, на время бурю смилив,
 Зыбкую тяжесть волн волей своей укротив.
 Хейа, мужи! Пусть звучное эхо сопровождает наш путь,
 От равномерного взмаха весла корабль содрогнется пусть,
 И согласное небо, морю улыбку даря,
 Да не препятствует бегу парусов и руля.
 Хейа, хейа, мужи! Неустанно эху звучать,
 Пусть дельфиньим броском корабль рассекает гладь,
 Пусть стремится вперед и пусть тянется за кормой
 След его пенною, седой бороздой.
 Хейа, мужи! Пусть эхо вернет наше звучное "хей"!
 Пусть на просторе гуляет Кавр — грянем согласно "хей"!
 Пусть удары весла пенят море — вопреки всему "хей"!
 Пусть голосами откликнется берег — и все-таки, все-таки "хей"!

Перевод Антона Борисова
 8 класс

Фото: П. А. Герм

БЕСТИАРИЙ

ЕДИНОРОГ

Абсолютное большинство греческих писателей используют слово *μονοκέρας* как прилагательное — которое, как важно подчеркнуть, способно сочетаться с самыми различными существительными и никогда не выступает как термин, название определенного животного. Слово *μονοκέρας* может употребляться и тогда, когда речь идет о двурогом существе, потерявшем один рог (как в басне Эзопа о козе, которую случайно искалечил пастух); и хотя в большинстве примеров этот эпитет все же применяется к животным, имеющим один рог от рождения, животные эти далеко не всегда соответствуют нашему представлению о единороге. Так, Элиан называет *μονοκέρας* птицу (*Hist. anim.* XVII, 10), а Геродот рассказывает об однорогих змеях (IV, 192).

Аристотель (*De part. anim.* 663a) приводит следующие примеры однорогих животных: “индийский осел” и орикс (антилопа-орикс, иначе сернобык, которая и сейчас водится в пустынях Африки и Ближней Азии, но имеет два рога). Задаваясь вопросом о природе “однорогости”, Аристотель заключает, что рог у однорогого животного может вырасти только посередине головы. Так как тело животных симметрично разделено на правую и левую половины, то двурогие имеют правый и левый рога, однорогие же должны иметь рог посередине, чтобы на каждую половину тела приходилось по полрога и таким образом сохранялась симметрия. Объясняя логику природы, создавшей однорогое животное, Аристотель говорит, что все двурогие парнокопытны, а однорогий индийский осел — непарнокопытен. “И раздвоение копыта является недостатком природы, так что разумным образом природа, дав непарнокопытным преимущество в копытах, вверху таковое отняла и сделала их однорогими”.

О месте обитания единорогов греческие авторы пишут по-разному. Ктесий (V–IV вв. до н. э.), врач персидского царя Артаксеркса II, поселяет их в Индии (FGrHist 688 F 45q), а Страбон, ссылающийся на Мегасфена (IV–III вв. до н. э.) — на Кавказ; при этом в отличие от Аристотеля Страбон считает однорогое животное чудом и помещает

“Единорог”
Рельеф из Персеполя
III тысячелетие до н. э.

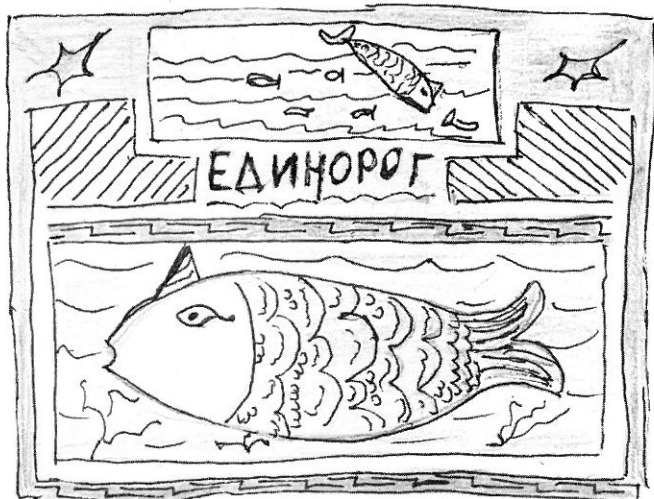

Река Нил и диковинные
животные
Миниатюра XIII в.

его в ряд удивительных явлений, отличающих природу Кавказа от греческой (XV, 1, 56). Однорогоя змея Геродота живет в Нумидии, однорогоя птица Элиана — в Эфиопии; все это места, о которых сами авторы очень мало знают и куда большинство их читателей никогда не попадут.

Столь же разноречивы и описания единорогов. “Дикий осел” Ктесия размером с лошадь или даже крупнее; у него белое тело и пурпурная голова, темно-синие глаза и на лбу острый рог длиной в полтора локтя (около 50 см) — белый у основания, черный в середине и пурпурный сверху. Мегасфен описал лошадь с ногами слона и головой оленя, имеющую рог двух локтей длины. Нечто подобное находим и у Элиана, разве что у его “однорогой лошади” желтая шерсть и грива, а также свиной хвост (*Hist. anim.* III, 41).

Первым греческим автором, описавшим единорога, явился, по всей видимости, Ктесий, чье сочинение *Ἰνδικά* оказало решающее влияние на большинство последующих писателей. Откуда взялся единорог у Ктесия? С полной уверенностью ответить на этот вопрос нельзя. С одной стороны, и в Индии, и в Азии водится носорог, но он уж слишком не похож на описание Ктесия. С другой стороны, у орикса рога прямые и направлены под углом вперед. Ктесий мог увидеть орикса в профиль или барельеф с профильным изображением этого животного. Барельефы с изображением быков в профиль действительно существовали в ассирийской и вавилонской традициях (некоторые из них мне посчастливилось видеть в Британском музее); во времена Ктесия подобные изображения могли украшать дворцы Суз и Персеполя. Так что если бы Ктесий описал однорогого быка, а не осла, и поселил его в Персии или Месопотамии, а не в Индии, мы могли бы считать, что источник образа единорога найден. Может быть, барельефы или вид носорога подсказали Ктесию идею однорогого животного, а дальше в дело вступила его собственная фантазия?

А. К. Гаврилов

Бородино и Троя

Поэзия, история и правда

“Бородино” было написано Лермонтовым в 1837 г. и в том же году стало первым по воле автора напечатанным стихотворением. Первый набросок, известный под названием “Поле Бородина”, датируют 1831–1832 гг., когда поэт был студентом Московского университета. Иногда об этих стихотворениях говорят, что они оба написаны на случай — в 1832 и 1837 гг. исполнялись славные годовщины Бородинской битвы. И хотя это обстоятельство скорее внешнее и вряд ли могло быть основной причиной появления классического произведения русской поэзии, не стоит отрицать а *l'imite*, что внешние причины — круглая годовщина события, желание славы у молодого автора, поиски творческого самовыражения — часто больше способствуют возникновению шедевра, чем искреннейшее желание создать таковой.

Среди строф “Бородина”, которые похожи на старинный ружейный затвор, многим запоминаются слова о том, как по-разному проводят ночь перед решительным боем русские и французы. Это седьмая из сорока пяти строф стихотворения 1837 г., стр. 43–49.¹

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил, весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

Тому, кто знаком с “Илиадой”, естественно сравнить эти стихи с одной деталью в описании боев под Троей. Это строки III, 1–9,² имеющие ряд вариаций, привычных для читателя гомеровских поэм. Параллелями к III, 1–9 особенно богаты II, 455 слл. и IV, 422–438 (первое представляет собой знаменитое своей пышностью скопление развернутых сравнений, предваряющее “Ахейский каталог”; во втором пассаже сопоставляются сближающиеся войска противников). Приведем стихи III, 1–9 в переводе Н. И. Гнедича.³

Так лишь на битву построились оба народа с вождами,
Трои сыны устремляются, с говором, с криком, как птицы:
Крик таков журавлей раздастся под небом высоким,
Если, избегнув и зимних бурь, и дождей бесконечных,
С криком стадами летят через быстрый поток Океана,
Бранью грозя и убийством мужам малорослым, пигмеям,
С яростью страшной на коих с воздушных высот нападают,
Но подходили в безмолвии, боем дыша, аргивяне,
Духом единым пылая — стоять одному за другого.

Как бы ни решался спор о том, шумят ли троянцы сознательно, чтобы внушить страх, или таковы их привычка и настроение, нам сейчас важнее задаться вопросом: не позаимствовал ли Лермонтов отмеченный выше мотив у Гомера?

После ряда попыток переложить гомеровские поэмы на русский язык появился законченный к 1829 г. гексаметрический перевод “Илиады” Н. И. Гнедича.⁴ С конца 20-х годов XIX в. Гомер был весьма популярен в русском обществе — не будет преувеличением сказать, что “Илиада” Гнедича стала “русской Илиадой”. Выход этого перевода совпал с подъемом эллинофильства в России и поддержкой греков на Балканах. Вообще говоря, заимствование из Гомера — не только опосредованное, но и прямое — могло иметь место. Однако несмотря на наличие (особенно у молодого Лермонтова)⁵ антикизирующих мотивов, основополагающими для него были немецкая и английская литературы, прежде всего Шиллер и Байрон — не считая, конечно, литературы французской, которая была так необходима, что ее либо не замечали, либо бранили. Больше, чем классический Юг и заветный Запад, Лермонтова занимают Север и Восток. В обсуждаемом здесь стихотворении, далеком от каких-либо античных ассоциаций, влияние Гомера особенно маловероятно.

Но может быть, разбираемый мотив (“враг шумлив, мы сдержанны”) отражает “просто” историческую реальность? Ведь от участников Бородинского сражения воспоминаний сохранилось множество — офицерами часто были очень молодые и литературно образован-

Строй гоплитов
Протокоринфская ваза VII в. до ч. э.

А. С. Норов

ные люди; в памяти тех из них, кто уцелел во время войны с Наполеоном, участие в этих событиях оставило неизгладимый след. Примечательно, что многие из участников написали мемуары позже, так что в 1830-е годы такого изобилия письменных источников, какое появилось к началу XX в., в распоряжении поэта не было). Не так давно издан небольшой содержательный том записок о Бородинском сражении.⁶

Что пишут, а когда-то рассказывали участники

событий о том, как выглядел русский лагерь накануне боя? В поисках рассказа, напоминающего лермонтовский, остановимся на воспоминаниях Авраама Сергеевича Норова (1795–1869),⁷ который в сражении участвовал юношей, а описал его стариком, когда в конце жизни ему довелось спорить с Львом Толстым по поводу изображения этого события в “Войне и мире”.⁸ Обратим внимание на то, что, описывая Бородинскую битву более полувека спустя, Норов не отрицает, что сам он, хоть и участвовал в событиях, о многом узнает из воспоминаний других очевидцев и из исторической литературы о кампании 1812 года. Он признает достоинства эпопеи Толстого и то, что некоторые сцены описаны “искусным пером графа” достоверно и “пахнут порохом” (с. 10), однако спорит с автором “Войны и мира” относительно ряда исторических деталей и манеры освещения военных действий в целом. Доверие к Норову вызывает и то, что, со своей стороны кое-где идеологизируя правду (это, кажется, почти неизбежно, когда мы имеем дело с человеком, имеющим установившиеся мнения), он явно умеет различать между слышанным, читанным и виденным.⁹

22 августа (ст. ст.) та часть войска, в которой служил Норов, подошла к окрестностям Бородина: “Мы не имели времени оглядеться в первый день, усталые от похода и занятые размещением орудий, коновязи, обоза и, наконец, своих бивуаков;¹⁰ нам казалось, что мы пришли как бы на стоянку. И подлинно: для скольких тысяч из нас это место сделалось вечною стоянкою” (с. 26). Про ночь после боев 24 августа за Шевардино Норов пишет (с. 28): “После этого кровавого вечера огни бивуаков показали нам на противоположной стороне длинный ряд прибывших французских полчищ”. Наконец, о ночи на 26 августа (ст. ст.) перед главным сражением Норов вспоминает так (с. 30):

Мы поздно легли спать не раздеваясь, не помышляя, что несколько сот жерл неприятельских орудий смотрят уже на нас с противной стороны,

ожидавая рассвета. Ночь была свежая и ясная. Самый крепкий и приятный сон наш на заре был внезапно прерван ружейными перекатами: это была атака на гвардейских егерей в Бородине, и почти вслед за тем заревела артиллерия и слилась в один громовой гул.

Ниже (с. 31), в тот момент, когда под обстрелом оказалась и третья линия, в которой стоял Норов:

Разговоры наши заметно были *серьезны*; всякий чувствовал, что он стоит на рубеже вечности. Я заметил, что даже наши ретивые кони, которые сначала при свисте ядер ржали и рвались, вскоре сделались смиренны как ягнята.

Нечто близкое, и даже с сопоставлением французов и русских, дает А. Н. Муравьев (1792–1863): “...Неприятель, возбуждаемый прокламациями своего вождя, разложил большие огни, упивался чем кто мог и кипел против нас яростью; наши же <...> воздерживались <...> от излишества в пище и питье, которого было у нас много поблизости от Москвы...”¹¹

Отметим, что эта тихая сосредоточенность не является, по Норову, постоянной характеристикой русского войска перед битвой. Изображая 22–23 августа, когда русские разбивали лагерь, Норов вспоминает (с. 27): “Необыкновенное оживление проявлялось как бы перед большим праздником во всех рядах войск. В пехоте чистили ружья, обновляли кремни; в кавалерии холили лошадей, осматривали подпруги, точили сабли; в артиллерии тоже холение лошадей, обновление постромок, смазка колес, осмотр орудий, протравка запалов, приемка снарядов — все предвещало конец давним ожиданиям армии!”

А французы? Вспоминая о том, как они проводили ночь 26 августа, офицеры наполеоновской армии или не касаются занимающей нас черты, или рассказывают о себе (как и о русских) по-разному. Ф. де Сегюр (1780–1873), адъютант Наполеона и историк его похода в Россию, сообщает, что Бонапарт ночью более всего боялся, что русские оставят позиции. “Его пугало обнищание его собственных солдат. В состоянии ли они будут, такие слабые и голодные, выдержать длительное и ужасное столкновение?”¹² На недостаток провианта и дров жаловались и другие участники с французской стороны. Кроме того, наполеоновские войска и в последнюю ночь перед генеральным сражением занимались передислокацией, так что положение французов весьма напоминало то, что в русском лагере наблюдалось чуть раньше.

Ближе всего к изображенной Лермонтовым картине подходит фрагмент из воспоминаний Любена Гриуа (L. Griois, 1772–1839),¹³ который полковником командовал при Бородине артиллерией 3-го кавалерийского корпуса французской армии:

6 сентября обе стороны наблюдали друг друга, и, хотя во многих местах наши позиции были очень близки от неприятельских, не было даже перестрелки. Готовившееся великое событие делало отдель-

ные атаки позиции и патрулей ненужными, почти смешными <...>; пальба продолжалась часть ночи и возобновилась на рассвете. <...> В сущности, трудно себе представить вид нашего лагеря в эту ночь. У нас царил шумная радость, вызванная мыслью о битве, исход которой никому не казался сомнительным. Со всех сторон перекликались солдаты, слышались взрывы хохота, вызываемые веселыми рассказами самых отчаянных, слышались их комически-философские рассуждения относительно того, что может завтра случиться с каждым из них. Горизонт освещали бесчисленные огни, довольно беспорядочно разбросанные у нас и симметрично расположенные у русских вдоль укреплений; огни эти напоминали великолепную иллюминацию и настоящий праздник. Мало-помалу шум стихает, огни бледнеют, потом гаснут, и людей охватывает сон, для многих — последний.¹⁴

Но вот картина, которую рисует находившийся на русской службе В. И. Левенштерн (1777–1858), адъютант Барклая-де-Толли: “Обе армии провели ночь в таком настроении духа, какое охватывает человека в ожидании события, которое должно осуществить все желания или разрушить все надежды”.¹⁵ На этот раз французы и русские ведут себя одинаково.

Приведенные выше мемуары о 1812 г. относятся, по случаю, к категории тех, которые были опубликованы много десятилетий спустя после того, как Бородинской битвой занимался Лермонтов. Зато он мог от многих слышать нечто подобное¹⁶ и наверное слышал немало того, что напоминало разноречивые рассказы, выше упомянутые. Это тем более вероятно, что поэт еще юношей, во время работы над первой редакцией стихотворения, начал *систематически* собирать сведения о Бородинском сражении. Это наглядно доказывает копия сохранившейся в его архиве записки на

французском языке, которая озаглавлена *Champ de Bородино* и представлена в двух писарских копиях лермонтовских произведений.¹⁷ В пору написания ранней редакции многим участникам битвы было 40–50 лет, и естественно предположить, что поэт слышал не менее пестрые воспоминания, чем приведенные выше.

Разнобой свидетельств, в сущности, неудивителен: линия фронта растянулась на десять с лишком верст, а занимающая нас подробность к тому же сильно зависит от характера и настроения рассказчика как в роковую ночь, так и в момент записи воспоминаний.

Это заставляет признать, что занимающий нас мотив приходится толковать как *частично* навеянный историческими свидетельствами локального свойства — однако он не является несомненным, бесспорным, настоятельно требующим к себе уважения *фактом*. Историк у пришлось бы выяснять, в каких частях — у русских ли или у французов — было тише или, напротив, беспокойнее; а поэту нужна деталь, имеющая опору в истории. Артистически используя эту деталь, поэт может выполнить требования жанра и задачу типизации, придавая своим словам внутренне убедительную эстетическую форму.

Поэтому возникает еще одно, уже третье, направление поисков: что, если этот мотив (“шумные они — собранные мы”) укоренен в былинных, песенных, вообще фольклорных источниках, или, выражаясь иначе, в неких древних, может быть, даже общечеловеческих особенностях при рассказе о военном противостоянии? В отличие от призванной к объективизму истории поэзия не захочет, например, признавать, что “своих” было больше или положение их было выгод-

Бивак французов около Бородина. 6 сентября 1812 г.
Литография по рисунку А. Адама. 1830-е гг.

ней, чем у врага; а разнясь от идеологии, поэзия не позволит себе изображать противника совершенным злодеем и ничтожеством.

Тем счастливее то обстоятельство, что у нас есть (неоценимая для филолога и редко имеющаяся у тех, кто изучает античную литературу) возможность изучить становление исследуемого произведения, в нашем случае — наблюдать эволюцию от первого наброска, написанного еще в пору ученичества, ко второму, уже зрелому стихотворению. Немаловажно и то, что мы располагаем большинством произведений поэта, притом точно или довольно точно датированных, так что нам дается возможность делать обоснованные выводы о характерных для Лермонтова мотивах и представлениях, рассматривая их в динамике.

В стихотворении “Поле Бородина” изучаемый мотив лишь слегка намечен в строфе, которая (вряд ли верно) считается первой:¹⁸

Всю ночь у пушек пролежали
Мы без палаток, без огней,
Штыки вострили да шептали
Молитву родины своей.

Шумела буря до рассвета;
Я, голову подняв с лафета,

Товарищу сказал:

“Брат, слушай песню непогоды,
Она дика, как песнь свободы”,
Но, вспоминая прежни годы,

Товарищ не слышал.

Обращение поэта с историей здесь свободное: буря и непогода антиисторичны; это дань романтическому шаблону. Намек на тишину и сосредоточенность в русском лагере уже пробивается. Однако про французов не сказано ничего; в бурю ликовать на бивуаке трудно, да и как услышать в непогоду это самое ликование? Таким образом, в первом варианте некий природный шум должен вдохновить своих на подвиг, внушая им мысль о вольном ветре и непокорствующей природе. Во втором — это шум предчувствующего победу врага. Свои готовят оружие к бою в обоих вариантах; но в первом товарищ шепчет молитву или погружен в свое прошлое, а во втором “ворчит сердито” — т. е. почти то же самое подразумевается, но выражено косвенно, а потому больше западает в душу слушателя.

Иначе говоря, Лермонтов, историзм которого необыкновенно окреп за несколько лет, разделяющих обе редакции, развивает этот мотив на основе деталей, имеющих шансы быть историческими; с другой стороны, мы видим, что не меньшую роль в создании

второй версии играет первая — то есть литература отчасти рождается из литературы же.

Рассматривая интересную нас деталь, нельзя не учитывать давно отмеченное филологами обстоятельство, что для Лермонтова кроме названных выше литературных его пристрастий смолоду был характерен глубокий интерес к фольклору, притом не только русскому, но и к восточному — в особенности, кавказских народов.¹⁹ Не взят ли мотив Лермонтовым из фольклора или неких праобразов, складывающихся в том или ином народе

под влиянием передаваемой из поколения в поколение коллективной мудрости? Еще пятнадцатилетним байроником Лермонтов прямо говорил о фольклоре (в частности, о русских песнях) как предпочтительном источнике для собственного творчества.²⁰

Действительно, уже в раннем стихотворении “Два великана” (1832?) — “патриотической аллегории” (по слову Эйхенбаума) на тему той же русской кампании Наполеона — “трехнедельный удалец”, о котором давно уж “гремел рассказ”, пришел “с грозой военной”.

Иначе говоря, французы приходят на Русь с громами и молниями. Ответ им: “Но улыбкой роковою / Русский витязь отвечал”. Опять шум с одной стороны и тишина с другой. Еще выразительнее другой факт: тот же мотив встречаем и в “Песне про купца Калашникова” (написана, как и “Бородино”, в 1837 г.). Кирибеевич куражится перед боем (“...на просторе опричник похаживает, над плохими бойцами подсмеивает”), Калашников начинает с молчаливого поклона всем и всему. В этом случае в высшей степени правдоподобно, что искомый мотив навеян фольклором. Ведь давно установлено, что “Песня про купца Калашникова” вдохновлена фольклорным текстом о “Мастрюке Темрюковиче”,²¹ а в нем есть нечто, если не равноценное, то подводящее к изучаемому нами мотиву. В самом деле, Мастрюк, который “на себя борца не нашел” (ст.150 сл.), слышав о том, что противоборство состоится, задевает левой ногой “за столы белодубовы <...> Повалил он тридцать столов <...> То похвальба Мастрюку <...> Кричит во всю голову”. Оба Борисовича ведут бой, судя по умолчанию, без слов.

Обратим, наконец, внимание на то, что мотив этот в одном из главных своих компонентов — одобрения молчания и вообще сдержанности перед велеречием и “широковещательностью” — встречается в различных культурах на каждом шагу. Немало пословиц, будь то русских или греческих, сводятся к тому, что действие требует не шума, а сосредоточенности (“Кто

тихо ходит, тот густо месит”; “Кабы криком брать — кого б мы к рукам не прибрали?”; “Звону много, да толку мало”; “Не гопай, поколе не перескочешь”; “Не хвлясь, а Богу помолясь”; и т. п.).²² От пустой бочки в крыловской басне “Две бочки” стоит “и стукотня, и гром, и пыль столбом” (есть и пословицы, высказывающие ту же мысль почти в тех же словах: “В пустой бочке и звону много”; “Пустая бочка пуще гремит”); и т. д. А вот комедиограф Филонид, современник Аристофана: κρείττον σιωπᾶν ἔστιν ἢ λαλεῖν μάτην. Само (положительно окрашенное) слово ἐχέμυθία показывает, что в речах лучше быть сдержанным; и неудивительно, что вызывающе дерзкий гомеровский Терсит назван в “Илиаде” ἀκρίτομῦθος.

Таким образом, присутствие некой эстетико-психологической универсалии в картине ликующих французов и молчаливых русских из канонического текста “Бородинна” кажется нам правдоподобнее как литературного заимствования, так и привлечения в поэзию прямого исторического факта. Поэзия, как понимал уже Аристотель, “философичнее” истории (*Poet.* 9, 1451b, 1–8): “Ибо историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой <...>, нет, различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой о том, что могло быть. Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории — ибо поэзия говорит об общем, история — о единичном. Общее есть то, что по необходимости или вероятности такому-то [характеру] подобает говорить или делать то-то; это и стремится [показать] поэзия. <...> А единичное — это, например, то, что сделал или претерпел Алкивиад”.²³

Что дело историка не из легких, мы могли почувствовать, видя разноречивые свидетельства о такой надежде, казалось бы, воспринимаемой черте, как шум и тишина. Сколько же труднее определить в более сложных вопросах, “как оно собственно было” (знаменитое определение задачи истории, данное немецким историком Л. Ранке)! Знал это и Аристотель, который, надо сказать, был гораздо больше историк, чем поэт. Сделанное им сравнение глубоко; он лишь утрирует, чтобы донести свою мысль до других. Аристотель понимает, что между двумя видами творчества — историей и поэзией — есть какое-то существенное различие. Ведь трудно найти действительное, но едва ли не труднее из еще более обширной сферы возможного выявить то, что будет казаться еще и вероятным. В поэзии мы имеем дело с некоей *формой*, которую должен принять рассказ, если он хочет найти путь к сердцу слушателя;

без этой силы убедительности самая правда может показаться чем-то неправдоподобным, то есть восприниматься как не-правда (эта идея развита тем же Аристотелем в “Реторике”).

В итоге получается, что сходство у Лермонтова с Гомером не случайно в том смысле, что Лермонтов, как когда-то Гомер, почерпает поэтическую убедительность и силу из народной словесности, содержащей некие общезначимые представления и оценки. Внимательный к народному творчеству, Лермонтов сам находит мотив, который, таким образом, внутренне *родствен* гомеровскому.

¹ Ниже лермонтовские тексты цитируются по изд.: *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч. в 4-х тт. / Под общ. ред. И. Л. Андроникова, Д. Д. Благого, Ю. Г. Оксмана. Подгот. текста и прим. Э. Э. Найдича. Т. 1. М., 1957. Кроме примечаний в четырехтомнике, учитывались и комментарии предшествующих научных изданий. Неоценимую помощь при занятиях Лермонтовым оказывает свод собранных русским литературоведением знаний о поэте: *Лермонтовская энциклопедия* / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М., 1999² (далее ЛЭ).

² Здесь и ниже наряду со стандартным текстом “Илиады” используем комментарий: *The Iliad: A Commentary / General ed. G. S. Kirk. Vol. I: Books 1–5 / By G. S. Kirk. Cambridge, 1985.*

³ *Гомер. Илиада* / Изд. подгот. А. И. Зайцев. Л., 1990. С. 38; в комментариях (с. 448) А. И. Зайцев делает по поводу этого пассажа следующее любопытное наблюдение: “Перед нами один из очень немногих случаев, когда Гомер отмечает какие-то различия в обычаях противников”.

⁴ В целом об этой традиции см.: *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.; Л., 1964 (во втором изд. [М., 2001] есть вводная статья Н. М. Ботвинник, посвященная автору книги).

⁵ Латынью Лермонтов занимался, греческим — будем откровенны — пренебрег. См.: *Суздальский Ю. П.* Античные литературы // ЛЭ. С. 34.

⁶ *Бородино в воспоминаниях современников* / Ред.-сост. Р. А. Кулагин. СПб., 2001.

⁷ В Бородинском деле Норов участвовал 17-летним прапорщиком гвардейской артиллерии во второй легкой роте, где он командовал двумя — одиннадцатым и двенадцатым — орудиями, находясь на левом фланге (одним из начальников Норова был Афанасий Алексеевич Столыпин, брат Е. А. Арсеньевой, бабушки Лермонтова; см.: ЛЭ. С. 550 слл.). Норов в этот день был ранен и потерял левую ногу; после операции, уже в занятой французами Москве, его лечил генерал-штаб-доктор Наполеона барон Ларрей.

⁸ *Норов А. С.* Война и мир, 1805–1812, с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника: По поводу сочинения графа Л. Н. Толстого. СПб., 1868 (= Военный сборник. 1868. № 11. С. 1–58). В это время роман Толстого еще не был завершен, но главы, описывающие Бородинскую битву, появились уже в журнальной публикации. Добавим, что в 1854–1858 гг. А. С. Норов был министром народного просвещения.

⁹ У Норова нет спеси участника перед историками; не роняя их достоинства, он говорит о прямых свидетелях следующее

(Норов А. С. Указ. соч. С. 32): “А что может видеть фронтовой офицер, кроме того, что у него творится на глазах?”

¹⁰ “Бивак” в речи лермонтовского солдата передает франц. bivouac в народной форме, благодаря ассоциации с “бить” (получается как бы “прибитое, выровненное место”) приспособленной к русскому языку и подходящей к строю его (рас)сказа. В 17-томном “Словаре современного русского языка” (Т. 1. Стлб. 450) варианты “бивак, бивуак” (в этой последовательности!) поданы как равноценные; приведенные там примеры из Л. Толстого не доказывают, что социодialeктной характеристики вариантов не существовало изначально.

¹¹ Бородино в воспоминаниях... С. 78.

¹² Там же. С. 230.

¹³ На это и ряд других важных частных любезно указал нам знаток русской военной истории А. Н. Цамутали (СПб ИИ РАН), за что мы ему живейшим образом признательны.

¹⁴ Бородино в воспоминаниях... С. 258–259.

¹⁵ Там же. С. 64.

¹⁶ Среди родственников стоит иметь в виду хотя бы уже упомянутого выше двоюродного дедушку А. А. Столыпина; опытный в военной истории П. И. Петров (1790–1871) нередко бывал собеседником поэта (*Черейский Л. А. Петровы // ЛЭ. С. 414–415*). О русской кампании Наполеона Лермонтов еще ребенком мог слышать кое-что и с французской стороны — от Ивана Капе (Jean Capet), наполеоновского гвардейца, а потом своего гувернера (*Жижина А. Д. И. Капэ // ЛЭ. С. 216*). Что касается бесед со знакомыми, то это немисливо учесть — столько тут разнообразных возможностей.

¹⁷ Об этом сообщено в комментарии к стихотворению “Поле Бородина” в изд.: *Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 5 тт. / Под ред. Б. М. Эйхенбаума. М.; Л., 1935. Т. 1. С. 439* (записка восходит к самому Лермонтову).

¹⁸ Сравнивая строфу за строфой обоих стихотворений, мы видим, что первая строфа ранней редакции, сохранившаяся в писарской копии, соответствует седьмой строфе “Бородина”; следующим семи строфам отвечают пять строф ранней редакции, притом так, что в каждой строфе второго варианта делаются заимствования из первого. Учитывая, что заключительная строфа “Бородина” — кольцевая, появившаяся, очевидно, только во второй редакции, трудно удержаться от догадки: от ранней редакции сохранилась, надо думать, лишь (вторая) половина; первые 5–6 строф автографа были, видимо, рано потеряны.

¹⁹ *Азадовский М. Фольклоризм Лермонтова // Литературное наследство. Т. 43–44. М., 1941. С. 227 слл.; на с. 233 помещен автограф юношеской (1830) записки Лермонтова о бедности русской литературы и о богатстве фольклора.*

²⁰ Общий взгляд с обзором литературы по этому вопросу см.: *Вацуро В. Э. Фольклоризм // ЛЭ. С. 597–598.*

²¹ Древние российские стихотворения, собранные Киршиою Даниловым. Изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.; Л., 1958 (1804¹, 1818²). С. 32–38.

²² *Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957. С. 615 слл.; 733 сл.*

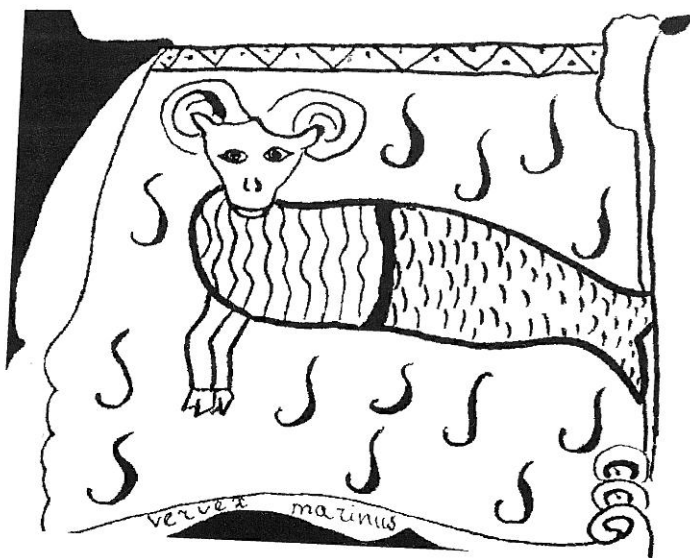
²³ Аристотель и античная литература. М., 1978. С. 126 (пер. М. Л. Гаспарова).

На стр. 8 и 9 воспроизведены
медальоны Ф. П. Толстого
из серии, посвященной войне 1812 г.

БЕСТИАРИЙ

Морской баран

В трактате Сенеки “О стойкости мудреца” среди других анекдотических примеров неразумной обидчивости приводится такой (17, 1): “Chrysippus ait quendam indignatum, quod illum aliquis *verveset marinum* dixerat” (“Хрисипп рассказывает о человеке, который оскорбился, когда кто-то назвал его *морским бараном*”). Хрисипп (III в. до н. э.) — крупнейший философ стоической школы, автор многочисленных сочинений, дошедших до нас во фрагментах — писал, разумеется, по-гречески. И действительно, греческая параллель к приведенному Сенекой выражению отыскивается в трактате Деметрия “О красноречии” (гл. 172): по со-

общению его автора, поговорка τὸ θαλάσσιον πρόβατον обозначает глупца. Этими же словами в одной из версий “Жизнеописания Эзопа” баснописец бранит не в меру любопытного ученика Ксанфа-философа.

Загадочный “морской баран” послужил предметом ученой полемики (с ее перипетиями знакомит статья: *Setaioli A. Un' espressione ingiuriosa in Seneca // Prometheus. 1998. Vol. 24. P. 27–31*). Часть комментаторов полагают, что Хрисипп и Сенека подразумевали реально существовавшее животное: например, рыбу по имени πρόβατον, которую упоминают греческие писатели, или же тюленя, который по-латыни называется похоже — vitulus marinus, т. е. “морской теленок”. Наконец, прилагательное marinus может употребляться и в смысле “заморский” (ср. нашу “морскую свинку”): так, страус именуется у Плавта passer marinus.

Более правдоподобной представляется, однако, другая версия, согласно которой морского барана бессмысленно искать в зоологических определениях. В самом деле, *баран в море* — это примерно то же самое, что “рыба на суше” или “свинья на дубу” из русской поговорки, приводимой у Даля: нечто диковинно-нелепое, беспомощное и абсолютно бесполезное.

Впрочем, кем бы ни был “морской баран”, вывод Сенеки остается незыблемым: если кто-то вас дразнит, не стоит принимать это чересчур близко к сердцу.

В. З.

Рисунок Лизы Герм, 6 класс

Die Robert Bosch Stiftung und unser Gymnasium

Fünf Jahre sind es nun, dass die Robert Bosch Stiftung, eine im Sinne des deutschen Großindustriellen Robert Bosch (1861–1942) zur Unterstützung völkerverbindender Vorhaben gegründete gemeinnützige Stiftung, unser Gym-

Miriam Schmidt-Thomé
Deutschstunde in der *Bibliotheca Classica*

nasium und die *Bibliotheca Classica* mit beruhigender Konstanz und unverhohlenem Interesse fördert. Wir möchten an diesem Ort einmal ausdrücklich für das Vertrauen einer deutschen Stiftung danken, die sich für den Nachwuchs in einem fremden, in seiner Entwicklung erst langsam zur Stabilität heranwachsenden Land engagiert.

Die Stiftung hatte sich 1996 entschlossen, der *Bibliotheca Classica* im Rahmen ihrer "Lektorenprogramme an Hochschulen in Mittel- und Osteuropa" eine Assistenzstelle zu finanzieren, die — ein Glückszustand für die *Bibliotheca* — bis zum heutigen Tage mit verschiedenen jungen deutschen Stipendiaten weiterbesetzt wurde. So bekamen die Redaktion der vielsprachigen wissenschaftlichen Zeitschrift, das Gymnasium und die weitverzweigte Auslandskorrespondenz der *Bibliotheca* deutschsprachige Denker und Pädagogen. Mit Irena Kipf, die als erste Stipendiatin nach St. Petersburg kam, hatte man eine Stuttgarter Slawistin und Germanistin zur Seite, die der hiesigen Assistenzstätigkeit eine erste Form gab und diese zwischen redaktioneller und pädagogischer Arbeit fand. Sie versammelte einen ersten großen Kreis an Schülern um sich, der dann in großen Stücken an die anderen Assistenten weitergegeben wurde. Mit Luise Petzschmann, einer Russistin und Romanistin aus Berlin (im Augenblick zum zweiten Mal bei uns tätig) kam eine interessierte Redakteurin und Päd-

gogin mit slawophilem Einschlag und offenem Auge für die antike Kultur in die *Bibliotheca*. Sabine Witt, Historikerin, Osteuropahistorikerin, und Germanistin aus Zürich, nahm sich erstmals der deutschen Sprache der Deutschlehrer des Gymnasiums an und brachte ihre Erfahrung als Redakteurin in ihre Tätigkeit ein. Miriam Schmidt-Thomé, Germanistin und Kunstpädagogin aus Freiburg, arbeitete als Übersetzerin u. a. an den beiden ersten Ausgaben unserer Schulzeitschrift mit und führte den am Gymnasium heiter wirkenden Deutschklub mit glücklicher Hand weiter.

Seit fünf Jahren sehen die deutschen Assistenten ihre Aufgabe auch darin, an Texten von Kafka, Benjamin, Bernhard, Hölderlin, Goethe, Morgenstern und Nietzsche unter den Mitarbeitern der *Bibliotheca* und den Gymnasiallehrern ein Gefühl für das deutsche Wort des 19. und 20. Jh. zu entwickeln bzw. zu vervollkommen und haben dabei — was auch der allgemeinen Germanophilie in der russischen Altphilologie zu schulden ist — nicht wenig Erfolg.

Die Stiftung willigte gleichfalls ein, unser Gymnasium in seinen Vorhaben zu fördern und vor allem Projekte zu finanzieren, die aus dem Unterrichtsprogramm herausfielen und eine selbständige Betätigung der Schüler herausforderten. Ganz in diesem Sinne wurden beispielsweise die jährlichen Schülerreisen an antike Grabungsorte auf der Krim, die jährliche Teilnahme an der russischen Latein- und Antikeolympiade sowie die Zusammenarbeit mit der *Bibliotheca* zur Förderung von wissenschaftlichem Nachwuchs in einem beträchtlichen Umfang von der Stiftung finanziert.

Für den Zuschuss für unsere Schulzeitschrift möchten wir uns hier gesondert bedanken. Wir möchten daran erinnern, dass die meisten dieser Projekte ohne solch eine Hilfe unrealisierbar geblieben wären.

Luise Petzschmann

Luise Petzschmann und Sabine Witt, Lektorinnen
der Robert Bosch Stiftung, mit den Mitarbeitern der *Bibliotheca Classica*

Романтические баллады

Гимназисты 8 В класса, познакомившись на уроках литературы с жанром баллады, попробовали свои силы в стилизации.

“Абарис” публикует некоторые из их работ.

Соня Александрова

Баллада

Храбрый моряк возвращался домой.
Не был он молод, он был уж седой.
Он был стар, он был слаб, он вина попросил,
Чтобы жажду свою он вином утолил.

Матрона любезно дала ему пить
И хлеба кусок, чтоб его накормить.
“Спросить я хочу, о матрона, тебя:
Скажи мне, где муж твой, не скрой от меня!”

И в ответ он услышал такую вот речь:
“Для начала хочу я тебя остеречь:
Не пускайся ты в море, когда шумит дождь,
Когда буря и град — ты ведь там пропадешь.”

У меня вот был муж, он был славный моряк,
Но теперь он погиб — не вернулся назад,
Когда буря шумела и шел снег и град...
Но вот годы прошли — я жената опять,
И я снова, как раньше, счастливая мать”.

Тут увидел моряк трех детей небольших
И спросил: “Это дети твои?
Их же было лишь двое, теперь их уж три,
Кто же третий, скажи, не тай?” —

“Мы его назовем в честь отца — Фредерик.
То не мертвого имя, что в море погиб:
Это имя того, кто несчастную мать
Не оставил вдовою с детьми умирать”.

Вдруг заплакал моряк, ничего не сказал,
На корабль возвратился он свой.
Только крикнул: “Прощай!” — своей бывшей жене.
“Никогда не вернусь я домой!”

Лина Добулевич

Баллада

Ехал раз ночной порой
Юный рыцарь удалой,
Ехал он к невесте.
Он спешил к себе домой,
Край увидеть дорогой,
Вдруг услышал песню.

Песня та была чудна
И красива, но грустна,
Голос пел прелестный.
Конь вдруг рыцаря понес
Вон из леса, под откос —
Нес туда, где песня.

У берегов реки крутых
Рыцарь смотрит — конь затих,
Глаз с реки не сводит.
Из реки бурлящих вод
Вышла девица, поет,
К рыцарю подходит.

За руку его берет
И к реке его ведет.
Льется, льется песня.
Вдруг нахлынула волна,
Их обоих унесла.
Плакала невеста.

Соня Минаева

Баллада о плачущей девушке и смеющемся коне

На черном коне красавица скачет:
Конь весело ржет — красавица плачет.
Коню говорит красавица тихо:
“Куда же, мой конь, ты скачешь так лихо?!
Зачем ты, мой конь, так страшно смеешься?
Услышишь тебя — так диву даешься”.
Но конь только шагу еще прибавляет
И девушке хохотом злым отвечает.

Быстрей и быстрей красавица скачет:
Конь весело ржет — красавица плачет.

Но вдруг она видит пропасть большую
И в сторону хочет поехать другую.
Но конь непокорный несется, несется,
А сердце красавицы бьется и бьется!
Девушка коня умоляет: “Вернись!
Куда же ты мчишься?! Вокруг оглянись!!!”

Вперед и вперед красавица скачет:
Конь весело ржет — красавица плачет,

И вот конь до пропасти той доезжает —
Девушку прекрасную в пропасть бросает.

Фото: П. А. Герм, В. М. Ярош

Надя Кузнецова

Баллада о молодой вдове

Жила молодая вдова
В Майдугури, городе славном.
Была в городке том молва
О характере той своенравном.

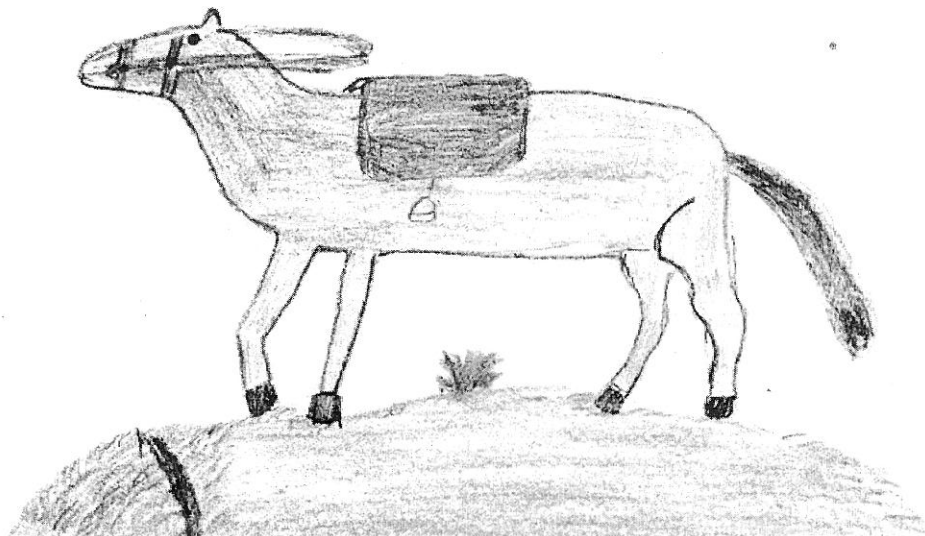
Еще год тогда не прошел,
Как она овдовела, но горе
Позабыла она: “Хорошо б
За купца выйти замуж, за Борю”.

Так говорила вдова,
Но как только они поженились,
Только вышли из церкви, едва
Добрались домой — размирились.

Разлюбила она муженька,
И сейчас он ей больше не нужен
(Привлекало богатство ее). И она
Мужу яд подложила на ужин.

В Майдугури, большом городке,
Молодую вдову осудили.
И по сей день гуляет молва,
Как вдову молодую убили!

Рисунок Серезжи Григорьева, 5 класс

AD ABSURDUM!

Сама жизнь вынудила "Абарис" к публикации этого материала. Нам очень не хотелось бы превращать его в постоянную рубрику, однако время покажет... Благодарим тех, кто во всеоружии поднялся на защиту античности и помог нам подготовить эту подборку. Редакция располагает точными адресами всех указанных мест, но не публикует их во избежание незаслуженной рекламы. Орфография подлинников сохраняется. Фотографии Миши Шляхтера (9 класс) и О. В. Бударagiной.

Магазин мужской одежды

"Калигула"

"СТОМУС"
Зубоврачебная клиника

"Медея"
Ателье одежды

Из телерекламы: **"Дионис — ваш ангел-хранитель"**

«В игре «Слабое звено» игроки постоянно твердят одну и ту же фразу по-латыни: «Homo homini lupus est», что в переводе означает «Человек человеку волк». То ли это выражение вошло в моду вместе с новыми телевизионными передачами, то ли ведущие перед съемками хором разучивают с игроками данный лозунг. Кстати, кроме этого высказывания есть в латинском языке и другие: «Хомо хомени люпус монструм» («Человек человеку монстр») или же «Хомо хомени люпус Деус» («Человек человеку Бог»). А для тех, кто в языках не силен, можно предложить произвольное: «Хомяк хомяку зверь»»

(газета "Панорама ТВ", декабрь 2001 г.)

They wear no uniforms; their only official identification is a card and a small golden shield with the letters SPQR above a bas-relief of the Capitoline Wolf...

Префекты не носят форму; символами их официального положения служат лишь идентификационные карточки и маленькие золотые значки с буквами SPQR над рельефным портретом Капитолины Вульф...

(Гаррет Р. Лорд Дарси // Золотая серия фэнтези / Перевод с англ. А. Соколова. М.: СПб., 2002. С. 731.)

➤ К. Вульф

ДОКЛАДЫ КРУЖКА “КЛАССИКА”

Вера Жижина

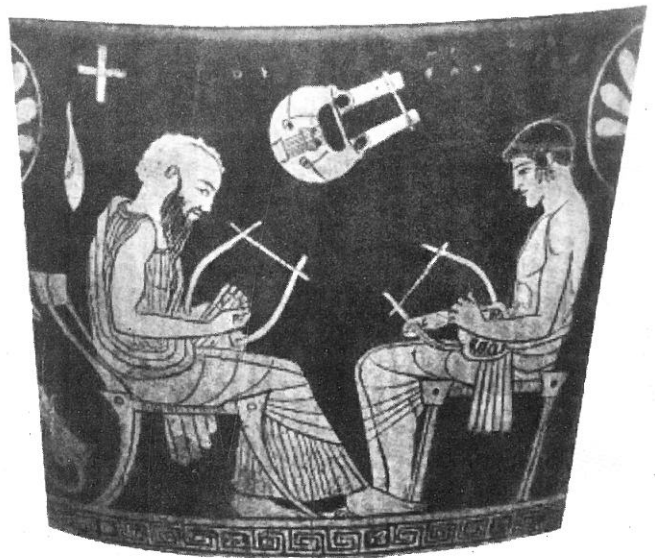
11 класс

ШКОЛЬНЫЕ СОСТЯЗАНИЯ в ὑποβολή

Едва ли не все сферы жизни древней Греции были пронизаны агональным духом, то есть духом непрерывного соревнования. Не обходилось без состязаний (“агонов”) и в школьном образовании, где они, в частности, играли роль экзаменов. Главным источником информации об этих состязаниях являются надписи.

О том, как проходили агоны, известно мало: в эпиграфические каталоги попадали только названия состязаний и имена победителей. Кроме того, самих надписей не так много. Чаще попадаются каталоги гимнастических агонов, и лишь иногда мы встречаем упоминания о мусических, то есть посвященных Музам (состязания в игре на кифаре, пении, декламации стихов, рисовании и т. д.).

Одна из надписей, происходящая из города Теоса и относимая исследователями к III–II вв. до н. э., гораздо более полна, нежели другие.¹ В ней названо столько разных видов мусических состязаний, нигде более не встречающихся, что возникает вопрос: не было ли в Теосе специальной школы, в которой готовили актеров и музыкантов?

Урок музыки
Вазописец Пистоксен
Краснофигурная ваза V в. до н. э.

Сторона 1:

[...Πρεσβυτέρας ἡλικίας:]

ὑποβολῆς ἀνταποδόσεως

Ζωῖλος Ζωΐλου,

ἀναγνώσεως Ζωΐλος Ζωΐλου.

Μέσης ἡλικίας ὑποβολῆς

Μητρόδωρος Ἀττάλου,

ἀναγνώσεως Διονυσικλῆς

Μητροδώρου,

πολυμαθίας Ἀθηναῖος

Ἀπολλοδώρου,

ζωγραφίας Διονύσιος Διονυσίου

τοῦ Διονυσίου τοῦ Μενεκράτου.

Сторона 2:

Νεωτέρας [ἡλικίας ὑποβολῆς]

Ἡράκλειος Ἡρ ----

ἀναγνώσεως -----

καλλιγραφίας -----

λαμπάδος Ἡ -----

ψαλμοῦ Ἰατροκλῆς] ----

κιθαρῖσμου Μ --

κιθαρῶδίας Α -----

ῥυθμογραφία[ς] -----

κωμῶδίας Ἀτ[ταλος] ----

τραγωδίας Κα -----

μελογραφίας [Νίκανδ-]

ρος Νικίου.

Аполлон, играющий на кифаре
Аттическая краснофигурная ваза V в. до н. э.

Надпись дошла до нас не полностью; в частности, у нее нет начала, и первое, что можно прочесть, — это слова ὑποβολῆς ἀνταπόδοσεως, которым и будет посвящен наш доклад. Названия состязаний, как мы видим, стоят в генетиве. Поэтому сразу возникает вопрос; что от чего зависит: надо ли понимать это словосочетание как ὑποβολή ἀνταπόδοσεως или ἀνταπόδοσις ὑποβολῆς?

Попробуем хотя бы приблизительно перевести надпись: "...в ὑποβολῆ ἀνταπόδοσεως (победил) Зоил, сын Зоила; в чтении — Зоил, сын Зоила. В среднем возрасте: в ὑποβολῆ — Метродор, сын Атгала; в чтении — Дионисикл, сын Метродора; в эрудиции — Афиней, сын Аполлодора; в рисовании — Дионисий, сын Дионисия, сына Дионисия, сына Менекрата. В младшем (возрасте): ...Геракл, сын Гер... в чтении... в чистописании... в беге с факелами... в игре на кифаре без плектра Иатр... в игре на кифаре с плектром... в пении под кифару... в записи ритма... в исполнении комедии Ат(тал), в исполнении трагедии Ка... в нотной грамоте (Никандр), сын Никия..."

Видно, что надпись изобилует лакунами и сомнительными местами. Многие другие упомянутые состязания тоже заслуживают подробного разбора, но сейчас мы не будем на них останавливаться. Непонятно также, каков был возраст участников — были ли это старшие, средние и младшие среди детей

"школьного возраста" или же дети и юноши (в других аналогичных надписях упоминаются возрастные категории νέων, ἐφήβων, παίδων — молодых людей, эфебов и мальчиков).

На первый взгляд слово ὑποβολή не ассоциируется ни с одним из школьных предметов. Ясно только, что это существительное связано с глаголом ὑποβάλλω, который буквально означает 'подбрасывать'.

Из значений, приводимых словарем Лиделла — Скотта — Джонса (далее LSJ), выделим следующие: (1) глагол ὑποβάλλω 'подсказывать', ср. русское "подбросить идею" (напр., *Xen. Cyr.* III, 3, 55: ὑποβαλεῖν δυνήσεσθε, ἢν τι ἐπιλανθάνωνται "вы сможете подсказать, если они что-то забудут"), а отсюда — 'вызывать, быть причиной, провоцировать' (*Epicur. Ep.* I, p. 29 Usener); (2) существительное ὑποβολεύς 'суфлер в театре' (*Plut. Mor.* 813e); (3) эпическое наречие ὑποβλήδην 'перебивая' (*Hom. Il.* I, 292: ὑποβλήδην ἡμεῖβετο), 'в ответ' (*Apoll. Rhod.* I, 699; III, 400; *Quint. Smyrn.* II, 247), '(говоря) в свою очередь' (*Coluth.* 146); (4) наконец, собственно ὑποβολή: 'подсказка', отсюда 'предложение, побуждение, совет' (напр., *Apollon. ap. Schol. B II.* XIX, 80: ἐξ ὑποβολῆς λέγειν "произносить речь, пользуясь услугами суфлера"; *Xen. Cyr.* III, 3, 37: ἀγαπητὸν εἶ καὶ ἐξ ὑποβολῆς δύναιτο ἄνδρες ἀγαθοὶ εἶναι "довольно, если они хотя бы по подсказке смогут быть хорошими людьми"). Заметим также, что ἐξ ὑποβολῆς διέναι τὸν ὄρκον означает 'повторять за кем-то слова клятвы' (*Polemo fr.* 83 FHG). Еще одно значение (со знаком вопроса) появилось в словаре в результате анализа нашей надписи Августом Бёком, точку зрения которого мы рассмотрим ниже.

Что касается слова ἀνταπόδοσις, оно столь же несомненно связано с глаголом ἀνταποδίδομι — букв. 'отдавать в свою очередь'. Согласно LSJ, ἀνταπόδοσις может значить 'отдавание обратно' (антоним к ὑποδοχή, *Thuc.* IV, 81), 'воздаяние' (напр., *Aristot. Eth. Nicom.* 1133a3; 1163a11), а с другой стороны — 'чередование' (действия и противодействия, *Hippocr. Aphorism.* I, 12); еще одним особым значением LSJ опять-таки обязан нашей надписи.

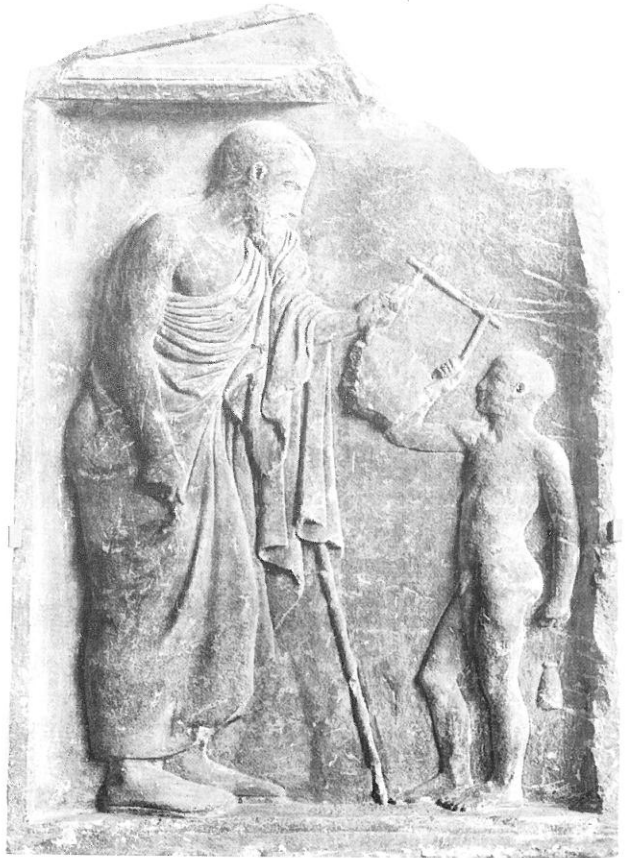
Первым комментатором теосского каталога стал Август Бёк, издавший его в *Corpus inscriptionum Graecarum*.² Именно он привлек к дискуссии о состязании в ὑποβολῆ школьную надпись примерно того же времени (III–II вв. до н. э.) и примерно из того же региона (с Хиоса).³ Сходство действительно бросается в глаза: как и в теосском каталоге, мы встречаем на Хиосе состязания в чтении (ἀνάγνωσις), игре на кифаре с плектром (κιθαρισμός) и без (ψαλμός) и, наконец, в рапсодии, то есть исполнении эпической поэзии. В этом нет ничего удивительного, ведь поэмы Гомера — краеугольный камень греческого школьного образования. Итак, Бёк выдвигает предположение, что теосская ὑποβολή — то же, что хиосская ῥαψωδία.

В доказательство он приводит пассаж из жизнеописания Солона у Диогена Лаэртца (III в. н. э.). Сообщая, что именно Солон упорядочил исполнение на Панафинейх гомеровских поэм, Диоген пишет (I, 57): τὰ Ὀμήρου ἐξ ὑποβολῆς γέγραφε ῥαψωδεῖσθαι, οἷον ὅπου ὁ πρῶτος ἔληξεν, ἐκεῖθεν ἄρχεσθαι τὸν ἐχόμενον — “он предписал исполнять песни Гомера по очереди: где остановится первый, там начинать другому”. Таким образом, при рапсодической рецитации предыдущий исполнитель “подбрасывает” следующему тот или иной фрагмент эпического повествования, а тот его “подхватывает”.

Очень похожий пассаж встречается в псевдоплатоновском диалоге “Гиппарх” (228b),⁴ где речь опять-таки идет об упорядочении исполнения Гомера, только на сей раз Гиппархом, сыном тирана Писистрата: ἠν-ἀγκασε τοῖς ῥαψωδοῖς ἐξ ὑπολήψεως ἐφεξῆς αὐτὰ (scil. τὰ Ὀμήρου) διέναι, ὡσπερ νῦν ἐτι οἶδε ποι-οῦσι — “приказал, чтобы рапсоды проходили их (т. е. поэмы Гомера) подряд, подхватывая, как они и сейчас еще делают”. Слово ὑπόληψις, связанное с ὑπολαμβάνω, как раз обозначает ‘подхватывание’. В самом деле, ведь ῥαψωδία буквально значит ‘сшитая песнь’. Рапсодия — единственный из мусических жанров, где исполнителям приходилось сменять друг друга. Опираясь на это, Бёк утверждает, что такое ‘сшивание’ (от ῥάπτω ‘шить’) можно назвать и ὑποβολή, то есть ‘подбрасывание’ (подхватывание). Глагол ὑποβάλλω он переводит немецким einfallen — ‘вступать’ (об инструменте в оркестре), ‘вставлять реплику’. Эта версия нашла отражение и в словаре LSJ, где для ὑποβολή дается под вопросом значение ῥαψωδία со ссылкой на нашу надпись.

Сочетание ὑποβολῆς ἀνταποδόσεως Бёк понимает как ἀνταπόδοσις ὑποβολῆς (ὑποβολή ἀνταποδόσεως он находит совершенно бессмысленным). Бёк снимает вопрос о том, какая разница между ὑποβολή ἀνταποδόσεως у — очевидно — старшего возраста и просто ὑποβολή у среднего, считая, что никакой: просто в начале надписи этот вид состязаний назван более полно, а затем более коротко.

Эта точка зрения вызвала возражения у постоянного оппонента Бёка — Готфрида Германа.⁵ Прежде всего, Герман вообще подвергает сомнению правильность употребления ὑποβολή у Диогена Лаэртца: судя по тексту Платона, при описании выступлений рапсодов уместно не ἐξ ὑποβολῆς, а именно ἐξ ὑπολήψεως, то есть “подхватывая”, а не “подбрасывая”. Не проще ли вместо того, чтобы постулировать для ὑποβολή не вполне обычное значение, предположить, что ἐξ ὑπολήψεως там когда-то и стояло: то ли в источнике, которым пользовался Диоген, то ли даже у него самого? Диоген Лаэртций — автор ненадежный, а его рукописи полны искажений; и даже если сам он ничего не перепутал, ошибку мог сделать переписчик.

Надгробие поэта. Фивы, V в. до н. э.

Отметая таким образом параллель с Диогеном, Герман возражает также и против параллели с хиосской надписью: даже если совпадают три вида состязаний, из этого не следует, что должен совпадать и четвертый. К тому же перечисление соревнований обычно идет от менее сложных к более сложным, и если в школе с Хиоса рапсодия упоминается вслед за обыкновенным чтением (ἀνάγνωσις), то и в Теосе она не могла бы предшествовать чтению, если бы на самом деле была названа (а в нашей надписи слово ὑποβολή оба раза встречается непосредственно перед состязаниями в чтении).

Наконец, Герман замечает, что по версии Бёка на состязаниях в ὑποβολή читалось обязательно несколько песен. Однако и в этом случае кажется непонятным, почему победа присуждалась не за их recitatio, то есть исполнение, а за coniunctio, то есть ‘соединение’ (оба ученых мужа ведут полемику по-латыни). Герман иронически вопрошает: мог ли тогда стать победителем тот мальчик, который декламировал самый первый отрывок?

Итак, по Германи, ὑποβολή нельзя просто отождествлять с рапсодией, которая и сама по себе — не более чем “исполнение эпических песен”. Глагол ὑποβάλλειν он переводит как ‘подсказывать’, ‘произносить для повторения’. Наличие такого значения сомнений не вызывает: мы помним, что термин ὑποβoλεὺς мог обозначать театрального суфлера.

При всем том Герман делает довольно странный вывод: в теосской школе состязались в декламации с помощью суфлера — рядом с декламирующим учеником стоял кто-нибудь со свитком и не давал ему сбиться!

Против приравнивания ὑποβολῆς к ὑποβολῆς ἀνταπόδοσεως Герман тоже решительно возражает, ссылаясь на то, что агонистические каталоги обычно очень точны в терминологии. Связь двух слов в генетиве он, в отличие от Бёка, истолковывает как ὑποβολή ἀνταπόδοσις. По его версии, это состязание (очевидно, для старших) — следующий уровень сложности: школьник декламирует уже не монолог, а диалог (ἀνταπόδοσις понимается как “смена реплик”), с вхождением в образ обоих собеседников и, надо думать, на разные голоса, но все равно с помощью суфлера.

Бёк, конечно, возражает Герману, и некоторые контраргументы ему удастся убедительно отвести.⁶ Так, он не считает возможным отвергать все, что пишет Диоген Лаэртский, только потому, что этот автор действительно иногда допускает ошибки. И сходство с хиосской надписью, конечно, нельзя сбрасывать со счетов. Наконец, предложенное самим Германом “состязание в декламации с помощью суфлера” (а буквально получается — “в суфлировании”) не выдерживает критики: за что же участники состязания получали награду, если даже не выучили как следует стихи?

Однако в целом надо признать, что, хотя собственное объяснение Германа совсем не убедительно, его критика Бёка во многом справедлива. В самом деле, в простом приравнивании ὑποβολή к рапсодии чувствуется натяжка. Почему бы тогда не написать, как в хиосской надписи, просто ῥαψωδία? И зачем нужны два варианта обозначения: ὑποβολῆς и ὑποβολῆς ἀνταπόδοσεως?

Определенную ясность в этот запутанный вопрос внес Ульрих фон Виламовиц-Меллендорф.⁷ Виламовиц вспоминает, что именно в такую игру он со своими соучениками играл в школе — знаменитой Пфорт.⁸ Смысл игры заключался в следующем: один начинает цитату, например, из Катулла или из Гете, а другой должен ее подхватить. Реплика того, кто начинает, может быть названа по-гречески ὑποβολή, а того, кто подхватывает, — ἀνταπόδοσις. Именно это толкование ἀνταπόδοσις попало в LSJ: “capping verses”.

В качестве античной параллели Виламовиц приводит “Агон Гомера и Гесиода” — своеобразный памятник греческой литературы, описывающий легендарное состязание двух поэтов. Гесиод запевал загадочные или прямо бессмысленные строки, а Гомер должен был их подхватывать и на ходу распутывать все непонятное. Например, Гесиод начинает описание какого-то странного пира (пер. М. Л. Гаспарова):

Сели они, чтобы вволю поест коней быстроногих...

Гомер подхватывает:

...коней быстроногих

Мирно пустили пастись: довольно они воевали.

Таким образом, перед нами поэтический агон, один участник которого подхватывает за другим. Единственное отличие состоит в том, что божественные певцы, в отличие от теосских и немецких школьников, могли позволить себе выдумывать связный текст на ходу.

Правда, Виламовиц специально не останавливается на том, есть ли какое-то различие между ὑποβολῆς и ὑποβολῆς ἀνταπόδοσεως. Однако в развитие его мысли мы можем предположить, что на состязаниях в ὑποβολή в средней возрастной категории фрагменты (возможно, заранее известные) соревнующимся задавал учитель, а в старшей — сами участники пытались сбить друг друга; этот вид соревнования и назывался ἀνταπόδοσις ὑποβολῆς, т. е. “состязание в реакции на подброшенное”. Никаких подробностей того, как были организованы состязания и на каких основаниях присуждались награды, установить не удается, и об этом можно только жалеть.⁹

¹ Ес текст см.: *Michel Ch. Recueil d'inscriptions grecques. Bruxelles, 1900. № 913.*

² *Corpus inscriptionum Graecarum / Ed. A. Boeckh. T. 2. Berlin, 1843. № 3088.*

³ CIG 2214 = Syll.³ 959 = Michel 898.

⁴ Бёк, впрочем, называет его “диалогом *О корыстолюбии*” — в соответствии со своими оригинальными взглядами на происхождение этого и некоторых других сочинений платоновского корпуса (подробнее см.: *Егунов А. Н. Атрибуция и атетеза в классической филологии // Древний мир и мы. Вып. 1. СПб., 1997. С. 107–110.*

⁵ *Hermann G. Quid sit ὑποβολή et ὑποβλήδην // Opuscula. Vol. V. Lipsiae, 1834. P. 300–311.*

⁶ Часть своих соображений по поводу теосского каталога Бёк обнаружил еще до издания корпуса греческих надписей, в лекциях, прочитанных в Берлинском университете за летний семестр 1834 г.; поэтому полемика с Германом вошла в комментарий к CIG 3088 (p. 676–678).

⁷ *Wilamowitz-Moellendorf U. von. Homerische Untersuchungen. Berlin, 1884. S. 265.*

⁸ Об этом учебном заведении см.: *Гаврилов А. К. Пфорта (Schola Portensis) // Абарис. 2001. Вып. 2. С. 7–12.*

⁹ Выражаем признательность А. Л. Хосроеву, предложившему тему этой работы.

Руководители доклада — Н. А. Алмазова, З. А. Барзах
Фото: А. И. Рубан

Мантихор, левкрокота, пегас

Aethiopia generat multa que alia <...> similia: pinnatos equos et cornibus armatos quos pegasos vocant <...>, Indicos boves unicornes tricornesque, leucrocotam perniciosissimam feram asini fere magnitudine, clunibus cervinis, collo, cauda, pectore leonis, capite melium, bisulca ungula, ore ad aures usque rescisso, dentium locis osse perpetuo. Hanc feram humanas voces tradunt imitari. <...> Apud eosdem nasci Ctesias scribit quam mantichoran appellat triplici dentium ordine pectinatim coeuntium, facie et auricula hominis, oculis glaucis, colore sanguineo, corpore leonis, cauda scorpionis modo spicula infigentem, vocis ut si misceatur fistulae et tubae concertus, velocitatis magnae, humani corporis vel praecipue adpetentem (*Plin. Nat. hist. VIII, 21*).

Эфиопия рождает много тому подобного: крылатых коней, наделенных рогами, которых называют пегасами <...>; индийских быков однорогих и трехрогих; левкрокоту — очень быстрого зверя величиной примерно с осла, с крупом оленя, шеей, хвостом [и] грудью льва, с головой барсука, раздвоенными копытами [и] пастью, разверстою до самых ушей, вместо зубов [же у нее] — сплошная кость. Говорят, что животное это подражает человеческому голосу.

<...> Ктесий пишет, что у них же водится тот, кого он называет мантихором: с тремя рядами зубов, которые смыкаются, как зубцы у гребня, лицом и ушами человека, голубыми глазами; [зверь этот] кровавого цвета, [у него] тело льва, хвост, разящий жалом, как у скорпиона, а голос, будто одновременно звучат свирель и труба. [Он] очень быстроног и охотится, в основном, за человечиною.

(Плиний Старший, “Естественная история” VIII, 21)

Перевод Саши Дмитриковой

8 класс

А. А. Оскольский

“Естественная история” Плиния Старшего глазами зоолога *als ob*

Если существует животное, уродливое по какому-либо признаку — значит, наверняка существует таксон (естественная группа организмов — вид, род, семейство, отряд и т. д.), в котором данный признак будет нормой. Эта закономерность, известная как “правило Кренке”, на удивление строго соблюдается в биологии: даже такое уродство, как двуглавость, оказывается нормой для некоторых плоских червей. Следовательно, изучая монстров, мы можем предсказывать существование неизвестных таксонов. Правда, не исключено, что таксоны эти окажутся вымершими...

Животные, описываемые Плинием Старшим в приводимом здесь отрывке из “Естественной истории”, кажутся ужасными монстрами лишь потому, что нам не удастся их расклассифицировать: они не могут быть однозначно отнесены к известным отрядам млекопитающих (то, что все они относятся к этому классу позвоночных, не подлежит сомнению). Современные млекопитающие произошли от предков, живших в юре — начале мела и напоминавших крупных землероек, и несомненно, что на протяжении столь длительной эволюционной истории существовали формы,

сочетавшие признаки разных отрядов. Все они, однако, вымерли, и их находка в ископаемом состоянии всегда становится научной сенсацией — подобно открытию первоптицы археоптерикса.

Тем более важны для нас бесценные свидетельства Плиния о монстрах: ведь, по сути дела, речь у него идет о “живых ископаемых” — то есть как раз о таких промежуточных формах между отрядами млекопитающих, чудом выживших на территории северо-восточной Африки. По-видимому, они сохранялись там еще во времена Плиния, но на сегодняшний день, к сожалению, полностью вымерли

Мантихор

Миниатюра из bestiaria XII в. (РНБ)

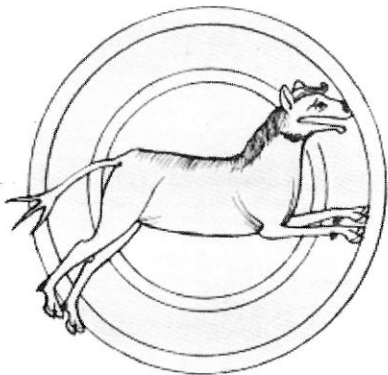
(фото из кн.: Средневековый bestiary. М., 1984. С. 124–125)

(или истреблены человеком). Обнаружение этих своеобразных существ позволяет по-новому взглянуть на родственные связи между разными группами млекопитающих и, соответственно, внести существенные коррективы в систему этого, столь близкого нам, класса.

Рассмотрим с этой точки зрения одно- и трехрогих индийских быков, о которых упоминает Плиний. Животные эти действительно кажутся странными: ведь все известные нам Парнокопытные если и имеют рога, то непременно четное их число — два или четыре; непарный же рог характерен только для носорога — представителя отряда Непарнокопытные. Сведения об одно- и трехрогих быках служат, таким образом, надежным подтверждением тесного филогенетического родства между Парно- и Непарнокопытными и позволяют достовернее реконструировать облик их общего предка.

К сожалению, Плиний приводит крайне скудные сведения о морфологии пегаса, не указывая даже число рогов. Признак этот, как мы только что убедились, чрезвычайно важен для систематики копытных. Поскольку пегасы, как и все кони, относятся к Непарнокопытным, можно предположить, что у них имеются один или три рога. Но в любом случае ясно, что рога пегаса — это архаичная особенность, которая была утрачена в ходе эволюции лошадей. Такой вывод заставляет усомниться в классической схеме эволюционной истории лошади, разработанной В. О. Ковалевским на палеонтологическом материале: в ней не учитывается факт, что у предка лошади были рога!

Крайне скудны у Плиния сведения и о строении крыльев у пегасов (более поздние изображения этих животных нельзя считать достоверными — ведь на них не показаны даже рога!) Едва ли возможно представить себе, что крылья пегаса представляют собой видоизменения передних конечностей, как у птиц или летучих мышей: если бы дело обстояло именно так, то это животное никак нельзя было бы принять за коня. По-видимому, их крылья — это складки кожи между передними и задними ногами, используемые при парящем полете. Как известно, подобный признак у млекопитающих независимо возникает как минимум трижды: у летяг (отряд Грызуны), сумчатых летяг (отряд Сумчатые) и кагуанов (отряд Шерстокрылы). Сходство пегасов с этими животными носит, однако, явно конвергентный характер, а потому не может быть

Левкрокота

Миниатюра из Кембриджского bestiaria

(фото из кн.: Средневековый bestiарий. М., 1984. С. 137)

использовано для выявления их родственных связей с другими группами млекопитающих.

Левкрокота — это довольно типичное Парнокопытное; что до ее сходства со львом и барсуком, то оно ограничивается малосущественными признаками (форма головы, хвоста и туловища), которые явно не указывают на родство с Хищными. Для левкрокоты характерна, однако, такая редкая у зверей особенность, как отсутствие зубов; это имеет место только у усаых китов, муравьедов и панголинов. Стоит заметить, что потеря зубов у сухопутных млекопитающих всегда сопряжена с переходом к питанию муравьями и термитами. Очевидно, левкрокота кормилась именно ими, подобно африканскому трубкозубу (это крайне своеобразный зверь, выделяемый в отдельный отряд, близкий к копытным). Возможно, трубкозуб вместе левкрокотой образуют маленькую боковую ветвь на эволюционном древе копытных.

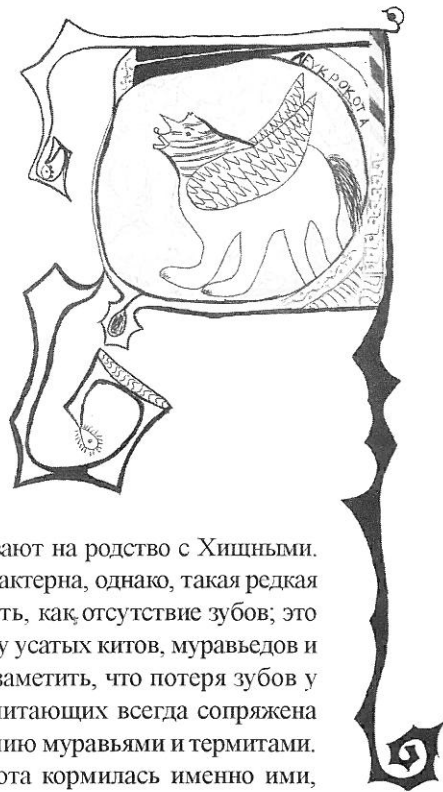
О систематическом положении мантихора можно только догадываться: “тело льва” еще мало о чем говорит, а “хвост скорпиона” напоминает, скорее, о сильном заостренном хвосте крупных ящериц (варанов), который они используют для защиты от врагов. Но нельзя не отметить чрезвычайно своеобразное строение зубной системы этого животного: расположение зубов в три ряда не было отмечено ни у млекопитающих, ни, насколько мне известно, у рептилий. По-видимому, этот признак чрезвычайно архаичен; вероятно, он был характерен для общего предка всех млекопитающих. Его открытие у мантихора служит ярким подтверждением принципа полимеризации гомологичных органов В. А. Догеля: сначала некий орган (в нашем случае ряд зубов) формируется в большом числе (три ряда), а дальнейшая их эволюция ведет к уменьшению числа этих органов (один ряд зубов).

Таким образом, анализ античных свидетельств может дать новые данные, значение которых для морфологии и систематики животных трудно переоценить. Остается сожалеть, что подавляющее большинство современных биологов владеют латынью лишь в пределах двух первых склонений, а потому эти интереснейшие материалы остаются недоступными для науки. Сейчас, благодаря активной деятельности Санкт-Петербургской классической гимназии и журнала “Абарис”, ситуация начинает меняться к лучшему, и в ближайшем будущем можно ждать новых неожиданных открытий. Als ob.

Рисунки Далилы Абу Хакемах

Лиды Черняковой

5 класс

ТЕАТР ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ

Алексей Андреев

выпускник 1998 г.

“СОВЕТСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ. Выпуск 1”

В конце декабря 2001 г. состоялась премьера нового спектакля гимназической театральной студии “Советская драматургия. Выпуск 1”. Оригинальный сценарий представляет собой многослойный коллаж из отрывков драматических и прозаических произведений, написанных в 20-е–30-е гг. прошлого века — от классических образцов советского “большого стиля” до анонимной агитационной пьесы для самодеятельных театров. Литературной основой спектакля стали “Оптимистическая трагедия” В. В. Вишневского, “Хочу ребенка” С. М. Третьякова, “Список благодетелей” Ю. К. Олеси, “Человек с ружьем” Н. Ф. Погодина, либретто циркового представления “Москва горит” В. В. Маяковского, “Агитсуд над Фанни Каплан” и записанный журналистом рассказ девочки — воспитанницы трудовой колонии “Как мы представляли в вос-

кресенье”. Для создателей спектакля немаловажно, что многие из этих пьес имеют не только литературную, но и театральную историю: стилизованные афиши напоминают зрителю о знаменитых постановках “Списка благодетелей” в театре В. Э. Мейерхольда и “Оптимистической трагедии” в Камерном театре А. Я. Таирова.

Прежде всего стоит отметить, что, несмотря на обилие комических эпизодов, спектакль не стал насмешкой над советской литературой двадцатых — чего запросто можно было ожидать, зная характер режиссеров Е. В. Вензель и Е. Н. Грачевой. Напротив, он получился цельным, дискуссионным и даже (простите за неуместное слово) философским.

Загравиваемые в постановке проблемы могут показаться современному зрителю оторванными от реальности: они выглядят надуманными, а герои — черес-

чур рьяными. Однако с помощью своеобразного сюжетного хода режиссеры, как кажется, сумели вернуть подобранным текстам актуальность. Зрители видят перед собой своего рода театр в театре: герои спектакля — люди той эпохи — играют пьесы для своих современников, вполне разделяющих их воззрения; мы же являемся лишь случайными зрителями, удивленно наблюдающими за тем, с каким воодушевлением могла восприниматься тогда эта “новая” литература.

Конфликт “нового” и “старого” столь же важен для понимания идеи постановки. Артистка Гончарова (героиня “Списка благодетелей” Ю. К. Олеси, эпизоды из которого проходят через весь спектакль), сделавшая себе имя еще до революции и привыкшая к классическому репертуару, с сентиментальной грустью читает отрывок из “Гамлета”, но сталкивается с полным неприятием этой величайшей, по ее мнению, пьесы “новой” публикой. Ее отношения с “новыми” людьми не складываются и в реальной жизни. В результате появляется идея бросить все и уехать в Париж, где — она в этом уверена — все поголовно любят прекрасное и способны оценить хорошую игру и настоящую литературу. Итак, героиня уезжает. Париж... Монмартр... Актриса идет устраиваться в театр и вновь читает своего любимого “Гамлета”. Но и в Париже ее не хотят понимать. Высокое искусство превращается здесь в фарс, страстная игра заменяется канканами (не

менее, впрочем, страстными). Париж оказывается фальшивым, и актрисе становится очевидно, что советский театр, несмотря на одноплановость, в гораздо большей степени соответствует ее пониманию сущности искусства. По крайней мере, он очень искренен... Актриса возвращается в Россию, вновь выходит на родную сцену и — я в этом уверен — приводит в восторг публику, сыграв “новую” советскую женщину в мрачно-патетической пьесе “Хочу ребенка”. Впрочем, тоска по прошлому так и не покидает Гончарову. Та же грусть передается и зрителю, но посу-

дите сами: никто не виноват в том, что Шекспир давно умер и, следовательно, больше ничего не напишет. Невозможно жить только “старым”: жизнь продолжается и, как это ни печально порой, приходится адаптироваться к происходящим в ней переменам.

В художественном и стилистическом отношении спектакль схож с предыдущими работами студии — максимум содержания при минимуме декораций и реквизита по-прежнему остается визитной карточкой режиссеров. Налицо тот же очень высокий уровень подготовки актеров, обилие музыки, запоминающиеся костюмы. При этом стоит отметить появившийся “глобализм” постановок: в “Советской драматургии” задействованы 29 ребят разного возраста — от пятиклассников до выпускников. Е. В. Вензель и Е. Н. Грачева непременно находят роль для всех желающих принять участие в спектакле, понимая, что студия существует прежде всего для детей и помогает им раскрыться. Еще одним новшеством является обильное использование спецэффектов. Свет прожекторов вспыхивает и в нужный момент гаснет, становясь полноправным героем происходящего и создавая необходимую атмосферу (например, в пьесе “Хочу ребенка”); с помощью спичек, мастерски зажженных о погоны, перед изумленным зрителем разводят целый костер (бурлескная сцена из “Человека с ружьем”, в которой участвуют Ленин и комиссар по топливу). Особенно впечатляет находка

с театром теней в эпизоде “суда” над Фанни Каплан: актеры со слов свидетелей покушения демонстрируют различные версии случившегося, а их движения проецируются на красное полотно, так что невольно возникает ассоциация с черно-белым синематографом.

Безусловно, самой трудной задачей является для меня обсуждение работы молодых актеров. Трудной потому, что все ребята действительно очень старались и, что самое главное, получали удовольствие от своей игры. К сожалению, отметить всех участников спектакля невозможно, поэтому придется ограничиться лишь несколькими именами. Роль артистки Гончаровой играют сразу три совершенно разнохарактерные девушки — Наталия Кузнецова, Маргарита Тарасова и Наталия Донская. Такой прием распределения одной роли между несколькими исполнителями режиссеры студии используют не впервые, и всякий раз это только способствует созданию цельного образа. Илья Гусаров, которого многие помнят по роли Эзопа в предыдущем гимназическом спектакле, на этот раз замахнулся на роль Ленина и вновь был неподражаем: он не только виртуозно копировал походку, движения и голос прототипа, но и пел “Марсельезу”, играл на флейте и гармошке. По замыслу создателей спектакля, вождь пролетариата предстал перед нами таким массовиком-затейником. Софья Лурье своей игрой сумела затмить кинематографический вариант комиссарши из “Оптимистической трагедии”: фраза “Кто еще хочет попробовать комиссарского тела?!” прозвучала в ее устах более чем угрожающе. Ну и, конечно, нельзя не

главным орлом и другими персонажами.

Подводя итог, скажем, что спектакль, без сомнения, получился. Остается надеяться, что играть его будут часто и с удовольствием, и тогда аншлагу постановке обеспечен!

P. S. 7 мая 2002 г. на Третьем Брянцевском фестивале детских театральных коллективов Илья Гусаров вновь, как и в прошлом году, был удостоен диплома за лучшее исполнение мужской роли. “Абарис” присоединяется к поздравлениям лауреату.

Фото: В. М. Ярош

Из жизни носоходящих

Мы предлагаем вашему вниманию перевод нескольких отрывков из книги Гаральда Штюмпке *Bau und Leben der Rhinogradentia*. Впервые этот труд был опубликован в 1960 г. и с тех пор неоднократно переиздавался, удостоившись перевода на английский, французский и японский языки. Интерес к работе Г. Штюмпке понятен — ведь ученый муж, служивший хранителем музея Института Дарвина на островах Хай-ай-ай (Hi-Iay), открыл и описал новый отряд (!) млекопитающих, назвав их носатиками, или носоходящими (поллатыни *rhinogradentia*, по-немецки *Naslinge*). Одна из первых рецензий на книгу, принадлежавшая перу Г. Г. Симпсона, была опубликована в журнале *Science* (1960. Vol. 140. P. 624–625). Монография Г. Штюмпке приобретала тем большую ценность, что все до единого ринограденты погибли в результате секретных испытаний ядерного оружия в районе архипелага. Проблема массового уничтожения носатиков даже специально обсуждалась сенатом США!

Потеря носоходящих была бы действительно невосполнима для науки, если бы книга Штюмпке (под этим именем скрывается немецкий биолог Герольф Штайнер) не оказалась... остроумной мистификацией, оформленной по всем канонам скрупулезного исследования. Итак, наши читатели имеют счастливую возможность познакомиться с некоторыми сторонами жизни современной Атлантиды — ушедшего под воду архипелага Хай-ай-ай.

Редакция благодарит С. А. Подлипаева за идею публикации.

Перевод выполнен по изданию: Н. Stümpke. *Bau und Leben der Rhinogradentia / Mit 15 Tafeln und 12 Abbildungen im Text von G. Steiner. Stuttgart, 1993. S. 1; 5–6; 38–40; 85.*

1.

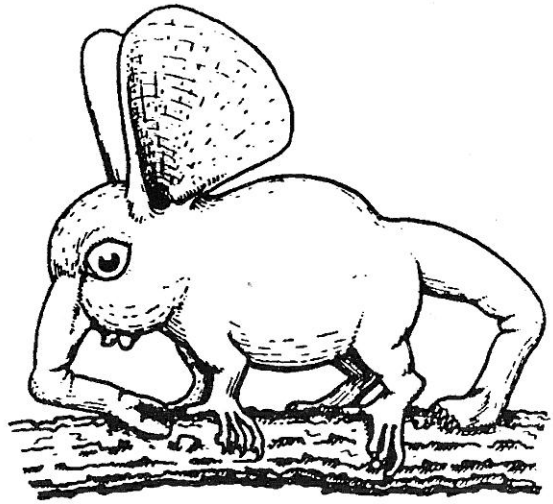
Из предисловия

Среди млекопитающих отряд носатиков занимает особое место, что объясняется открытием этих чрезвычайно своеобразных животных лишь в недавнее время. До сих пор они не попадали в поле зрения ученых, потому что родина носатиков — группа островов Хай-ай-ай в Южном море (в англосаксонском написании Hi-Iay) — не была известна вплоть до 1941 г.; но и тогда нога цивилизованного европейца впервые ступила на острова лишь благодаря необычному стечению обстоятельств, имеющих отношение к тихоокеанской войне. В дальнейшем эта группа животных приобрела исключительное значение благодаря тому, что были описаны принципы их строения, поведение и экология, не находящие параллелей не только среди млекопитающих, но и вообще у позвоночных.

Первооткрывателем архипелага является швед Эйнар Петтерсон-Скемтквист, который, бежав из японского плена, течением был занесен на остров Хай-Дадайфи (Hi-Duddify).

2.

Носатики, которые считаются особым отрядом млекопитающих, были описаны известным специалистом Броманте де Бурласом. Как показывает название, они в целом характеризуются особым строением носа. Нос может быть один, но бывает их и несколько; эта последняя деталь уникальна среди позвоночных.

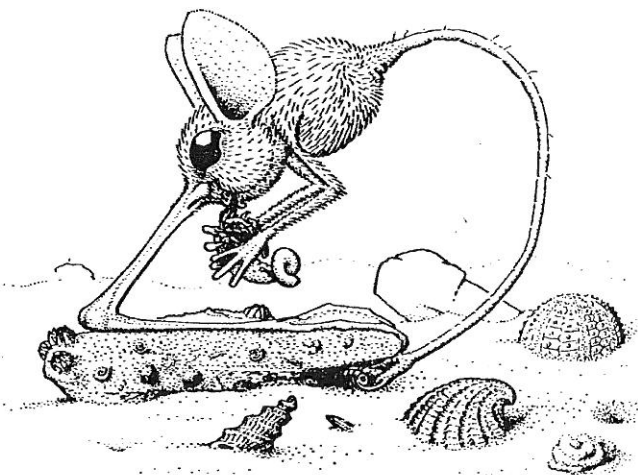
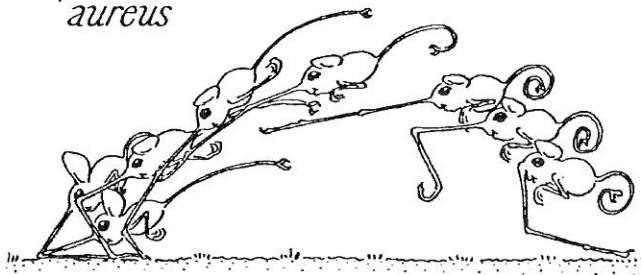
Phyllohoppla bambola

3.

Эти животные обитают в девственных лесах и кронах деревьев, что позволяет им, кувыркаясь, прыгать с сука на сук или спокойно ползать по веткам. Они крепко сложены, как и большинство других носоходящих, размером с мышь и питаются насекомыми.

В то время как их туловище и конечности сохранили некоторые черты праносатиков, на голове уже имеются большие глаза и ловкий подвижный нос. <...> Своеобразный облик придает им также и хвост: он тоже крайне мускулист и ловок, а на конце имеет ступню с жесткой щетиной, которая делает его твердым и шершавым. <...>

Hopsorrhinus aureus

Посредством носа и хвоста *попрыгунчатые носатки* быстро скачут по лиановой чаше: то вперед, то назад, то в сторону, — поэтому их трудно обнаружить. Такая маневренность на первый взгляд не вполне понятна, так как у этих животных почти нет врагов. Однако живут они малыми группами, внутри которых случаются драки и погони, вызванные соперничеством за место в иерархии сообщества; их значение до сих пор не прояснено до конца. Кроме того, проворство помогает в добывании пищи, так как питаются попрыгунчатые почти исключительно летающими насекомыми, которых ловят в прыжке.

В отличие от вышеупомянутой разновидности, *носопрыгающие* живут на земле. Их нижние конечности, как уже было сказано, атрофировались и практически незаметны; зато нос выдается еще сильнее, и в нем можно выделить три части. Хвост служит им не только для перемещения, но и для того, чтобы хватать пищу: многоножек, мокриц и береговых раковотшельников. <...> С помощью хвоста носопрыгающие умело достают свою добычу из маленьких трещин и узких щелей. Одним прыжком они способны преодолеть расстояние, в полтора раза превышающее размер их тела, а во время бегства <...> прыжки могут достигать даже и десятикратной длины туловища: при этом носопрыгающие обычно отталкиваются, загибая нос назад (см. рисунок выше). В полете эта разновидность носатиков помогает себе большими ушами.

4.

Среди <...> трех видов *Liliopsis*, отличающихся от *Orchidiopsis* расположением ушей и головного гребешка, есть один, который днем спит, а по ночам “расцветает”, т. е. расставляет сети для охоты. У этого животного, которое в англосаксонской литературе называется *glowing lily*, а по-немецки “чудо-нос” (*Liliopsis thaumatonasus*), имеется одна особенность: его слизь-приманка светится. У “чудо-носа”, как и у других животных (ср. Бухнер), источающих светящиеся слизи, этот эффект создается бактериями-симбионтами.

5.

Из послесловия

Рукопись Гаральда Штюмпке уже находилась в печати, когда стало известно, что в результате секретных ядерных испытаний <...> из-за ошибки в расчетах архипелаг Хай-ай-ай был стерт с лица земли. Вследствие неучтенного тектонического напряжения вся группа островов ушла в морскую пучину после того, как взрывная волна распространилась в радиусе двухсот километров.

<...> Настоящей удачей стало то, что Штюмпке успел многое предпринять для описания строения и жизни носатиков. С целью создания иллюстраций он передал мне [Г. Штайнеру] немногочисленный — теперь нужно сказать: увы! — материал, привезенный с Хай-ай-ай для дальнейших изысканий.

Переводы Инны Поповой (№ 1, 2),
Вадима Колосова (№ 3), Манаса Сеферьяна (№ 5), 10 класс
Гриши Воробьева (№ 4), 7 класс

Рисунки автора

ЛЕТНИЕ ПОЕЗДКИ

М. М. Позднев,
Сергей Мисенко

11 класс

“Пифии”

М. П.: Для русских филологов-классиков и учителей древних языков поездки в Грецию становятся привычными. И польза, и удовольствие, которые находим в этих поездках мы, очевидны; но и для самих греков, щедро принимающих у себя антиковедов из России, поддерживать связи с теми, кто охотно признает за ними право первородства, оказывается, по-видимому, не менее приятно, хотя и более хлопотно. Энергичная деятельность Международного европейского центра в Дельфах позволила мне и гимназисту Сергею Мисенко совершить в июле 2001 г. восьмидневное путешествие в Афины, Дельфы и Олимпию.

Организованный Дельфийским центром конкурс победителей которого ожидала эта великолепная поездка, назван “Пифии”. Соревнование школьников обязано своим именем пифийскому мусическому агону. Ритуализму, связанному с дельфийским Аполлоном, идея вновь учрежденного состязания чужда: оценивается не “хорошее поведение”, но знания в области античной культуры и греческого языка, а также способность высказывать в краткой форме самостоятельные мысли на заданную тему (сочинение). Божественная мудрость, возглашавшаяся устами древней пророчицы и любимых Мусagetом певцов, ожидается ныне от юных исследователей. Эти-то Πυθιοίκα и увенчиваются лавром, их награждают специальной медалью, им показывают самые впечатляющие из греческих древностей. Любовь конкурсантов к античности уравнивает радость победы в новых “Пифиях” с той, что испытывали победители древних.

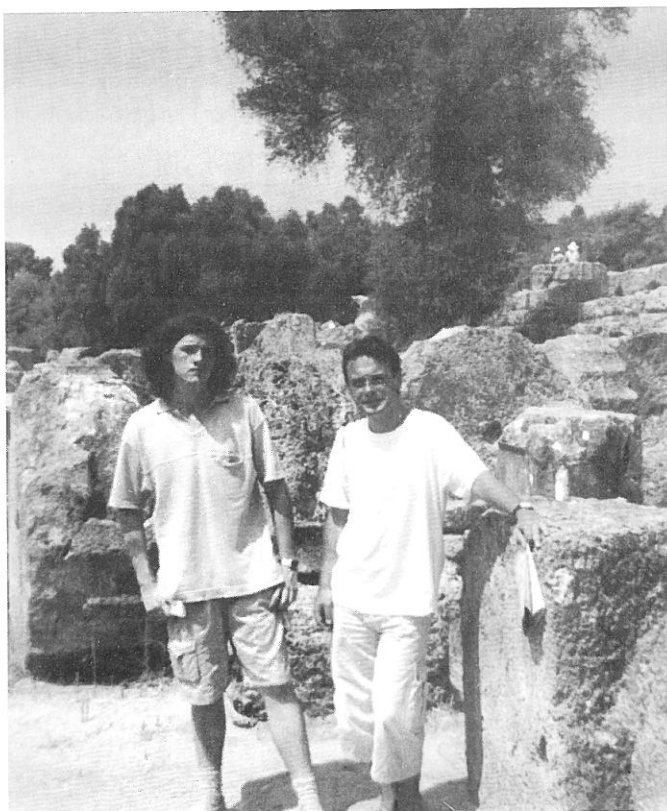
Участниками конкурса были школьники и учителя семи стран — членов союза, который теперь уже с полным правом может именоваться “Дельфийской амфикинией” (Россию в ней представляет член-корреспондент РАН Николай Николаевич Казанский, благодаря которому и стало возможным наше участие в конкурсе). Четырнадцать человек, объединенных счастьем победы и интереснейшего, со вкусом и широтой организованного путешествия, вскоре стали самыми теплыми друзьями. Между учителями вообще быстро возникает дружба. Нас сплачивает не только цеховая

тематика. Никакая мирная профессия так не меняет психологии человека — два учителя, как больные одной болезнью, могут понимать друг друга с полуслова. Мне не так уж часто приходится делиться опытом работы с иностранными коллегами, тем более с теми, кто может и хочет говорить по-латыни. Таким, к моей радости, оказался бельгиец Роже Вербек. В профессиональном отношении

Роже, умудренный долгим опытом “завуч”, был намного выше меня, что делало наши беседы поучительными. При этом он не меньше меня был полон туристического энтузиазма. Учителя из Голландии и Австрии были прекрасной компанией, а датская и испанская преподавательницы поражали осведомленностью как в древне-, так и в новогреческих реалиях.

Центры древнегреческой цивилизации, в которых мы побывали, археологические достопримечательности, которые увидели, столько раз и так красноречиво и профессионально описаны, что здесь нет смысла об этом распространяться. Из Олимпии мы смогли на такси выбраться в Бассы и осмотреть храм Аполлона — шедевр позднего Иктина. Этот памятник менее известен и потому особенно впечатляет.

Хочу пожелать успеха участникам будущих “Пифий”. И пусть победит сильнейший!

С. М.: Однажды я увидел в гимназии объявление о конкурсе переводов. Мне показалось интересным попробовать себя в роли интерпретатора текста, который был написан более двух тысяч лет назад. Как оказалось впоследствии, не зря: мой перевод стихотворения Архилоха был отмечен, и затем, что оказалось приятной неожиданностью, мне как победителю предложили написать работу о Сократе для конкурса, организованного European Cultural Centre of Delphi и приуроченного к 2400-летию со дня смерти Сократа.

Я выбрал тему “Новые боги и смерть Сократа”, так как считал наиболее интересным рассмотреть рассуждения человека, который добровольно идет на смерть — именно добровольно, так как у Сократа был не один способ избежать казни. Задачей моей работы было как раз подчеркнуть это обстоятельство и составить примерную картину последних дней Сократа, исходя из имеющихся у нас литературных источников.

Все это кончилось тем, что вместе с моим научным руководителем М. М. Поздневым я был награжден поездкой в Грецию, организованной усилиями Н. Н. Казанского.

После фантастического перелета над Эгейским морем мы оказались в Афинах, где вечером в President Hotel познакомились еще с шестью такими же делегациями: из Бельгии фламандской, Бельгии французской, Голландии, Дании, Испании и Австрии.

Весь следующий день был посвящен тому, чтобы как можно лучше узнать Афины. Девятичасовым марш-броском мы успели охватить музей Керамика и Акрополь, о котором столько всего сказано, что, когда идешь мимо этих великих храмов, не сразу верится, что это не сон; затем Старую Агору с ее улочками, по которым, быть может, ходил и Сократ, и музеем, где меня заинтересовала коллекция монет разных эпох. Да и современные Афины — очень красивый город:

взять хотя бы статую из битого стекла в виде бегущего человека или зрелище, приводящее в детский восторг жителя севера: пальмы и дикие мандарины в роли уличных деревьев.

Закончился этот день торжественным приемом в Заппейоне, где при большом стечении прессы и важных лиц в сфере культуры нам вручали грамоты, медали и увенчали настоящим лавровым венком, как победителей древних соревнований.

Утром мы уже ехали в Дельфы. По дороге туда мы имели возможность насладиться удивительными горными пейзажами Греции: с разных концов автобуса на семи языках доносились восхищенные возгласы, которые были понятны и без перевода.

И вот Дельфы перед нами. Небольшой городок с многочисленными сувенирными лавками и рестораниками расположился около античных развалин на склоне горы, с высоты которой так маняще выглядит море. Этому соблазну мы первым делом и поддались. До Итеи — 40 минут на автобусе вниз по горному серпантину, и вот оно, счастье: теплая соленая вода Коринфского залива, ленивые морские ежи, облюбовавшие прибрежные камни... Но все когда-нибудь кончается; вечером нас ждало собрание за круглым столом, где мы обсуждали, как проводился конкурс сочинений в разных странах и что каждый думает о проделанной работе.

Следующий день от рассвета до заката заняло путешествие в Метеору — место в горах, где находится сразу несколько монастырей. Естественно, после храмов Акрополя эта поездка несколько выбивалась из контекста происходящего. Это была уже другая, православная культура. Роспись и вид храмовых помещений очень похожи на русские церкви, с той лишь разницей, что все надписи сделаны на греческом языке.

Впереди нас ожидало еще одно, не менее удивительное приключение: переправа на пароме в Патры по пути в Олимпию. Кругом вода, рядом друзья, над

Храм Аполлона в Бассах. Рис. Дж. Фостера, 1812 (репродукция из кн.: *The Temple of Apollo Bassitas*. Vol. 3. Princeton, 1996. Pl. 4b)

головой солнце и резвящийся ветер, который постоянно менял направление. Итак, три часа — и мы в Олимпии. Первым делом было решено съездить в Бассы, где посреди довольно глухой местности стоит великолепно сохранившийся храм Аполлона. Жаль только, что он находится под тентом и его нельзя увидеть на фоне окружающего пейзажа.

Затем, как водится, небольшой шопинг, а потом — на “site”, смотреть и внимать. Вот передо мной знаменитый стадион, вот храм Зевса, фрагменты гигантских колонн которого после землетрясения занимают громадную площадь. А вот и мастерская Фидия... Позже в музее Олимпии мы нашли маленькую кружку, на которой так честно и написано: Φειδίου εἰμί.

Наверняка каждый из моих друзей, с которыми мы путешествовали по Греции, надолго запомнит последний вечер в Олимпии, когда, вернувшись с морского побережья, мы пошли в рощу смотреть на звезды. И все это было не случайно: Олимпия, звезды, друзья...

Следующий день был последним: дорога в Афины через изумительной красоты Истмийский канал, а дальше — в аэропорт. И нас навсегда связала Греция.

Хотя меня так и подмывало переадресовать ее к таможенной декларации, которая была заполнена минут за пятнадцать до того и навряд ли содержала ложные сведения, я по возможности кротко назвала ожидаемый срок пребывания на капиталистическом юго-западе: две недели.

Таможенница была явно разочарована, но, видимо, не первый год тут сидела:

— Ну-ну... А... цель поездки?

Я почесала в затылке. Впрочем, жизнь успела научить меня давать точные формулировки. Куда ж мы едем... так-с...

— Учебно-ознакомительная.

От разочарования таможенница чуть не свалилась со своего таможенного стула, но нашла, на чем меня подловить.

— А деньги у тебя с собой есть?

Почему именно у меня? Нас было двое на челне, и она это прекрасно видела. Или у меня на лице печать аскетичной жизни?

— А как же...

Но приключения, которые мог предложить нам большой мир, на этом не кончились. Правда, они приобрели несколько иной характер и стали не курьезными, а чудесными.

Летняя школа под названием Euroclassica оказалась заведением во всех отношениях невероятным.

Невероятным — потому что где еще каждый год собирается столько народу из разных стран, чтобы десять дней общаться на всех известных им языках (я с изумлением обнаружила, что свободно разговариваю как минимум на трех) и разъехаться по домам

Вера Жижина

11 класс

Euroclassica-2001

Это история о том, как сбываются самые невероятные мечты и сказка становится реальностью. Это история о том, что ни один детский сон не пропадает и обязательно воплощается в жизнь. Это история о двух гимназистах — обо мне и Романе Белоусове — и о нашей поездке в город Афины. Не забудем, конечно, и нашу школу, без которой мы бы туда не попали.

А начиналось все так.

Еще не успели вылететь в другое ухо наставления родственников и знакомых, а мы уже стояли перед таможенным конвейером, в который медленно уплывали наши пожитки. Пресловутые родственники и знакомые были еще совсем рядом, но это был уже другой мир, только что покинутый и поэтому казавшийся вдвойне знакомым и обжитым.

А в этом мире, незнакомом, огромном и пугающе настоящем, кажется, уже начинались приключения... Таможенница небрежно перелистала наши паспорта, точнее, один из них, а моим почему-то заинтересовалась. Она долго пыталась прочесть в нем то, чего там заведомо быть не могло, а когда ей это не удалось, решила получить ответ у меня.

— Так-с, — сказала она голосом, каким заговорил бы айсберг. — Значит, в Грецию собрались. И надолго?

родными людьми? Невероятным — потому что такое обилие новых впечатлений бывает только в сказочном мире. Невероятным — потому что к этому времени Греция была известна мне слишком хорошо: а я могла бы с известной степенью нахальства утверждать, что на свете не может существовать того, что так хорошо знаешь во всех подробностях и ни разу не видел. И все-таки это была правда.

Помимо директора школы Хосе Луиса Наварро Гонсалеса и учителей — Антона ван Хоффа и Джона Торли, — очень быстро нашлось множество новых друзей и еще больше интересных собеседников.

Занятий тоже искать не приходилось, ибо они находили нас сами. Несколько дней ушли на теоретическую подготовку, после чего мы перешли к практике, то есть к изучению Греции на местности. В ночи мы сами перевоплощались в древних героев: the workshops of ancient drama происходили почти каждый вечер (никогда бы не подумала, что так здорово убить родного мужа, а потом самой погибнуть от руки родного сына).

Но ярче всего были все-таки впечатления от экскурсий. С давних пор Акрополь был известен мне едва ли не лучше, чем, скажем, Адмиралтейский район; но впервые увидеть собственными глазами все то, о чем доселе доводилось только мечтать — ни с чем не срав-

нимое ощущение. Правда, фраза “а вот это, обратите внимание, Пропилеи” в первый момент вызвала у меня ненужные ассоциации и повергла в легкую дрожь. Впрочем, ненадолго, ибо подлинные Пропилеи выглядели столь внушительно, что трудно было сосредоточиться на чем-то, кроме них.

Отдельное удовольствие — испить воды из Кастальского источника. По дороге к нему я оживленно рассказывала всем, кто желал меня слушать, правила этого обряда. Во-первых, пить надо без помощи рук. Во-вторых, количество сделанных глотков влияет на вашу дальнейшую судьбу. Один глоток дарует поэтический талант, три глотка — счастье и успех в личной жизни, а пять — истинную мудрость. Все слушали, кивали головами, а затем покорно пили, изгибаясь кто как мог, делая кто пять, кто три, а кто и один глоток. А тот, кому очень хотелось пить, заявлял, что не верит в приметы, и зачерпывал воду ладонями, глотков при этом не считая. Мое же будущее остается таинственным, потому что мне выпало сделать девять глотков...

Дух Греции постепенно входил в наши сердца. Это не устал повторять господин Наварро. Не знаю насчет всех остальных, а меня с того самого момента, как я ощутила под ногами греческую землю, и до дня отъезда не покидало ощущение: после долгих поисков я наконец-то вернулась домой.

ДОКЛАДЫ КРУЖКА “КЛАССИКА”

Осенью прошлого года три гимназиста задались целью выяснить, кем пугали детей древние греки и римляне; предполагалось, что итогом работы станет нечто вроде главы из Брема (“ламий водятся... питаются...”). Однако по мере знакомства докладчиков с материалом постепенно обозначились два самостоятельных филологических сюжета, а описание уступило место исследованию — результаты которого мы и выносим на суд читателей.

Екатерина Таразевич

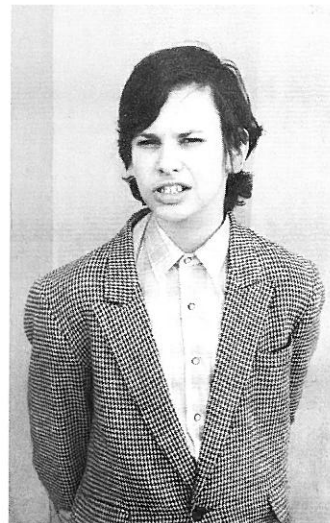
9 класс

при участии Саввы Гершта

7 класс

Метаморфозы Ламии

Λάμια· θηρίον. καὶ γυνή τις ἀρχαία
οὕτως καλουμένη Λίβυσσα
Hesych. λ 248 Latte

Народная религия греков знала немало опасных и коварных чудищ в женском обличе. Большинство из них — Акко, Алфито, Гелло, Мормо и другие — известны нам, в сущности, только по имени; но когда речь заходит о Ламии, античные авторы становятся куда более красноречивы. Главное, что роднит Ламию со всеми перечисленными существами — это ее обычай похищать маленьких детей. Именно поэтому Ламией охотно пугали малышей; к примеру, Страбон (I, 2, 8), рассуждая о воспитательном значении мифов, упоминает Ламию как идеальный пример персонажа, способного отвратить детей от дурных поступков. Рассказы о ламиях (по-другому — ламниссах), во многом напоминающие античные, сохранились и в новогреческом фольклоре. Так, согласно изложению Дж. Г. Лоусона, который пытается на основе современного греческого материала реконструировать отдельные древние верования, уже в новое время в Этолии местные жители считали некое уединенное место жилищем ламии и старались обходить его стороной; тот же Лоусон сообщает, со ссылкой на новогреческий источник, что одному аттическому крестьянину даже удалось подстрелить ламию.¹ В новогреческом фольклоре ламии — вполне сказочные существа; известно множество небылиц об их прожорливости и глупости. К примеру, если ламии не удалось утащить ребенка, то от голода она способна поглощать даже солнечные лучи;² свою собаку она кормит сеном, а лошадь — ко-

стями; поговорка τῆς Λαμίας τὰ σαρώματα (“ну, здесь ламия подметала...”)³ свидетельствует о ее неопрятности; и т. п.

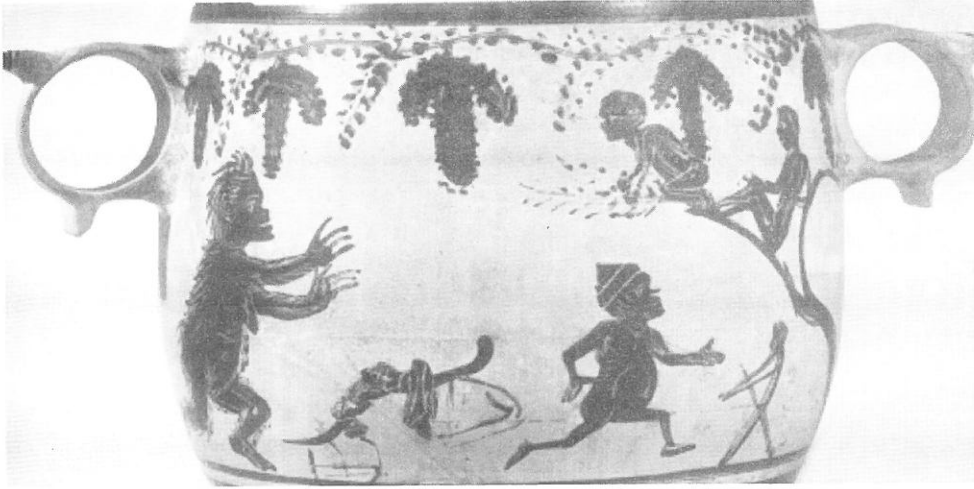
На древнегреческую Ламию также пытались порой смотреть как на исключительно фольклорный персонаж: так, И. И. Толстой подробно разбирает общие черты Ламии и русской бабы-яги.⁴ Однако уже одно из самых ранних упоминаний имени Ламии отсылает к совершенно иному контексту. Это единственный сохранившийся фрагмент из драмы Еврипида “Ламия” (fr. 922 Nauck):

Τίς τοῦ μὲν ὄνομα τοῦ ποινεῖδιον βροτοῖς
οὐκ οἶδε Λαμίας τῆς Λιβυτικῆς γένος;

Кто не знает моего имени, постыднейшего у смертных, — [имени] Ламии, ливийки родом?

Как показал папирусный отрывок *POxy* 2455, перед нами начальные стихи пьесы. Была ли это трагедия или сатирическая драма, мы не знаем; кроме того, о самой заглавии “Ламия” ведутся споры.⁵ Но в любом случае, как видим, Ламия появлялась на аттической сцене с репликой, достойной героини трагедии (бабуягу в этой роли представить немислимо!), а имя ее было известно каждому.

Действительно, Ламия довольно рано занимает место в мифологических генеалогиях (*Stesich.* fr. 43 PMG), обретая родню, о которой баба-яга могла бы только

Сцена с Ламией (предположительно)
Беотийский скифос IV в. до н. э.

мечтать. Павсаний, Плутарх и ряд других авторов называют Ламию дочерью Посейдона и матерью Сивиллы — первой женщины, которая начала прорицать стихами (*Paus.* X, 12, 1–2; *Plut. De Pyth. orac.* 398c и др.); согласно словарю “Суда”, Ламия родила Сивиллу от Аполлона (σ 355 Adler).⁶ Существовал целый миф о ливиянке Ламии, который с разной степенью серьезности передают разные античные авторы — в частности, историки Дурус Самосский (FGrHist 76 F 17) и Диодор (XX, 41, 2–6). Приведем краткую версию этого мифа из схолиев к Феокриту (ad 15, 40), автор которых простодушно поясняет причину дурного нрава Ламии так: “Ламия, царица лестригонов, <...> скорбя о собственных детях, так как они умирали, замыслила и остальных убивать”. Согласно схолиям к Аристофану (*Schol. V. ad Pac.* 758), Ламия, дочь Ливии и Бела, приглянулась Зевсу, а ее детей от Зевса не удалось скрыть от ревнивой Геры. Потеряв детей, Ламия по злему умыслу Геры лишилась сна и не могла сомкнуть глаз — куда Зевс, сжалившись над ней, не наделил ее такими глазами, которые можно было произвольно извлекать и держать отдельно (“ὁ Ζεὺς ἀφαίρητους αὐτῆς τοὺς ὀφθαλμοὺς ἐποίησεν”).⁷ “Говорят, — заключает схолиаст, — что от Зевса она также получила свойство превращаться во что только ни пожелает”.

С другой стороны, и Ламия-чудище также засвидетельствована с достаточно раннего времени, причем — это хотелось бы сразу подчеркнуть — не только как пугало для детей, но и как героиня занимательных историй, в известном смысле притягательная для досужих умов (не обязательно детских). Например, простоватый герой Аристофана (“Осы”, 1174 слл.) полагает, что нет лучшей темы для светской беседы, чем рассказ о поимке Ламии. Ответная реплика собеседника: μή μοί γε μύθους... (“ты мне сказки-то не рассказывай”). Дионисий Галикарнасский называет Ламию в числе баснословных персонажей, которыми теши-

лись (и тешили читателей) ранние греческие историки; Фукидиду Дионисий ставит в заслугу то, что он “не вплетал в сюжет ничего баснословного (μυθῶδες) и не направлял свой труд к обману и оболещению публики — как это делали все [историки] до него, повествуя о том, как всякие ламии по лесам и горам из земли возникают и двуприродные наяды из Тартара выбираются да по морям плавают, <...> и как от союзов смертных и богов потомки-полубоги [рождаются]...” (*De Thucyd.* 6; похожее

рассуждение находим у Лукиана: *Philopseud.* 31). Без сомнения, Дионисий, упоминая ламий, имеет в виду каких-то диковинных чудовищ, а не ливиянку царского рода.

Об античных сказках нам чрезвычайно мало известно; может быть, именно поэтому таким трудным и даже загадочным кажется место из краткого сочинения Тертуллиана, латинского христианского писателя II–III вв., которое направлено против ереси гностиков (*Adv. Valent.* 3). Здесь также появляется Ламия, о которой должны быть наслышаны решительно все, у кого только была в детстве кормилица. Итак, обратимся к темному и вычурному тексту Тертуллиана: “Пусть хоронится гад, как только может, и пусть единое знание дробит на извилистых тропках тайников, пусть глубоко пресмыкается, во мрак ввергается, лентою по изломам вьется, виляя, ползет, всегда многообразный — аки зверюга в ночи! <...> А уж если состоится посвящение во все [гностическое] предание разом (iam si in totam *fabulam* initietur), разве не что-то в таком роде дано будет услышать [новичку], как тебе в младенчестве довелось послушаться от кормилицы, когда

Геката,
богиня ночи и колдовства
Афины, II–III вв. н. э.

не спалось: о башнях Ламии да гребешках Солнца (*Lamiae turres et pectines Solis*). Но явись кто не такого сознания веры <...>, разве помедлит он тут же объявить, что это [не более чем] баснословие и туманные генеалогии (*has esse fabulas et genealogias indeterminates*)?" Как подчеркнул А. Скоби, история "о башнях Ламии" — раз уж ее рассказывали детям на ночь — непременно должна была заканчиваться благополучно;⁸ а значит, у Тертуллиана мы вновь сталкиваемся с Ламией как персонажем не столько страшных, сколько занимательных рассказов.⁹

Расставив акценты именно таким образом, мы можем, как кажется, пролить свет на одну знаменитую остроуту о Ламии, сохраненную Плутархом в жизнеописании эллинистического царя и полководца Деметрия Полиоркета. Речь идет о гетере по имени Ламия, которая приобрела такое влияние на царя, что, "будучи в холе и в почете, внушала ревность и зависть не только женам, но и друзьям Деметрия" (*Plut. Demetr.* 27, 5). Дело дошло до того, что Деметрий, обложив афинян экстренным побором в 250 талантов, "велел отдать деньги Ламии и другим гетерам на притирания, <...> а помимо того Ламия, снаряжая [поистине] царскую трапезу, и сама от себя многих обложила налогом; пир этот так прославился из-за роскоши и расточительности, что был описан Линкеем Самосским" (27, 1–3).

Неудивительно, что Ламия служила постоянной мишенью для шуток, в которых нередко обыгрывалось ее имя; к примеру, развязные послы Деметрия так ответили Лисимаху, который хвастался старыми шрамами — следами борьбы со львом: "и у их царя на шее есть следы от укусов опасного зверя (*θηρίον*) — Ламии" (27, 7). В этом контексте Плутарх передает остроуту некоего Демохара (27, 4):

Δημοχάρης δ' ὁ Σόλιος τὸν Δημήτριον αὐτὸν ἐκάλεε Μῦθον· εἶναι γὰρ αὐτῷ καὶ Λάμιαν.

А самого Деметрия Демохар из Сол называл "Мифом": у него-де и Ламия есть.

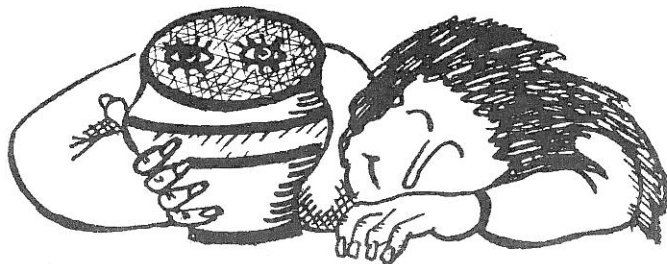
В чем соль этой шутки? Любил ли Деметрий похвастаться о своих подвигах, или же его личность и победы казались современникам поистине сказочными? (И в том, и в другом случае *καί* можно понимать в усилительном значении: 'даже'.) Сложность, однако, заключается в том, что Деметрия сравнивают не с героем сказки, а с самой сказкой (*μῦθος*). Как кажется, шутку Демохара до некоторой степени поясняют приведенные нами выше примеры, в которых *μῦθος* (лат. *fabula*) или однокоренные слова регулярно сопровождают упоминание Ламии. К сожалению, какой-то поговорки, звучащей как *Λάμια καὶ μῦθος* ("ерунда, сказки"), которая сразу бы объяснила остроуту, нам обнаружить не удалось; однако, как мы видели, Ламия

во фразеологии греков и римлян предстает неотъемлемой приметой завиральных историй.

Итак, мы познакомились с двумя непохожими друг на друга Ламиями: во-первых, это героиня мифа, наделенная божественным происхождением, царским достоинством и трагической судьбой; во-вторых — нечто вроде лешего или той же бабы-яги. Эта двойственность была отмечена уже древними, доказательством чему служит самое пространное свидетельство о греческой Ламии — глава в "Исторической библиотеке" Диодора Сицилийского (XX, 41, 2–6).

С одной стороны, Диодор знает сказочную Ламию и, в частности, сюжет о ее "вставных" глазах, которому он дает курьезное рационалистическое объяснение — его Ламия топит свои глаза в сосуде с вином, иначе говоря, *заливает зенки*: "Всякий же раз, как случится ей выпить [вина], она всем позволяет делать, что им вздумается, не обращая [на это] внимания. Так вот, из-за ее беспечности об эту пору местные жители полагают, что она не видит того, что происходит. И по этой причине кое-кто измыслил, что она складывает глаза в плетенку, приписывая беззаботность, случающуюся от вина, тому, о чем речь шла выше: вот это, дескать, и лишает ее способности видеть".

С другой стороны, Диодор чувствует необходимость как-то примирить эту Ламию с героиней мифа, для чего вновь прибегает к рассуждениям в духе эвгемеризма: "...А у подножья [утеса] была огромная пе-

щера, увитая плющом и повиликой, в которой, сказывают, жила царица Ламия исключительной красоты, но по свирепости [ее] души и облик ее, говорят, со временем стал зверовидным..."

Как ни остроумно построение Диодора, в реальности дело, по-видимому, обстояло наоборот: Ламия-*θηρίον* из народных сказок и поверий получила место в древнегреческой литературе и трудах ученых мифографов. Нечто подобное произошло, к примеру, и со Сциллой, превратившейся из морского чудовища "Одиссеи" в несчастную нимфу александрийских и римских поэтов.

Хотелось бы думать, что важная роль в этом "очеловечивании" Ламии принадлежала Еврипиду; нам остается лишь сожалеть, что от его пьесы о Ламии дошли всего два стиха.

¹ Lawson J. G. *Modern Greek Folklore and Ancient Greek Religion*. Cambridge, 1910. P. 173–176.

² Drexler W. apud Stoll H. W. *Lamia* // *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie* / Hrsg. W. H. Roscher. Bd II, 2. Leipzig, 1894. Sp. 1821.

³ Lawson J. G. *Op. cit.* P. 174.

⁴ Толстой И. И. “Гекала” Каллимаха и русская сказка о бабеге (1941) // Толстой И. И. *Статьи о фольклоре*. М.; Л., 1966. С. 142 слл.

⁵ Подробнее обо всем комплексе проблем, связанных с реконструкцией этой пьесы, см.: *Euripide*. T. VIII, 2: *Fragments / Texte ét. et trad. par F. Jouan, H. van Looy*. Paris, 2000. P. 333–337.

⁶ Неслучайно Ф. Швенн, желая как-то отделить эту Ламию от чудища народных преданий, даже считает их двумя разными персонажами (*Schwenn F. Lamia 3* // *RE*. Bd 12 (1924). Sp. 546). — *Прим. ред.*

⁷ Мотив чудесных глаз Ламии, к которому мы еще вернемся, встречается и у Плутарха (*De cur.* 515f—516a): “А теперь, совершенно как в сказке, Ламия, говорят, спит дома слепую, храня глаза припрятанными в некоем сосуде, а когда ей предстоит выйти за дверь, надевает их и осматривается...” Думается, Лукиан, сообщая в “Правдивой истории” о вставных глазах жителей Луны (1, 25; см. статью о селенитах в настоящем выпуске “Абариса”), смеется в том числе и над рассказами о Ламии.

⁸ Scobie A. *Some Folktales in Graeco-Roman and Far Eastern Sources* // *Philologus*. 1977. Bd 121. S. 10. К реконструкции сказки о Ламии, упомянутой Тертуллианом, Скоби вернулся в другой своей работе: *Scobie A. Storytellers, Storytelling and the Novel in Graeco-Roman Antiquity* // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1979. Bd 122. S. 229–259. — *Прим. ред.*

⁹ “Башни Ламии” ставят фольклористов в тупик не в меньшей степени, чем “гребни Солнца” — поскольку все известные нам греческие ламии живут в пещерах, глухих лесах и тому подобных местах. Л. Фридлендер не находит для этого пассажа Тертуллиана более близкой параллели, чем прыщичный домик ведьмы из немецкой народной сказки (*L. Friedländer. Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms*. Bd 4 / Hrsg. von G. Wissowa. Leipzig, 1921¹⁰. S. 92–93). Что касается “гребней Солнца” (здесь Фридлендер ограничивается вопросительным знаком), то нам остается только строить предположения: может быть, в этой несохранившейся сказке солнечные лучи изображались как волосы, которые кто-то расчесывал гребнем? Так, в одной словацкой сказке волосы Солнца бережно перебирает его матушка, после чего решительно дергает его за вихор, чтобы разбудить (Словацкие сказки из собр. П. Добшинского. Братислава; М., 1988. Кн. 1. С. 39).

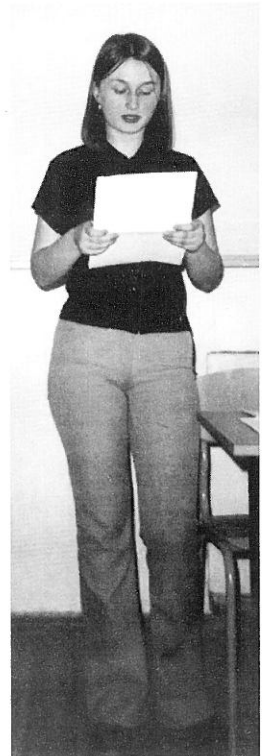
Ксения Шноль

9 класс

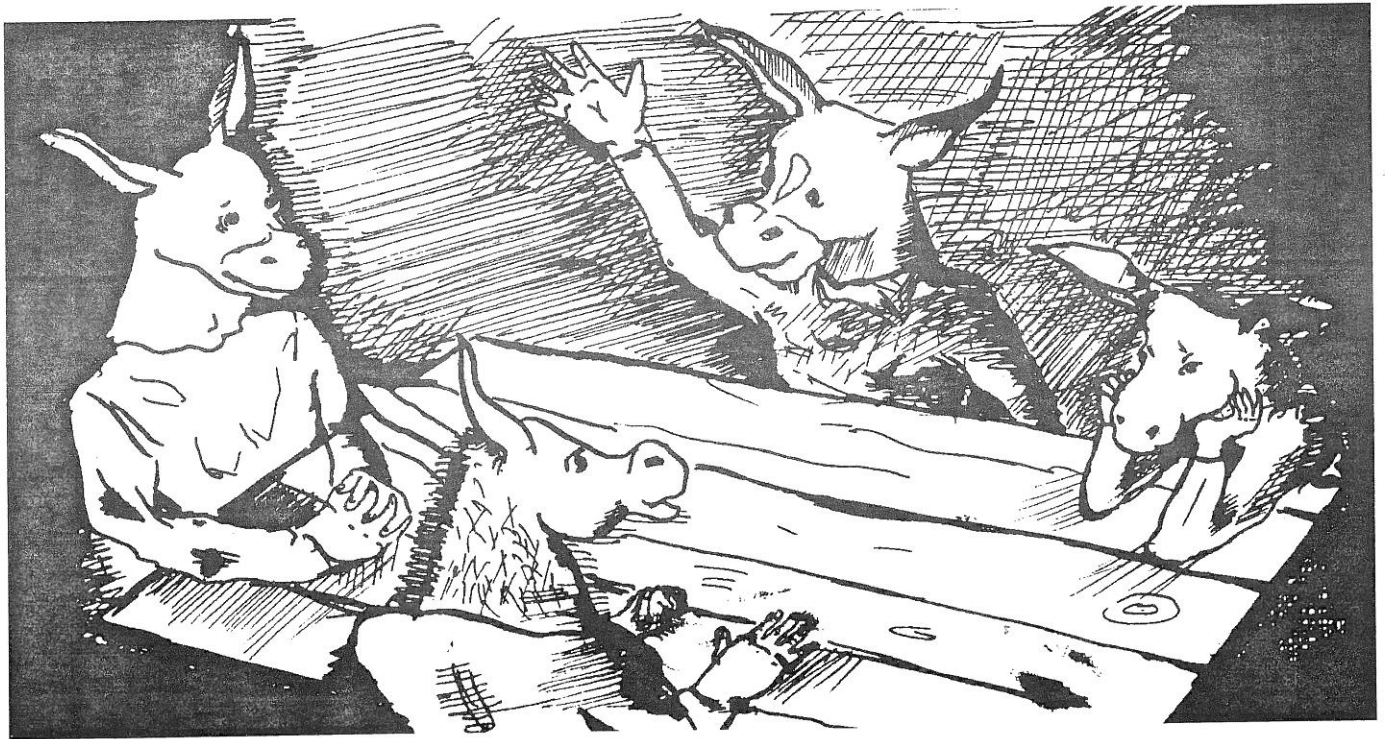
Чадолюбивая Гелло

Μορμός, Μιμός Βριμός τε καὶ Γιλλῶ πλέον...
M. Psellus. Poem. 21, 286 Westerink

Гелло — еще одно античное чудище; ее имя (в форме Γελλοῦδες) сохранил и новогреческий фольклор.¹ Повадки Гелло и мотивы ее поведения были теми же, что и у Ламии, так что в схолиях к Феокриту между двумя этими охотницами до детей не делается никакого различия (ad 15, 40: Λάμια <...> ἢ καὶ Γελλῶ λεγομένη). Уже по слову Γιλλόβρωτα (букв. “пища Гелло”), засвидетельствованному у византийского писателя XI в. Михаила Пселла (р. 164 O’Meara), можно судить о ее нраве — так называли детей, умерших во младенчестве.² Тот же Пселл, в специальном экскурсе *Περὶ Γιλλοῦς* опровергая предрассудки, связанные с Гелло, сообщает, что ее считали оборотнем, а имя ее, хотя и древнее, оставалось у всех на слуху (τὸ ἀρχαῖον καὶ πολυθρύλλητον ὄνομα; *ibid.*); сам он использует имя Гелло просто как ругательство (см. эпиграф). По-видимому, этой ведьмы очень боялись; знали даже определенные средства борьбы с ней. Вот отрывок из собрания магических рекомендаций, так называемых “Киранид” (I–II вв. н. э.), который вполне отражает стиль этих книг: “Кто будет спать на шкуре осла, тому не страшны ни Гелло, ни напасти ночные, а смешав слезы осла с маслом и омыв [ими]

Вопреки обыкновению, редакция “Абариса” подвергла этот материал переработке, действуя в сотрудничестве с автором и его научным руководителем. Причина этого решения кроется не в недостатках работы Ксении Шноль, а, напротив, в ее достоинствах: наш взгляд, автору удалось предложить остроумную и оригинальную гипотезу — которую мы сочли возможным подкрепить, снабдив необходимым аппаратом, а также дополнив и уточнив аргументацию. — *Прим. ред.*

светильник, [как только его] зажжешь, увидишь всех пирующих с ослиными головами, а они — друг друга...” (II, 31, 19; ср. также II, 40, 37).

Словарь Гезихия поясняет имя Гелло дважды. Во-первых, это демон, похищающий младенцев (γ 308 Latte: Γελλῶ δαίμων, ἦν γυναικες τὰ νεογνὰ παιδία φασὶν ἀρπάζειν); кроме того, Гелло — “это призрак, Эмпуса; призрак умерших до срока, девиц” (γ 307 Latte: Γελλῶ· εἶδωλον Ἐμπούσης τὸ τῶν ἀώρων,³ τῶν παρθένων).

Наше внимание будет привлекать античная поговорка ὁ Γελλο, которая упоминается в нескольких источниках, и в первую очередь в собрании греческих пословиц Зенобия (II в. н. э.):

Zenob. III, 3: Γελλῶ παιδοφιλωτέρα· ἐπὶ τῶν ἀώρων τελευτησάντων, ἧτοι ἐπὶ τῶν φιλοτέκνων μὲν, τρυφῇ δὲ διαφθειρόντων αὐτά. Γελλῶ γάρ τις ἦν παρθένος, καὶ ἐπειδὴ ἀώρως ἐτελεύτησε, φασὶν οἱ Λέσβιοι αὐτῆς τὸ φάντασμα ἐπιφοιτᾶν ἐπὶ τὰ παιδία, καὶ τοὺς τῶν ἀώρων θανάτους αὐτῇ ἀνατιθέασι. Μέμνηται ταύτης Σαπφῶ.⁴

Гелло более чадолюбива: [так говорят, если кто-то] умер преждевременно, или о тех, кто любит детей, но портит их баловством. Ибо Гелло — это была некая девушка, и вот, когда она умерла до поры, тень ее, как говорят лесбосцы, стала являться за детьми; ей же и ранние смерти приписывают. Ее упоминает Сапфо.

Так выглядит текст в большинстве рукописей сборника Зенобия. Только в одной из них (издатели обозначают ее буквой С) имеются разночтения, о которых мы скажем подробнее в дальнейшем: поговорка звучит как Γελλοῦς παιδοφιλωτέρα, а в ее объяснении пропущена часть от ἐπί до ἧτοι.

В этом отрывке особенно важно имя Сапфо, которое сразу расширяет хронологические рамки нашего сюжета: оказывается, Гелло упоминалась в греческой литературе уже в VII–VI вв. до н. э., за шестьсот с лишним лет до “Кириид”! На первый взгляд, слова μέμνηται ταύτης Σαπφῶ ничего не говорят о контексте, в котором стояло у Сапфо имя Гелло; именно поэтому 62-й фрагмент Сапфо по изданию Э. Лобеля — это просто слово Γέλλω,⁵ а Т. Рейнак предполагает, что Сапфо могла как-то использовать уже ходившую поговорку.⁶ Однако другие издатели поступают более решительно, считая цитатой из Сапфо не только имя Гелло, но и компаратив παιδοφιλωτέρα.⁷ И действительно, для этого смелого шага есть все основания. Во-первых, прилагательное παιδόφιλος “чадолюбивый” — поэтическое слово, засвидетельствованное в греческой литературе еще только один раз: это эпитет богини Деметры из орфического гимна (40, 13 Quandt: εὐτεκνε, παιδοφίλη... πολύτεκνε θεά); Сапфо же любит и часто употребляет редкие составные прилагательные. Кроме того, сочетание Γέλλω παιδοφιλωτέρα ложится в эолийский стихотворный размер (гликоней: — — — ∪ ∪ — ∪ —), а пословицы, ритмизованные таким образом, хотя и встречаются, но достаточно редко.⁸ На решение издателей повлияли также несколько похожих мест у Сапфо: πόλυ πᾶκτιδος ἀδυμελεστέρα (“сладкозвучнее лиры”), χρύσω χρυσότερα (“более золотая, чем [само] золото”) и др. (см. fr. 156; 167 Voigt).⁹ И наконец, главный аргумент: собрав при помощи электронного тезауруса греческого языка многочисленные примеры употребления μέμνηται у Зенобия, мы убедились, что местоимение женского рода ταύτης, которое почти всегда

сопровождает этот глагол, подразумевает существительное παροιμία; стало быть, и в нашем случае μέμνηται ταύτης Σαπφῶς с необходимостью должно означать “Сапфо приводит эту поговорку”, а отнюдь не “Сапфо упоминает о Гелло”.¹⁰

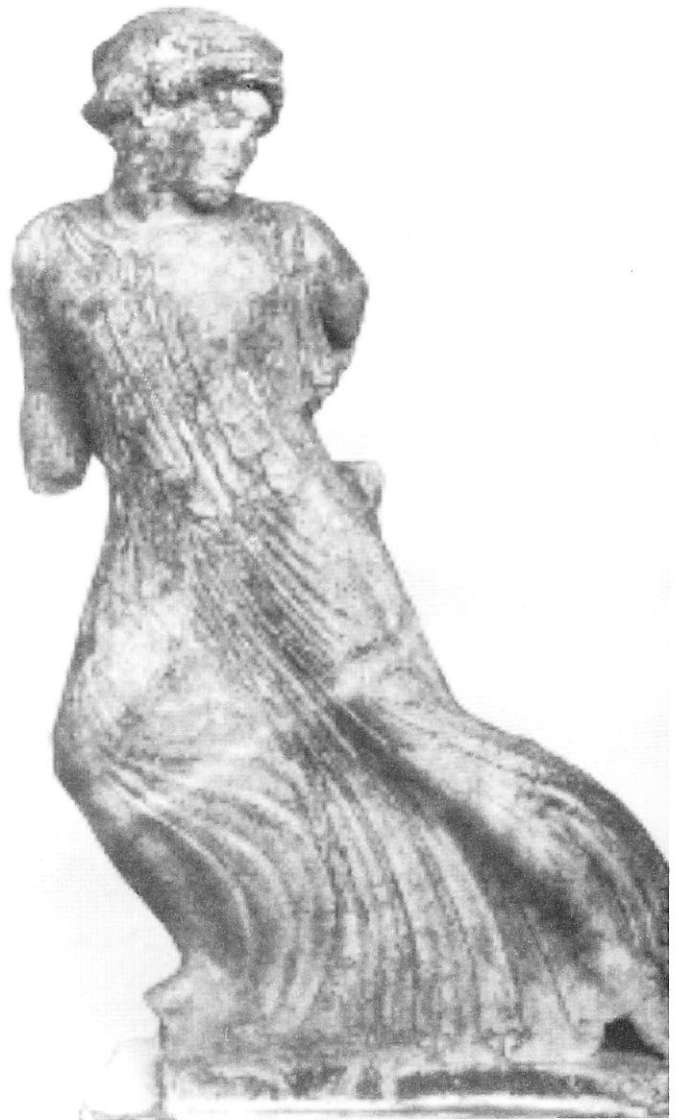
Итак, все издатели за исключением Лобеля согласны с тем, что приведенная у Зенобия поговорка — это цитата из Сапфо, и все они при этом принимают генетив от имени Гелло (разумеется, в эолийской форме): Γέλλως παιδοφιλωτέρα!

Откуда взялось это чтение? Как мы видели, родительный падеж дает одна из рукописей сборника Зенобия; кроме того, именно в форме Γέλλοῦς [аттический генетив] παιδοφιλωτέρα приводит нашу поговорку византийский словарь “Суда” (γ 112 Adler).¹¹ С другой стороны, номинатив, помимо остальных рукописей Зенобия, засвидетельствован в другом позднеантичном словаре — так называемом “Большом этимологике” (795, 11).¹²

Отсюда, как кажется, следует, что оба варианта имеют по меньшей мере равные права в античной традиции. Тем более странно, что издатели Сапфо столь единодушно отдают предпочтение генетиву, не строя при этом никаких предположений относительно смысла фрагмента в целом и его возможного контекста.¹³ Даже Ф. В. Шнайдевин, принимая в уже упоминавшемся издании Зенобия номинатив Γέλλῶς, не расходится с прочими в своем собрании фрагментов Сапфо (1838): Γέλλως παιδοφιλωτέρα. Эту позицию объясняет примечание Лейча и Шнайдевина в *Corpus paroemiorum Graecorum*: два толкования, которые приводит Зенобий, предполагают две поговорки, существовавшие параллельно — с генетивом и номинативом от имени Гелло соответственно (“ab epitomatore duo proverbialia in unum videntur confusa, Γέλλῶς et Γέλλοῦς παιδοφιλωτέρα: prius de iis dicebatur, qui immatura morte obirent et spectrum erat infantarium: ad alterum altera explicatio ἦτοι — αὐτὰ pertinebat”).

Очевидно, что две поговорки, различающиеся одной буквой, не могли возникнуть независимо друг от друга; гораздо правдоподобнее, если одна из них появилась раньше, а другая стала результатом ее пересмысления. Если так, то, по-видимому, исходной следует считать ту поговорку, которую подразумевает первое объяснение Зенобия: ведь невозможно себе представить, чтобы кто-нибудь решился приспособить расхожую острогу о матушке-наседке к ситуации, когда речь идет о безвременной смерти.

Посмотрим теперь, как эти два толкования соотносятся с вариантами Γέλλῶς — Γέλλοῦς. Для реплики в адрес матери, сверх меры пестующей свое чадо, естественным представляется именно родительный падеж: “ну, ты больше, чем баба-яга, детей любишь...” Впрочем, и номинатив здесь также возможен: ведь “о тех, кто любит детей, но портит их баловством” по-

Геката. Элевсин, V в. до н. э.

зволительно сказать не только “ты чадолюбивее, чем Гелло”, но и наоборот: “Даже Гелло, поедая детей, проявляет больше чадолюбия, чем ты”.¹⁴

Напротив, для первого (и, как мы постарались показать, более раннего) из двух толкований, которые дает нашей поговорке Зенобий, генетив остается поистине необъяснимым. Что, в самом деле, можно иметь в виду, произнося по поводу чьей-то безвременной кончины слова “более чадолюбивая, чем Гелло”? К кому в этих обстоятельствах мог бы относиться компаратив? Именно с этой сложностью связаны разночтения в рукописях Зенобия: переписчик кодекса С, принимая чтение Γέλλοῦς, одновременно вынужден опустить слова ἐπὶ τῶν ἀώρων τελευτησάντων.

Только фразу “Гелло более чадолюбива” (номинатив) можно связывать с умершими преждевременно, как на это указывает текст Зенобия (ἐπὶ τῶν ἀώρων τελευτησάντων). Чем бы ни было выражено у Сапфо сказуемое — полновесным смысловым глаголом наподобие ἦρτασεν или же подразумеваемым глаголом-

связкой, — сравнительную степень можно понимать предикативно. Умершего (умершую) до срока любили родные, но “чадолюбивая Гелло” — алчная смерть — любила больше, а потому забрала к себе. Напоминание о том, что есть вещи, которые сильнее нас, вполне уместно при обращении к скорбящим, хотя, пожалуй, и не послужит им к утешению. Даже понимая παιδοφιλωτέρα в абсолютном значении (“Гелло весьма чадолюбива”), мы можем остаться в рамках предполагаемого контекста.

Безвременная смерть — распространенный мотив греческих эпитафий, где слово ἄωρος, к примеру, обыгрывается на разные лады (ἄωρος ἄτεκνος, ἄωρος ἄλυτος), а Аид (иногда именуемый просто δαίμων) даже получает эпитет βάσκανος — “завистливый”; умирает до срока, по представлениям греков, именно тот, кто *любезен богам*. Приведем только один из многочисленных примеров — эпитафию римского времени GVI 1970, 1–4 Peek:

πρωθήβην ἔτι κοῦρον, ἔτι χνοάοντος ἰούλου
 δευόμενον φθονερῇ Μοῖρα καθέϊλε βίου,
 πολλὰ σοφῆς χερὸς ἔργα λелоιπτότα. βάσκανε δαῖμον,
 οἴας οὐχ ὀσίως ἐλπιδας ἐξέταμες.

Ревнивая Мойра вырвала [его] из жизни еще юношей, у которого еще не появился первый пушок; но он оставил много творений искусных рук. Завистливый бог, какие упования ты нечестиво пресек!

Напомним, что в поверьях о Гелло, как и о Ламии, ее обычай похищать младенцев объясняется не злобой (как, например, у бабы-яги), а именно чадолюбием: тоской по собственным детям.

Итак, мы полагаем, что номинатив следует считать *lectio difficilior*, и весьма вероятно, что к Сапфо восходит чтение Γέλλω παιδοφιλωτέρα. Конечно, Сапфо могла использовать какой-то местный фольклорный мотив (на лесбосские поверья указывают Зенобий и “Суда”); более правдоподобно, однако, что именно цитата из Сапфо стала крылатым выражением, сфера употребления которого определена первым толкованием Зенобия: ἐπὶ τῶν ἄωρων τελευτησάντων. Позже, как явствует из второго толкования того же Зенобия (ἐπὶ τῶν φιλοτέκνων μὲν, τρυφῇ δὲ διαφθειρόντων αὐτά), эта поговорка была переосмыслена

иронически. Перемена именительного падежа на родительный могла произойти или тогда, или — с учетом сказанного выше это кажется более вероятным — под пером составителей и переписчиков позднеантичных словарей, которым хотелось видеть рядом со сравнительной степенью более привычный генетив.

Итак, вооружившись здравым смыслом, мы готовы решительно вступить за номинатив, именно его считая первичным. Собственно, против этого есть только одно серьезное возражение (которое, впрочем, сторонники генетива как раз не используют). В лемме к статье *Hesych.* γ 308 Latte, которую мы уже цитировали выше (Γέλλω δαίμων, ἢν γυναικες τὰ νεογνὰ παιδία φασὶν ἀρπάζειν), единственная рукопись, сохранившая текст словаря Гезихия (H), дает ΓΕΛΛΩΣ — т. е. форму генетива с эолийским окончанием. Не имея представления о диалектах, переписчик вряд ли мог бы сам придумать такую форму. С другой стороны, а описка, при которой привычный номинатив Γέλλω превратился в странное ΓΕΛΛΩΣ, кажется подозрительной.

Для того, чтобы как-то объяснить это чтение, издатель Гезихия М. Шмидт в 1858 г. постулировал лакуну после ΓΕΛΛΩΣ, предполагая, что в лемме выпала вторая часть: ΓΕΛΛΩΣ ...: δαίμων, ἢν γυναικες κτλ. Развивая мысль Шмидта, П. Маас¹⁵ восполняет эту лакуну при помощи παιδοφιλωτέρα: таким образом, по его догадке, статья Гезихия комментирует нашу поговорку. Мы не можем в полной мере судить о том, насколько сокрушительным является этот аргумент; укажем, однако, что в лакуне

могло стоять едва ли не все, что угодно (тем более, что форма

ΓΕΛΛΩΣ может быть не только эолийской, но также и дорийской); кроме того, К. Латте в новом издании Гезихия (1953) отказался от гипотезы Шмидта, вернувшись к старой конъектуре М. Мусура Γέλλω δαίμων κтл. Таким образом, наше предположение остается в силе.

Сапфо
 Обломок краснофигурной амфоры

¹ См.: *Lawson J. G. Modern Greek Folklore and Ancient Greek Religion*. Cambridge, 1910. P. 176–178.

² Это слово употреблялось в Греции еще в XIX в.; см.: *Ibid.* P. 178. N. 2.

³ Эта старинная конъектура Яна де Мёрса вместо невразумительного рукописного *δῶρσων* принята в текст обонх базовых критических изданий Гезихия — М. Шмидта (1858) и К. Латте (1953).

⁴ *Corpus papyrographorum Graecorum* / Edd. E. L. a Leutsch et F. G. Schneidewin. Vol. I. Göttingae, 1839. P. 58.

⁵ Σαπφούς μέλη: *The Fragments of the Lyrical Poems of Sappho* / Ed. by E. Lobel. Oxford, 1925. P. 62; cf. p. 71: “Iure dubitari potest, num Sapphus sit versus, nam hoc dicit Zenobius: μέμνηται ταύτης Σαπφῶς: eius esse hunc versum nusquam dicit”. Лобеля энергично поддержал Р. Пфайффер (*Gnomon*. 1926. Bd 3. S. 317).

⁶ Alcée. *Sappho* / Texte ét. et trad. par Th. Reinach, A. Puech. Paris, 1937 (1994e), ad *Sapph.* fr. 168.

⁷ В том числе и сам Лобель — в издании 1955 г., подготовленном совместно с Д. Л. Пейджем (*Poetarum Lesbiorum fragmenta* / Edd. E. Lobel, D. Page. Oxford, 1955, *Sapph.* fr. 178).

⁸ Как показывает каталог Карла Рупрехта (*Ruprecht K. Παροϊκία* // RE. 1949. Bd 18. Sp. 1713–1716), львиная доля ритмизованных пословиц приходится на бесконечные разновидности пармиака и просодиака, а также ямбы и трохеи; в целом же греческие поговорки демонстрируют едва ли не все мыслимые размеры, среди которых попадаются и варианты гликонея: к примеру, ἄρων οὐ δέχεται σκίψεϊς (букв. “соствязание не принимает отговорок”, нечто подобное русскому “взялся за гуж...”) или αἱ Χάρητος ὑποσχεσεῖς (“обещания Харета” — от имени афинского полководца, будто бы щедрого на посулы).

⁹ Ссылаясь именно на эти фрагменты, Эва-Мария Фойгт в своем издании Сапфо лаконично возражает осторожному Лобелю (*Sappho et Alcaeus. Fragmenta* / Ed. E.-M. Voigt. Amsterdam, 1971, ad *Sapph.* fr. 178a).

¹⁰ Вот только один пример, выбранный почти наугад (IV, 32): Ὀρᾶκες ὄρκια οὐκ ἐπίστανται· ταύτης μέμνηται Μένανδρος.

¹¹ Вот как это место выглядит полностью: Γελλοῦς παιδοφιλωτέρα· αὕτη ἄωρος ἐτελεύτησε, καὶ τὸ φάντασμα αὐτῆς ἐδόκουν ἐπὶ τὰ παῖδια καὶ τοὺς ἀώρους θανάτους ἰέναι. (“*Чадолубивее Гелло*: эта самая [Гелло] умерла до поры, и полагали, что ее призрак приходит за детьми, а также в случаях безвременной смерти”) “Суда”, в сущности, дает сокращенную версию текста Зенобия, не сообщая никаких дополнительных сведений о Гелло.

¹² В *Etymologicum Magnum* слова Γελλῶ παιδοφιλωτέρα приводятся, без каких-либо пояснений, как пример несинкопированной формы сравнительной степени.

¹³ Единственным исключением является Д. Кэмпбелл, который, впрочем, ограничивается осторожной ремаркой: “возможно, это реплика в адрес жадной соперницы” (*Greek Lyric. Vol. I: Sappho and Alcaeus* / Ed. D. A. Campbell. Cambridge (Mass.); London, 1982, ad *Sapph.* fr. 178). Нам, действительно, известен один фрагмент Сапфо, содержащий выпад против какой-то чуждой музам особы, но там речь идет о ее загробной участи — так что отрывок напоминает скорее мрачное пророчество, в котором нет и тени иронии (fr. 55 Voigt): “После смерти ты будешь лежать, не оставя по себе памяти [ни теперь], ни впредь, ибо ты не будешь причастна розам Пизэрии, но, сгинув, станешь бродить безвестной в жилище Анда вместе с сонмом забытых мертвецов”.

¹⁴ Это соображение было высказано Д. В. Кейером во время обсуждения нашего доклада на заседании кружка “Классика”.

¹⁵ *Maas P. Gello* // RE. Bd 7 (1910). Sp. 1005. См. также издание Сапфо Т. Рейнака (цит. в прим. 6).

Руководитель докладов — А. Ю. Енбекова
Фото: О. В. Бударасина, П. А. Герм, С. А. Таразевич
Рисунки Лизы Дмитриевой

Заседания кружка “Классика” в 2000/01 и 2001/02 уч. гг.

- Сентябрь 2000 г. Рассказы гимназистов о летних поездках (Херсонес, Нимфей, Одесса, Афины).
- Декабрь 2000 г. **С. Э. Андреева** (аспирант СПб ИИ РАН, преподаватель гимназии). Что такое эпиграфика?
- Март 2001 г. **Анна Андреева, Екатерина Волкова, Елизавета Дмитриева** (10 класс). Из истории Первой Санкт-Петербургской гимназии.
Рук. Е. Ю. Басаргина
- Апрель 2001 г. **Вера Жижина** (10 класс). Греческие школьные состязания в ὑποβολή.
Рук. З. А. Барзах
- Октябрь 2001 г. Рассказы гимназистов о летних поездках (Херсонес, Афины, Дельфы).
- Ноябрь 2001 г. **Вероника Никитина** (выпускница 2001 г.). Письма римских легионеров из Британии.
Рук. В. П. Казанскене
- Декабрь 2001 г. **Леонид Довладбемян, Вера Пузырева, Наталья Украинская** (11 класс). Из истории Второй Санкт-Петербургской гимназии (доклад сопровождался видеофильмом; оператор — Л. Довладбемян).
Рук. Е. Ю. Басаргина
- Март 2002 г. **Вера Жижина** (11 класс). Еще раз о греческих школьных состязаниях в ὑποβολή.
Рук. Н. А. Алмазова
- Апрель 2002 г. **Екатерина Таразевич** (9 класс). Метаморфозы Ламии.
Ксения Шноль (9 класс). Чадолубивая Гелло.
Рук. А. Ю. Енбекова
- Май 2002 г. **Михаил Ермолаев** (7 класс). Зиккураты: легенды и действительность.
Рук. М. М. Дандамаева

БЕСТИАРИЙ

Обитатели Луны

Как известно, убитый Гераклом Немейский лев был порождением Тифона и Ехидны; однако с этой генеалогией по меньшей мере с VI в. до н. э. конкурировала другая, согласно которой лев упал на Пелопоннес с Луны. Из курьезного сочинения “О реках” (оно дошло под именем Плутарха, но ему не принадлежит) можно узнать подробности этой истории: по просьбе враждебной Гераклу Геры Селена наполнила ларец пеной, произнесла заклинания, и оттуда появился чудовищный лев, которого Ирида опустила на Землю на своем поясе (на радуге?). Следует, впрочем, иметь в виду, что автор этого трактата — источник крайне ненадежный: он любит выдумывать мифы, для убедительности сопровождая их ссылками на несуществующих писателей.

Вопрос о природе, размерах и свойствах Луны занимал важное место в астрономических теориях философов-досократиков; в частности, пифагорейцу Филолаю приписывается тезис о том, что Луна заселена растениями и живыми существами, которые в 15 раз крупнее и намного красивее, чем земные. Этим словам любопытным образом вторит современник Филолая Геродор Гераклеийский, чье сочинение “О Геракле”, по-видимому, представляло собой кладезь разного рода фантастических сведений. По уверению Геродора, “лунные женщины несут яйца, и рождающиеся из них младенцы в пятнадцать раз больше, чем люди”. Как тут не вспомнить о том, что самая красивая женщина тоже появилась на свет из яйца: и в самом деле, некто Неокл из Кротона доказывал лунное происхождение Елены Прекрасной. Ученик Платона Гераклид Понтийский, живо интересовавшийся народными верованиями и рассказами о чудесном, даже упоминал о свалившемся на землю с Луны человеке.

Один из участников диалога Плутарха “О лице, видимом на Луне” приводит такой пример: если бы мы могли наблюдать море только издали, то едва ли поверили бы, что оно населено множеством разнообразных существ, пользующихся водой так же, как мы сами — воздухом; следовательно, и Луна может оказаться обитаемой. Более того: лунные жители, разглядывающие Землю — темную, окутанную влажными тучами — наверняка убеждены, что уж в этом-то мрачном месте, похожем на описанный Гомером Аид, жизни наверняка нет. Далее привлекательный образ селенитов, цитирующих Гомера, сменяется другим: следующий участник диалога излагает философский миф, в котором на Луну

после искупительных скитаний попадают души умерших. Это популярное воззрение распространено в самых различных частях света от Ирана до Полинезии (русский читатель может в этой связи вспомнить “Подробный отчет о Луне...” В. А. Жуковского); в Грецию оно или пришло с Востока, или же, что более вероятно, возникло самостоятельно — перейдя из народных религиозных представлений к философам и астрологам.

Селена
Светильник II в. н. э.

Эллинистическая и римская эпохи были временем чрезвычайной популярности сочинений, описывающих фантастические путешествия в дальние страны. Содержание одного из них — романа “Невероятные приключения по ту сторону Фульы” Антония Диогена (II в. н. э.) — известно нам благодаря константинопольскому патриарху Фотию, который конспектировал прочитанные книги. В заключительной части романа его персонажи, “двинувшись к северу в сторону Луны”, увидели там “такие чудеса, которые во многом превосходили все прежние фантастические истории”; к сожалению, подробности этого странствия Фотий опускает.

Вероятно, и Геродор, и Антоний Диоген были в числе объектов пародии Лукиана, чье сочинение с характерным заглавием “Правдивая история” высмеивает авторов, потакающих любопытству легковых читателей. Между прочими не менее удивительными приключениями рассказчик попадает на Луну, куда его корабль забрасывается страшным вихрем. Следует описание

жизни селенитов — они летают на трехглавых коршунах, сражаются с жителями Солнца, носят одежду из мягкого стекла, жарят лягушек и питаются их дымом, потеют молоком, а сморкаются медом. Глаза у них вставные, уши из листьев платана, за спиной вместо хвоста — кочан капусты; вообще же красавцами на Луне считают только лысых.

Читая эти строки, вы наверняка узнали рассказ о полете на Луну барона Мюнхгаузена. Это не случайное совпадение: “Правдивая история” оказала огромное влияние на европейскую фантастическую литературу, включая таких авторов, как Томас Мор, Рабле и Свифт. Писатели нового времени используют мотив “жителей Луны” в социальной сатире (“Комическая история государств и империй Луны” Сирано де Бержерака) или антиутопии (роман Г. Дж. Уэллса “Первые люди на Луне”, снабженный эпиграфом из Лукиана). Русская литература также не обошла вниманием селенитов: согласно космологии гоголевского Поприщина, Луна заселена носами, а в юношеских стихах Мандельштама это идиллический мир, где “...весь народ <...> / Из соломы плетет / Легкие корзинки”. Но, пожалуй, самую симпатичную версию происходящего на Луне сохранил Лев Толстой, записав в дневник разговор своей престарелой тетушки Т. А. Ергольской с одной яснополянской дамой: “— А что на Луне сейчас делают? — Танцуют, вероятно. Там ведь холодно”.

В. В. Зельченко
Рис. А. Ю. Енбековой

Геракл и Немейский лев
С античной
чернофигурной вазы

Селенит на трехглавом коршуне
Илл. Г. Доре к “Приключениям
барона Мюнхгаузена”

ЛАТИНСКИЕ НАДПИСИ В ПЕТЕРБУРГЕ

Мы продолжаем рубрику, начатую в прошлом номере “Абариса”. Автор следующей ниже подборки — Елена Григорьева, студентка кафедры классической филологии Московского университета, краевед, давний друг нашей гимназии.

Санкт-Петербург — город, построенный, чтобы быть столицей. Он сохранил в своем облике немало имперских черт, свойственных крупным европейским городам. В странах католической Европы на протяжении долгих веков существовала традиция украшать латинскими надписями различные здания и памятники. Петербург — единственный город России, где эта традиция прижилась с момента основания и не прерывалась вплоть до октябрьского переворота. На сегодняшний день в Петербурге насчитывается больше латинских надписей, чем в каком-либо другом городе нашей страны.

Пока собраны далеко не все петербургские латинские надписи (в особенности те из них, которые находятся на городских некрополях), и неизвестно, когда такое собрание можно будет назвать полным. В первой подборке (см.: Абарис. 2001. Вып. 2. С. 25–26) были опубликованы надписи из различных районов города, помещенные на разнообразных типах сооружений: памятниках, костеле, учебных заведениях, особняках и просто жилых домах. И так, начало собранию положено, и я хотела бы его пополнить.

Самые древние из обнаруженных в городе надписей можно прочесть на барочных статуях Летнего сада, созданных итальянскими мастерами в конце XVII — первой половине XVIII в.¹

Надписи, датируемые XVIII в., удалось также обнаружить на одном из старейших кладбищ Петербурга — Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Прежде всего это эпитафия на могиле М. В. Ломоносова:

VIRO CELEBERR[IMO]² MICHAELI LOMONOSOV, KOLMOGORODI NATO MDCCXI, AUG[USTI] RUSSIA[UM] IMPER[II] A CONSIL[II]S] STAT[US], ACAD[EMIAE] SCIENT[IIARUM] PETROPOL[ITANAE] PROF[ESSORI] PUBL[ICO], HOLMENS[IS] ET BONONIENS[IS] SOCIO, QUI INGENIO EXCELLUIT ET ARTIBUS PATRIAE DECUS EXIMIUM ELOQ[UENTIAE] POES[EOS] ET HISTOR[IAE] PATRIAE PRAECEPTOR, METR[ORUM] RUSS[ICORUM] INSTITUTOR, TRAGOED[IAE] IN VERNACULA AU<C>TOR, PRIMUS MUSIVI OPER[IS] IN RUSS[IA] FICTOR AUTODIDACTUS. PRAEMAT[URA] MORTE MUSIS ATQUE PATRIAE FERIS PASCHAL[IBUS] MDCCCLXV, SCRIPT[IS] ET OPERIB[US] OBLIVIONI EREPTUS. TALEM CIVEM GRATUL[ANS] PATRIAE OBITUM EIUS LUGENS MICH[AEL] COMES A WORONZOV POSUIT.

На обратной стороне стелы помещен (не совсем полный) перевод эпитафии: “В память славному мужу Михаилу Ломоносову, родившемуся в Холмогорах в 1711 году, бывшему статскому советнику, С.-Петербургской Академии наук профессору, Стокгольмской и Болонской члену, разумом и науками превосходному, знатным украшением отечеству послужившему, красноречия, стихотворства и истории российской учителю, мусии³ первому в России без руководства изобретателю, преждевременною смертию от муз и отечества на днях Святыя Пасхи 1765 году похищенному. Воздвиг сию гробницу граф М. Воронцов, славя отечество с таковым гражданином и горестно соболезнуя о его кончине”.

D[OMI]NI 1807. FUIT NON SOLUM VIR DOCTUS, SED ETJAM VIR BONUS, PATRIAE AMANS, PAUPERUM PATER, ARTIUM ET LITTERARUM PROTECTOR, FIDEI JUSTITIAEQUE TENAX, MODESTIAE COMITATISQUE EXEMPLUM; OMNES HAE VIRTUTES SUO PECTORE COM<M>UNEM SEDEM HABEBANT. AVE, PIA ANIMA! HANC LAPIDEM TEMPUS EDAX DIRUET, SED ET NOMEN TUUM ET NOMINIS TUI MEMORIA IN AETERNUM MANEBUNT.

(“Здесь лежит Михаил Муравьев — муж, некогда выдающийся, тайный советник Его императорского величества, товарищ министра народного просвещения, кавалер орденов св. Александра, св. Анны первой степени, св. Владимира третьей степени, а также попечитель Императорского Московского университета, которого преждевременная смерть похитила у нас 29 июля 1807 г. Это был муж не только ученый, но и добропорядочный, любивший родину, отец бедным, покровитель искусств и изящной словесности, поборник веры и справедливости, образец скромности и обходительности — все эти добродетели в его груди имели престол. Прощай, благочестивая душа! Сей камень сгложет едкое время, но имя твое и память о нем пребудет вечно”).

На Лазаревском кладбище находится и могила выдающегося военного инженера-механика Августина Бетанкура:

HIC IACET NOBILIS ET DOCTIS⁵ DOMINUS AUGUSTINUS DE BETANCOURT. N[ATUS EST] INSULIS CANARIS A[NNO] D[OMINI] MDCCLVIII. O[BIT] PETROPOLI A[NNO] D[OMINI] MDCCCXXIV. VIATOR, ORA PRO SALUTE SUA!
 (“Здесь лежит знатный и ученый муж Августин де Бетанкур. Родился на Канарских островах в 1758 г., умер в Санкт-Петербурге в 1824 г. Путник, молись о его спасении!”).

По бокам стелы еще одна надпись по-латыни:

RENOVATUM A COMITE MICHAELE FILIO SIMONIS WORONZOW. ANNO 1832. C.⁴ N. IN 1887 AN., — и ее перевод: “Возобновлен графом Михаилом Семеновичем Воронцовым 1832 года; Г. [И.] Н[остицем] в 1887 году”.

Других надписей XVIII в. пока обнаружить не удалось. К сожалению, многие памятники находятся в плачевном состоянии, к некоторым невозможно подобраться.

Еще один достаточно пространный текст читается на могиле Михаила Никитича Муравьева (1757–1807), поэта и переводчика, попечителя Московского университета, товарища министра народного просвещения:

HIC IACET VIR QUONDAM EXCELLENTISSIMUS MICHAEL MOURAVIEFF, SENATOR CONSILIARIS PRIVATUS SACRAE MAJESTATIS IMPERIALIS, MINISTER ADJUNCTUS PUBLICAE INSTRUCTIONIS, EQVES ORDINUM SANCTI ALEXANDRI, SANCTAE ANNAE PRIMAE CLASSIS, SANCTI VLADIMIRI 3^{AE} NEC NON CURATOR CAESAR[IS] UNIVERSITATIS MOSQUENSIS, QUEM MORS PRAEMATURA NOBIS ERIPUIT DIE 29° MENSIS JULII ANNO

Памятник создан по проекту О. Монферрана, близкого друга Бетанкура. Во время строительства Исаакиевского собора инженер разработал уникальный проект лесов для поднятия колонн. Первоначально Бетанкур был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище, и лишь в 70-х годах прошлого столетия его прах был перенесен в Лавру.

К первой половине XIX в. относится также надпись на могиле великого математика и физика Леонарда Эйлера (1707–1783):

LEONARDO EULERO ACADEMIA PETROPOLITANA MDCCCXXXVII
 (“Леонарду Эйлеру Петербургская Академия. 1837 г.”).

Нетривиальной надписью украшено надгробие князя Алексея Ивановича Горчакова (1770–1817), племянника А. В. Суворова. Будучи генералом от инфантерии, Горчаков принимал участие в Итальянском походе, а в 1812 г. занимал должность управляющего военным министерством. Его эпитафия гласит:

HIC ULTRA METAS REQUIESCIT, BEATAM SPREM EXPECTANS
 (“Он покоится здесь, перейдя черту, в ожидании благой участи”).

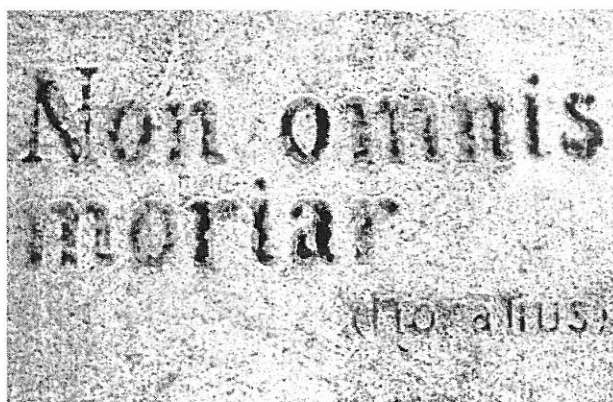
На другом кладбище Александро-Невской Лавры, Тихвинском, где захоронения относятся к более позднему времени, латинских надписей почти нет; на сегодняшний день удалось отыскать только две, приводимые ниже:

HOC SITUS EST CATHARINUS CAVOS. IMPER[ATORIS] S[ANCTI] VLADIM[IRI] ORD[INIS] IV^{AE} CLASS[IS] EQUES, NATUS VENETIIS
 XXX OCT. MDCCCLXXV, OBIT PETROPOLI XXIII APR. MDCCCXL
 (“Здесь покоится Катарина Кавос,⁶ кавалер ордена св. Владимира четвертой степени. Родился в Венеции 30 октября 1775 г., умер в Петербурге 28 апреля 1840 г.”).

Одна из последних по времени латинских надписей не только на этом кладбище, но и вообще в Петербурге была сделана на могиле ученого-физиолога, академика И. Р. Тарханова (1846–1908). Среди надписей на русском и старославянском языках, помещенных на этом памятнике, читается и скромная латинская цитата:

NON OMNIS MORIAR (HORATIUS)
 (“Не весь я умру. Гораций” [*Carm.* III, 30, 5]).

Еще одна античная традиция, перешедшая в новое время — это надписи по случаю военных побед на триумфальных арках. В Петербурге самая известная надпись такого рода читается на Нарвских воротах, сооруженных в честь победы над Наполеоном. С двух сторон над аркой две надписи — по-латыни и по-русски:

VICTRICIBUS ROSSICIS LEGION[IBUS] IMP[ERATORIS] CORP[ORIS] CUSTOD[IBUS] GRATA PATRIA D[IE] XVII M[ENSIS] AUG[USTI] AN[NO] MDCCCXXXIV
 (“Победоносной российской императорской гвардии признательное отечество в 17 д. августа 1834”).

Наконец, последняя группа надписей — на обычных жилых домах и учебных заведениях. К тем, о которых шла речь в предыдущем номере “Абариса”, хотелось бы добавить еще две: на фасаде музыкальной школы и училища при Санкт-Петербургской консерватории (пер. Матвеева, д. 1а):⁷

NON SCHOLAE, SED VITAE. 1818–1914, —

и недавно появившуюся надпись на воротах внутреннего двора филологического факультета СПбГУ:

PHILOLOGICA FACULTAS.⁸

¹ Полный перечень и перевод латинских надписей на статуях Летнего сада приводится в книге: *Мацулевич Ж.* Летний сад и его скульптура. Л., 1936. — *Прим. ред.*

² Текст дополнен по публикации: *Gavrilov A.* De Latino monumento Petropolitano Michaeli Lomonosovo dicato // *Vox Latina*. 1991. Т. 27. Р. 363–366.

³ Т. е. мозаики. — *Здесь и далее прим. ред.*

⁴ Резчик перепутал латинские буквы С и G.

⁵ Ошибочно вместо doctus.

⁶ Катарина Альбертович Кавос — композитор, прадед А. Н. Бетюва. Автор около тридцати опер, в том числе на исторические и сказочные сюжеты (“Илья Богатырь”, “Иван Сусанин” и др.). Архитектор А. К. Кавос, сын К. А. Кавоса, построил Марининский театр.

⁷ Надпись до наших дней не сохранилась. Ранее в этом здании находилось училище и Совет реформатских церквей. Аналогичную надпись на здании бывшей гимназии Императорского человеколюбивого общества см.: *Абарис*. 2001. Вып. 2. С. 26. № 6; там же — перевод и комментарий.

⁸ Латинизированный вариант названия филологического факультета был предложен проф. А. И. Зайцевым и имел вид *facultas philologica*. К сожалению, впоследствии порядок слов был изменен.

Е. В. Григорьева

Фото: О. В. Бударagina, И. О. Галынина

Театральный фестиваль в Риге

На весенних каникулах нас с Еленой Васильевной Вензель пригласили на фестиваль театральных коллективов в Ригу, чтобы представить наш гимназический театр. Там нам встретилось много старых знакомых — тех, с кем мы были вместе на фестивале “Крылья Меотиды”, проходившем в августе 2001 г. в Мариуполе. Среди них были саратовский театр “Асахи”, ставящий спектакли на японском и русском языках, латышский “Ziluks” и другие.

За одну неделю мы посетили столько мест и увидели столько интересного, что голова пошла кругом. Это и фестиваль “Русская классика в Латвии”, где дети из рижских школьных театров представили произведения русских писателей, и конкурс художественного чтения “Zvirbulis” (что означает “воробей”), и замечательный центр семейного отдыха “Lido”.

Наша поездка совпала с Международным днем театра, отмечаемым 27 марта. Во время встреч с коллегами мы рассказывали о нашей студии. Нам было очень приятно получить приглашение на латышский и литовский фестивали детских театров в следующем году. Кроме того, нам предстоит отправиться в летний театральный лагерь, организованный под Ригой режиссером “Ziluks” Лаурой Паэгле.

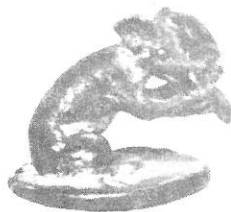
Несмотря на обширную программу, мы успели вдоволь нагуляться по старой Риге. Ее узкие улочки и кривые переулочки напоминают о временах средневековья, а маленькие аккуратные дома как будто пришли из старых добрых сказок — сказок, знакомых нам с детства.

Ксения Якупова

8 класс

Фото: Е. В. Вензель

Феодор Продром

КАТОМИОМАХИЯ, или Война мышей и кошки

Перевод с древнегреческого В. В. Зельченко

Предлагаемая вашему вниманию драматическая пародия принадлежит перу одного из крупнейших византийских поэтов — Феодора Продрома (род. ок. 1100 г. — ум. между 1156 и 1158 гг.). Хотя ее заглавие и сюжет отсылают к знаменитой “Батрахомиомахии” (поэме о войне мышей и лягушек, которую древние приписывали самому Гомеру), адресат пародии Продрома другой — аттическая трагедия, и в первую очередь “Персы” Эсхила, которые в Византии XII в. были классическим школьным чтением.

Перевод выполнен по изданию: Pseudo-Homer. Der Froschmäusekrieg. Theodoros Prodromos. Der Katzenmäusekrieg / Griechisch und deutsch von H. Ahlborn. Berlin, 1978².

Действующие лица

Мясолоб
Сырокрад
Супруга Мясолоба (Царица)

Хор служанок
Глацатай
Вестник

Дима Бордюгов
Андрей Олейник
Антон Борисов
Маша Васильева,
Катя Ильина,
Саша Таирова,
Майя Шляхтер

Пролог произносит Мясолоб.

Мясолоб: — Скажи, почто мы, прежде столь отважны,
теперь по норам прячемся безвылазно
во власти страха, трепета, смятения?
Почто в жилищах наших жизнь злосчастную
влачим? На свет не смеем носа высунуть?
Почто, презренной робости исполнены,
в потемках нор обречьшись жалкой участи,
дрожим в подполье, как под стражей пленники?
Почто, забыв о времени, теченье дня

единой ночью мерим, сенью смертною,
подобно киммерийцам из предания,
подслеповатым Понга обитателям,
что солнца не видали по шесть месяцев?¹

Сырокрад: — Не нашей волей в норы мы упряганы.
Когда бы, твоему совету следуя,
дерзнули мы на свет беспечно выбраться,
то сей же миг, подпав беде стремительной,
собратьев смерть узрели бы воочию
и мрачное Аида обиталище
в уплату безрассудству заслужили бы.

Мясолоб: — Подпав беде, сказал ты? Но какой беде?
Ужели нам грозит удел погибельный?

Сырокрад: — Так, Мясолоб — едва сомкнутся челюсти
искусной кознодейки, лютотой хищницы.

Мясолоб: — Да кто она? Открой без промедления:
обиньяками дело не продвинется.

Сырокрад: — Зовется Кошкой у людского племени
та, что близ наших нор дозором рыскает,
не встретится ли мышь; как пес охотничий,
вынюхивая след, за зайцем крадется,
так и она, неистошима в каверзах,
выслеживает нас очами рысьими.

Мясолоб: — Теперь, по описанию неложному,
ее признал я: дочери возлюбленной,
безвременно угасшей Свечегрызочки,
меня она лишила на глазах моих.

Сырокрад: — Не так ли я утратил Солонинницу,
родную кровь, и Зерноплота милого,
когда сестре он поспешал на выручку?

¹ Представление о том, что киммерийцы проводят жизнь во мраке, засвидетельствовано уже в “Одиссее” (XI, 13–19: “Ночь безотрадная там искони окружает живущих”).

Мясолоб: — Так что же мы? Робеем, будто евнухи, не замечая гибели сородичей?

Сырокрад: — А что нам делать надлежит, по-твоему?

Мясолоб: — Сердца и взоры обратить к отмщению и кровопийце смертью отплатить за смерть.

Сырокрад: — Но как за это взяться? Говори ясней.

Мясолоб: — Врагу навстречу выступить бестрепетно.

Сырокрад: — Дрожу, ей-ей, дрожу. А ну как выдадим себя и сгинем, как другие сгнули, для кошки став не чайной добычей?

Мясолоб: — Во имя павших голову сложить не жаль. Доныне на скрижалях прославляются, кто, жизнь отдав за ближних и друзей своих, за жен, сестер, любимых чад, родителей, стяжали смертью почести бессмертные.

Сырокрад: — Об этом я слышал; а все же боязно оставить жизни путь и дня сияние, чтобы навек облечься тьмой могильною.

Мясолоб: — Пойми же: если соберемся с силами, то эта участь кошке уготована.

Сырокрад: — Но как же, брат? Не говори загадками.

Мясолоб: — К оружию! В атаку!! В рукопашную!!!

Сырокрад: — По мне так лучше выступить украдкой.

Мясолоб: — Какая польза в осторожном натиске?

Сырокрад: — Едва прознает кошка вероломная, что мы на битву с нею снаряжаемся, как тотчас соберет орду приспешников, ударит первой по отряду нашему и лаврами победы увенчается.

Мясолоб: — Что из того? И нам, как в годы прежние, поможет войско преданных союзников.

Сырокрад: — А помнишь ли, как мы в поход отправились на ласок и лягушек?² Рать несметная союзников служила нам опорой...

Мясолоб: — Как позабыть, когда крушение зрели мы собратьев, жен, любимых чад, родителей и сами чудом избежали гибели?

Сырокрад: — Теперь, боюсь, и чудо нас не выручит.

Мясолоб: — О нет, клянусь богами-олимпийцами! Надежду мне внушило сновидение.

Сырокрад: — Ты видел вещий сон? Ужель воистину?

Мясолоб: — Зевс, царь богов, явился мне, поникшему на ложе сна, наполнил сердце мужеством и возвестил: “Пребудешь сильным. Радуйся”.

Сырокрад: — Каков он был, поведай? На кого похож?

Мясолоб: — На Сыролиза, старца многомудрого.

Сырокрад: — Не помню, чтоб к тебе он прежде жаловал.

Мясолоб: — Должно быть, я смутил его угрозами.

Сырокрад: — Ты угрожаешь Зевсу? Небожителю? Тому, кто так бессмертным говорит богам: “Спустите с неба цепь, на ней повисните — и я вас всех десницей мощной вытяну”?³

Мясолоб: — Да, в этот год грозил ему без счета я. Когда про скорбный жребий свой рассказывал — как жалок я, как жмусь в углу безвыходно, окутан тьмой, и в сердце тьма крошечная, как дрожью содрогаюсь, как час от часу страшусь за жизнь, постылых тягот полную, — вопил, слезами заливался, сетовал, терзал, царапал щеки неповинные и против Зевса, всех богов главнейшего, в свирепом буйстве восставая, лютыми угрозами перемежал рыдания.

Сырокрад: — Какими? Если начал, то досказывай.

Мясолоб: — Что если-де меня он победителем на бранном поле не-воздвигнет, тотчас же во храм его явлюсь и подношения отправлю в пищу чреву ненасытному.

Сырокрад: — И я с тобой! Возьмем жену с ребятами... Теперь о битве расскажи подробнее.

Кошки. Миниатюра из бестиария XII в. (РНБ)

² Имеются в виду события, описанные в “Батрахомиомахии” и “Талеомиомахии” (поэме эллинистической эпохи о войне мышей и ласок, которая дошла до нас в виде папирусных фрагментов). До появления в Греции домашних кошек, т. е. на протяжении всей античности, для охоты на мышей при амбарах и мельницах держали ласок.

³ Намек на эпизод из “Илиады” (VIII, 18–27): Зевс, требуя от богов повиновения, предлагает им таким образом убедиться, насколько он сильнее всех остальных обитателей Олимпа, вместе взятых.

Мясолоб: — Изволь; но прежде я бы озаботился созвать народ мышинный на собрание.

Сырокрад: — Итак, когда воистину решились мы оставить жизнь бессолнечно-подспудную, стряхнув оковы страха перед кошками, то всех мышей собрать немедля следует. И пусть сперва такое слово молвится, что укрепит отвагу в душах воинов; затем, как должно, придадим начальников полкам, отрядам и соединениям, того в пехоту, этого в копейщики — и на сражение двинемся, построившись.

Мясолоб: — Как речь твоя красна, важна, советлива! Так старость нам внушает благомыслие. Ступай, глашатай, и мышам сойтись вели.

Глашатай: — Взгляни: призыву твоему покорные, на вече притекли мышеначальники.

Мясолоб: — О благородных сонмище соратников, послушливых и верных! Я узнал сейчас о том, сколь долго наши прародители, во власти жалкой немощи и робости, попрятавшись в укромные убежища, себя являли не мужами бодрыми, а скопищем увечных и расслабленных, врагу навстречу не решаясь выступить. Теперь скажу: настало время доблести! Негоже мне, воителю могучему, вождю торжеств, народов повелителю, кого толпа рукоплесканьем чествует, во тьме подполья предаваться трепету! А вы, друзья, к словам моим с готовностью склоните слух, как подобает отпрыскам родов старинных, мощи их наследникам. Во исполненье долга не пристало вам робеть и медлить, мыши благородные — но, сколько вас ни есть, в едином рвении ряды сомкните для похода нового, равняясь в том на вашего начальника.

из сотни схваток выйдя победителем. Вам ведомо, что принял я рождение от благородных чресел, и не зря молва хранит прозвание Свиткогрызов сыздавна: в бою крепки, в совете рассудительны, себя они покрыли вечной славой. Отверг я рано праздную изнеженность и отроком отправился на выучку к искуснейшим из воинских начальников; умею бить копьем, мечом орудовать, скакать верхом, в бою менять позицию, разить молниеносно и без промаха, пускать стрелу и тетиву натягивать, — сказать короче, всю науку ратную изведал я, как полководцу следует. Врагов несчетных одолев и множество племен поработив искусством воинским, достиг я высшей власти. В том сомненья нет, что всех затмил я славой и величием. Не стыдно ли тому, в ком громовержец Зевс, сын Реи, чтит достойного соперника, терпеть от жалкой твари, трусу праздную? А посему, товарищи любезные, велю вам ныне к битве приготовиться бесстрашно, благомощно, благоревностно, благорассудно, бодро и торжественно. Теперь ступайте по домам; на завтра же, чуть рассветет, вы, воеводы верные, все будьте в сборе. Выступим решительно: для дела в том прямую пользу вижу я.

Сырокрад: — Совет окончен; мыши удаляются: вечерний час зовет к отдохновению. И мне в опочивально поспешать пора.

Мясолоб: — Ты прав, старик; забыться сном попробуем.

Хор: — Какая скорбь снедает и томит меня! Вершитель Зевс, что день готовит завтрашний? Мой господин лелеет грозный умысел: в открытой битве одолеть чудовище. Боюсь, ему и всем военачальникам недолго зреть светило лучезарное. О Локсий, Феб, о Аполлон всеведущий!

Мышь с грецким орехом
Мозаика из Латеранского музея. Рим

Ведь я от битвы никогда не прятался, но с юных лет — богов зову в свидетели — себя готовил к доле полководческой,

О, горе мне и даже дважды горе мне!
Увы, увы, страдания беспримерные!
Увы и ах, безмерные рыдания!

1-е полухорие: — А может, вражью силу пересилим мы?

2-е полухорие: — Ах, речь твоя чудна, чудна, несбыточна!
Да будет так, как Зевсом уготовано.

Сырокрад: — Лучи денницы в окна пробиваются.

Мясолоб: — Я тоже различаю их сияние.

Сырокрад: — Пришла пора, отринув негу сонную,
ягниц и крав заклать для небожителей
и с тем на битву двинуться бестрепетно:
умилосердить вышних — дело первое.

Мясолоб: — Сжигая жертвы, Зевса призываем мы,
Афины, Пана, Посейдона, Гермия,
И Геру, и всеведущего Локсия,
И Артемиду, диких гор насельницу,
Латону и Плутона с Персефоною.
Теперь пора: проворством окрылим стопы.

Хор: — О боги, все и каждый по отдельности,
владыки мира горного и дольного,
блаженных хороводов предводители,
храните, о, храните дланью крепкою
хозяев наших, что в поход отправились
разить кошачье племя ненасытное.

Царица: — О Зевс, верни с победой с поля бранного
моих стратегов, мужа и наследника.

Хор: — Победа — благо; только страх томит меня.

Царица: — И я дрожу, исполнена смятения.

Хор: — Внушает ужас сила неприятеля.

Царица: — Владыка Зевс, победой повершай поход.

Хор: — Все счастье наше в божьем изволении.

Царица: — Скажи: ведь если воинство мышинное
сумеет силой одолеть противницу,
то в безмятежной жизни до скончанья дней
пребудем мы, отринув опасения?

Хор: — Все так; да будет с богом по словам твоим.

Царица: — А если дрогнут, перед мощью вражеской
не в силах устоять, и в бегство пустятся —
тогда нас ждет крушение безысходное?

Хор: — Все так; да не допустят боги этого.

Царица: — Нас обрекут на плен и участь рабскую?

Хор: — Боюсь, что нет: пойдем на ужин недругу.

Царица: — ...И я, увы, с возлюбленными чадами
из госпожи тогда рабыней сделаюсь.

Хор: — Сказать по правде, суждено не рабство вам,
а гибель в пасти кровожадной хищницы.

Царица: — Выходит, солнца милый свет покину я
и прахом облекусь в могильном сумраке?

Хор: — Молчи, молчи! Я вижу нечто страшное.
Кто там, вдали, торопится навстречу нам?
Он дышит тяжело и ранен, кажется.

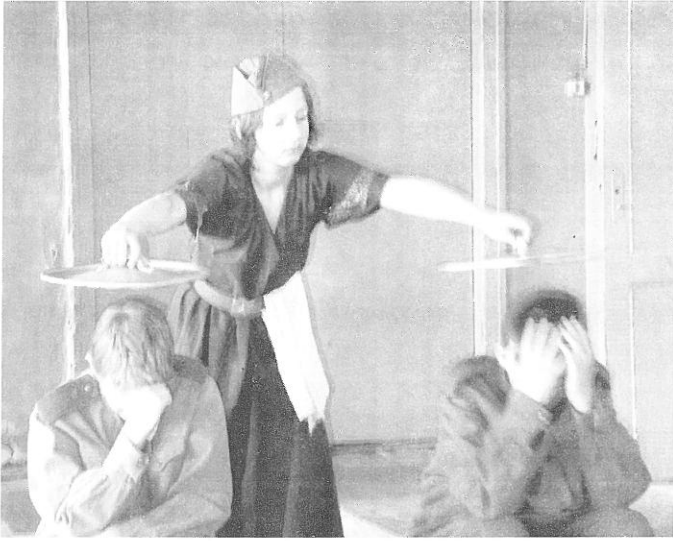
Вестник: — Как госпожу найти мне? Укажи скорей.

Хор: — Узреть ее ты можешь при желании.

Вестник: — О жалкая! О трижды несчастливица!
Пал Крохобор,⁴ сражен ударом гибельным.

Царица: — О сыне мой возлюбленный, взлелеянный!
Кто будет старости моей опорой?
Страдания, о, страдания беспримерные!
Увы и ах, безрадостные новости!
Умру! Что ждет теперь меня? Куда бежать?
Куда идти? Не держат ноги слабые.
О сыне, ныне ты не защитишь меня!

⁴ Это имя мышинного царевича (Ψιχάρταξ) заимствовано из "Батрахомиомахии".

Хор: — Крепись, крепись, утоми рыдания.
Царица: — Зевс небовластный, титанокрушительный!
Хор: — Увы тебе, несчастная страдалица!
 Унять пора бы стоны безутешные.
Царица: — Ах, речь твоя дика, дика, несбыточна!
Хор: — Уйми хоть ненадолго слезы горькие.
Царица: — О сыне, сыне! О черты любимые!
Хор: — Терпеть страданья должно, сколь ни тягостны:
 пора уже дослушать о сражении.
Царица: — Не в силах я размыкать горе лютое.
Хор: — Что пользы в неумеренных стенаниях?
Царица: — От крика надорвусь и смерть приму скорей.
Хор: — О боги, нет! Не уходи, молю тебя!
Царица: — Но как без причитаний муку вынести?
Хор: — Не облегчают муку причитания:
 Кто спит в земле, того уж не добудишься.
Царица: — Рыдания уняв, что делать стану я?
Хор: — Благоволи дослушать о сражении.
Царица: — Но кто о том расскажет и поведаст?
Хор: — Вестимо тот же, кто принес известие.
Царица: — Как отыскать его?
Хор: — Взгляни как следует.
Царица: — Поникла я от горя, обессилела,
 зеницы глаз повиты тьмой кромешною.
Хор: — Теперь, посланец, изложи развернуто,
 сколь тяжко в битве наше положение,
 как Крохобор погиб и как скончался он.
Вестник: — Все по порядку или только главное?
Хор: — Нет, по порядку обо всем уведоми
 и от начала битвы заводи рассказ.
Вестник: — Я ничего не утаю; внимайте же.
 Едва сошлись мы в сече с неприятелем,
 как Крохолиз, народодержец доблестный,
 воздвигся с кровопийцей на неравный бой

и был повержен. Зрелище плачевное:
 за полководцем пали и полки его.
 Тогда второй великодержец выступил —
 теперь Ветчинокрада разумею я —
 но вскоре сам обрекся той же участи,
 не выдержав стремительного натиска.
 Когда увидел Крохобор, что грозные
 правители со всем несметным воинством
 сокрылись в пасти смертоносной хищницы,
 исполнен гнева и могучей ярости
 (а ярость нам губительна настолько же,
 как если кровь вскипит и к сердцу бросится),
 схватил десницей пику изостренную
 и устремился насмерть поразить врага.
 Но кошка, уследив, как подступает он,
 горя желаньем ближний нанести удар,
 и древко воздымает дланью мощною,
 метнулась вдруг, молниеносно ринулась,
 вонзила когти в Крохобора юного
 и учинила трапезу кровавую.

Хор: — Ужели на глазах у породившего?
Царица: — Теперь мои страдания удвоены.
Вестник: — Едва завидев это, о владычица,
 к тебе я тотчас поспешил с известием.
Хор: — А лучше бы, гонец, не поспешать тебе.
Царица: — Зачем тебя я согласилась выслушать?
 Пределы муки мне отныне ведомы.
Вестник: — Покончив дело, в путь обратный трогаюсь.
Хор: — И вестником несчастий не являйся впредь.

Царица: — Сразите, боги, лживого гадателя!⁵

Хор: — Боялся он, что правда нас разгневает.

Царица: — Нет больше цвета племени мышиного.

Хор: — Царица, я почту за наилучшее
с тобой оплакать сына убиенного.

Царица: — Благой совет. Итак, начнем рыдания.

Хор: — Тебе пристало начинать: затягивай.

Царица: — Ай-ай! Увы, увы! О, горе горькое!

⁵“Огнесоец” (πυρφόρος) — жрец, сопровождавший войско; очевидно, имеются в виду благоприятные прорицания, которые он дал перед началом похода.

Хор: — О господин наш Мясолюб, увы тебе!

Царица: — Куда, скажи, сокрылся ты, дитя мое?

Хор: — Куда, куда от жизни удалился ты?

Царица: — Куда, куда? Страдания непомерные!

Хор: — Безмерные, безмерные поистине.

Царица: — Не зреть тебе, увы, светила ясного!

Хор: — Что наша жизнь? Скажу неложно: прах и тлен.

Скажу повторно: тень она, не более.

Царица: — Сошел в могилу Крохобор, дитя мое!

Хор: — Теперь довольно. Оборви стенания:

Я вижу вдалеке гонца поспешного.

Царица: — Боюсь, опять несет он вести тяжкие.

Хор: — Нет, госпожа.

Царица: — Но как о том узнала ты?

Хор: — Стремит он бег с улыбкой лучезарною.

Царица: — Всевластный Зевс, яви благого вестника!

Вестник: — Как мне найти хозяйку? Отвечай скорей.

Хор: — Когда ты ищешь госпожу, то вот она.

Гонец: — Царица всезлатая и пресветлая!

Оставя слезы, щедро одари гонца.

Царица: — Реки; довольно похвальбы напыщенной.

Гонец: — Сперва дарами отблагодари меня.

Царица: — Скажи, что должен, и получишь тотчас же.

Гонец: — В сраженье пала кошка окаянная.

Хор: — Ура! Ура! Черед веселью шумному,
и пусть печаль потонет в ликовании.

Царица: — Так рада я, что ноги в пляс пускаются.

Хор: — Но прежде расспроси о битве вестника
и как погибла хищница злосчастная.

Царица: — Итак, посланец, изъясни в подробностях,
как билось войско наше и какой конец
нашла мышеубийца лютолика.

Хор: — Рекла царица; разомкни уста, гонец.

Вестник: — Се приступаю к изложению связному:
вострите уши, мыши, и старательно
внемлите моему повествованию.
Как на врага, сомкнув ряды, мы двинулись
и завязалась сеча душегубная,
и первым Крохлиз народодержец пал,
затем ему Ветчинокрад последовал,
а третьим отпрыск моего правителя,
то сокрушилось сердце Мясолубово

родного чада участью погибельной.
Тогда, ободрив войско подначальное,
воздвигся он на кровопийцу грозную
и доблестью возобновил побоище.
Казалось, век кипела битва жаркая —
никто не дрогнул, как один держались мы, —
но тут с высокой кровли неожиданно
низверглась балка, временем подточена,
и меж лопаток хищницу уметила,
да так, что перебила сухожилия
и бездне обрекла ее Аидовой.
И та, что прежде к нам была безжалостна,
дика, неумолима, необузданна,
простерлась ныне грудой бездыханною.

Хор: — Пусть жизнь твоя легко течет и благостно,
пусть годы длятся чередой бесчисленною
за то, что ты доставил весть желанную
и рассказал о том, как пала хищница.
Исход счастливый, мне отныне ведомый,
решился скоро и свершился к радости.

Постановка Е. В. Вензель

*Участники спектакля благодарят
Е. Н. Грачеву, А. Ю. Енбекову, С. Н. Полякову
и работников школьной столовой*

Премьера состоялась 20 апреля 2002 г.

*Фото: П. А. Герм
Рисунок Саши Лиминой
8 класс*

БЕСТИАРИЙ

Герцинский лось

Гимназисты восьмого класса, читая “Записки о галльской войне” Цезаря, ежегодно знакомятся со следующим занимательным отрывком (BG VI, 27):

“Sunt item, quae appellantur alces. Harum est consimilis capris figura et varietas pellium, sed magnitudine paulo antecedunt mutilaeque sunt cornibus et crura sine nodis articulisque habent. Neque quietis causa procumbunt neque, si quo afflictate casu conciderunt, erigere sese ac sublevare possunt. His sunt arbores pro cubilibus. Ad eas se adplicant atque ita paulum modo

reclinatae quietem capiunt. Quarum ex vestigiis cum est animadversum a venatoribus, quo se recipere consuerint, omnes eo loco aut ab radicibus subruunt aut accidunt arbores, tantum ut summa species earum stantium relinquatur. Huc cum se consuetudine reclinaverunt, infimas arbores pondere affligunt atque una ipsae concidunt”.

Перевод Вадима Колосова и Манаса Сефериана:

“Водятся там [т. е. в Герцинском лесу] еще так называемые лоси. Телосложением и пестротой шкуры они напоминают козлов, но несколько больше их; рогов у них нет, а ноги без связок и суставов: поэтому они не ложатся, когда хотят спать. Стоит им вдруг упасть — и они не могут ни встать на ноги, ни даже приподняться. Вместо лежбища у них деревья, к которым они прислоняются и так спят, слегка наклонившись. Если охотники по следам замечают место, где они обычно прячутся, то подкапывают или подрубают там все деревья, но так, чтобы с виду казалось, будто они стоят крепко. И как только [звери] по привычке прислоняются к ним, то своей тяжестью подламывают деревья и падают вместе с ними”.

Это описание вызывает законное недоумение у исследователей европейской фауны. Никто из нас не поверит, что привычный облик *лося сохатого* мог за пару тысячелетий претерпеть такие метаморфозы. Возможно, описанный обитатель Герцинского леса и не лось вовсе, а слово *alces*, не дающее авторам словарей ни малейшего повода сомневаться в идентификации вида (ср. нем. Elch, др.-исландск. elgr, праслав. *olsъ), попало в текст по какой-то неведомой случайности? Классификатора обескураживает, однако, и сам *герцинский козел*, причем сразу по двум причинам: 1) Рога. Редкое *mutilus* встречаем применительно к животным, у которых рога обломаны или отсутствуют (*Varr. LL IX, 33; Plin. Nat. Hist. VIII, 188; Colum. VII, 6, 4* [противо-

поставлено *cornutus*]); ср. греческое: *μίτυλος* (реже *μίτυλος*) — о безрогих ([*Theocr.*] 8, 86). Так что традиционный перевод “тупые” или “как бы обломанные” следует пересмотреть: реконструируемый лесной козел древних германцев мог иметь разве что рудиментарные рога. 2) Ноги “без суставов и связок”. Этот анатомический нонсенс неожиданно обближает нашего зверя со слонами: столь же расхожее, сколь и неверное представление о негнущихся слоновьих ногах, с которым спорил Аристотель, возводят к историку Ктесию Книдскому (ок. 400 г. до н. э.) — создателю первого, вполне фантастического описания Индии. (Обычно из текста Цезаря делают вывод, что упоминаемый им *alces* не в состоянии согнуть ноги; но точно так же возможно, что у него *очень слабые* ноги — настолько слабые, что зверь не может даже встать, если упадет, почему и становится жертвой германских звероловов).

В целом приходится признать нашу реконструкцию несостоятельной: комолюе козлы с негнущимися (или хилыми) ногами науке неизвестны. Да и откуда, собственно, могло бы взяться имя “лося”?

Не менее загадочен другой обитатель Герцинского леса, описанный Цезарем в предыдущей главе. Это знаменитый *bos cervi figura*, которого толкователи единогласно, хотя и робко, отождествляют с доисторическим *Megaloceros*, исполинским оленем. Но петербургские юннаты не дадут себя обмануть! *Megaloceros* (доверяемся здесь авторитету “Британики”) не пережил середины I тысячелетия до н. э. Если кто-то захочет продлить его век, ему придется думать, что: (а) горе-природоведу, автору 26-й главы, показали только гигантский рог (достигал двух метров); (б) он решил, что двух таких никакая голова не выдержит и... (с) от испуга посадил его “прямо посредине лба, промеж ушей”. В результате получаем *герцинского единорога*, зверя куда более необычного, нежели описанный выше козел.

Занимающий нас экскурс снабжен в “*Ianua Nova*” лаконичным предостережением: “написано не Цезарем”. Заглянув в ученые комментарии к бессмертным “Запискам”, обнаружим, что со времен Г. Мойзеля возможность авторства Цезаря для глав 25–28 отрицается почти всеми. Иные доводы считаются шаткими, но один бесспорным: не такой был человек Гай Юлий, чтобы написать о лосях подобную чушь. Следовательно, наш текст вставлен в “Записки”. Но когда? Кем? Ответить ученые не решаются. И вот, думаем, почему: начиная с середины I в. н. э. “портреты” лосей становится все правдоподобнее. Кальпурний, буколический поэт времен Нерона, замечает, что эти лесные звери редки (7, 59); через несколько лет Плиний Старший (VIII, 39) пишет о сходстве лоса “с бычком” (*iuvenco* явно предпочтительнее, чем альтернативное *iumento*), от которого он “не отличается размером ушей и шеи”. Про рога, заметим, у Плиния нет ни слова, зато один знатный германец из племени лингонов упоминает в своем завещании, написанном при Траяне, “кресла из лосиных рогов” (*CIL XII, 5708, 22 sq.*).

Во II–III вв. римляне и греки знакомятся с лосями ближе (не будем, впрочем, упускать из виду, что Солин, грамматик и антиквар, сравнивает их с мулами: XX, 6). У Павсания (акмэ ок. 160–180 гг.), единственного греческого писателя, уделяющего внимание лосям, обстоятельно и достоверно

описан не только внешний вид зверя, но и способ охоты на него. Приведем эти пассажи в переводе все тех же пытливых лосеведов (алькологов) — В. Колосова и М. Сеферяна: “Тем же, кто считает, что торчащее наружу из слоновьих ртов — это зубы зверя, а не его рога, следует взглянуть как на лосей, животных, которые водятся в кельтской земле, так и на эфиопских быков. Ибо лоси имеют рога на бровях, а эфиопские быки — на носу” (V, 12, 1); “А есть зверь, именуемый лосем; выглядит он как нечто среднее между оленем и верблюдом и водится в земле кельтов. Из всех известных нам зверей его одного человеку нельзя ни выследить, ни даже издали увидеть; разве что иногда во время облавы вместе с другими зверями бог пошлет охотникам и этого. Ибо лось, говорят, чует человека даже на большом расстоянии и скрывается в ущелья и глубочайшие пещеры. Так вот, охотники, окружив как можно теснее равнину в тысячу стадиев или гору, так, чтобы никому нельзя было ускользнуть, постепенно сужают круг и ловят всех, кто внутри, в том числе и лосей. И если лось случайно не залег в этой местности, другого способа поймать его нет” (IX, 21, 3).

Авторы “Истории Августов” свидетельствуют, что в числе прочих представителей колониальной фауны моделью для римских анималистов служили и лоси (*Capitolin. Gord.* 3, 7). Мы видим их уже и в самом Риме: император Аврелиан в 272 г. во время триумфа провел по Городу лосей как образчик животного мира покоренной Дакии и Германии (*Vopisc. Aurel.* 33, 4). Средневековье не утратило верно-го представления о лосях: *alces* есть у Исидора (*Orig.* XIV, 4, 4); глоссаторы уверенно отождествляют лагинское слово с германским “*Elc*”; наконец, правители Священной Римской империи издадут указы, запрещающие охоту на лося (Оттон I в 943, Генрих II в 1006, Конрад II в 1025 гг.).

Итак, трудно представить себе интерполятора, жившего через много лет после Цезаря и не знакомого с лосями. Хотя животное на протяжении всей античности считалось экзотическим, наименее правдоподобное описание его мы скорее сочли бы наиболее ранним. Рискнем же, вопреки очевидности, предположить, что пассаж *BG* VI, 27 содержит рассказ Цезаря (или того, кто помогал Цезарю сочинять гео-, зоо- и этнографические отступления) о лосях, иными словами, что перед нами первое в истории описание этих животных. Сам писатель не видел лосей, иначе “козловидность” сразу была бы исключена. Для наглядности действительно лучше представить лося как помесь оленя и верблюда, но были ведь и попытки сопоставлять его с бычком (Плиний) и даже мулом (Солин). Что общего у них с *alce Caesaris*? Очевидно, отсутствие рогов. Бычка с его шишковидными рогами римлянин не назвал бы иначе, как *mutulus*. У годовалого лося рога тоже едва заметны; в два года это совсем небольшие отростки. Величиной молодой лось (около полугода) и впрямь не намного больше козла, цветом шкуры — почти такой же, как среднестадистический козел. Брем особенно подчеркивает необычайную прыгучесть сохатых (легко перемахнет полтора метровый забор), но пер-

вые шаги даются им так же трудно, как оленям — а ведь лосьтя тяжелее, чем “бэмби”. До года ноги животного еще не окрепли. Выходит, информаторы Цезаря не такие уж фантазеры: зверь, о котором они рассказывали, вполне похож на лось-одногодку.

Теперь о единорогах. Небезынтересно правдивое замечание Павсания о том, что у лося рога растут “на бровях” — т. е. в необычном месте. При этом форма рога матерого лося (10–12 лет) точь-в-точь соответствует его описанию в 26-й главе. Не забыть ли нам, таким образом, о живых ископаемых? Представим себе, что сведения о молодых и взрослых лосях были восприняты римлянами поначалу как рассказы о двух разных животных. Одно — крайне редкое — получило имя *bos*, обычное для римских зоологов (слон поначалу звался *Luca bos*). Для другого — и это, пожалуй, самая впечатляющая деталь — с предельной точностью воспроизведено кельтское или германское слово. Оно же попало и в греческий, а в поздней латыни, видимо, было переосмыслено как греческое.

Напоследок два слова о добыче лосей в древней Германии. Павсаний дает прекрасное описание охоты облавой. Но этот способ (требующий, кстати, участия десятков, а то и сотен людей) — далеко не единственный: за двести

лет до Павсания германцы могли применять

и силки. Так же естественно предположить, что в разных местах огромного леса на лосей охотились по-разному: так и в Сибири существовали одни способы добычи лося, а в европейской части России — другие. Постоянных лежбищ у зверя нет. Летом, когда лоси обычно держатся поодиночке в болотистых мес-

Застежка, найденная при раскопках римского храма в Мартиньи (Швейцария)

тах — поближе к молодым деревьям, с которых они объедают кору, — их можно поймать в яму, вырытую возле дерева. С. Безобразов, написавший статью о лосях для “Брокгауза”, упоминает о способе охоты *сжимом*, при котором дерево служило как бы пружиной. Подобные методы, надо думать, использовали и современные Цезарю лесные охотники. Правда, их силки были не особенно надежны: попадались только молодые животные. Взрослых поймать не удавалось, но их могли видеть издали и наверняка находили сброшенные рога: так и возник единорог из 26-й главы. Отголоски всей этой истории и слышны в “Записках”. Подкрепленные теорией об отсутствии суставов — автор вспомнил здесь о слонах, — они превратились в рассказ о невиданных (но возможных с “научной” точки зрения) зверях, прекрасно дополнивший занимательные этнографические экскурсы, которые Цезарь не забывал аккуратно и, конечно, не без тонкого расчета на читательскую психологию встраивать в свои “сухие” реляции.

М. М. Позднеев

Переводы Вадима Колосова и Манаса Сеферяна

10 класс

Латинский Пушкин

Зачем переводить Пушкина на латынь? — вправе спросить читатель этой подборки. Как сформулировал У. фон Виламовиц-Меллендорф, переводы делаются не с языка на язык, а со стиля на стиль; истинность этого афоризма особенно наглядно подтверждают стихотворные переложения с новых языков на древние, и неслучайно сам Виламовиц проиллюстрировал его переводом “Горных вершин” Гете на “язык и стиль” санфической оды. Передать Пушкина квантитативными латинскими стихами — значит применить к русскому оригиналу не только иной язык со всеми его лексическими и синтаксическими особенностями, не только принципиально иной стихотворный размер, но и иную литературную традицию, вершинные произведения которой были созданы за две тысячи лет до Пушкина. Иными словами, такой перевод ставит лицом к лицу две поэтические системы, выявляя их сходства и различия. Если бы речь шла о санскрите или фарси, результат не вышел бы за рамки литературной игры — хотя, без сомнения, игры утонченно-сложной и уже потому благородной; но поскольку новая европейская словесность тысячью нитей связана с античностью, перевод Пушкина (как и Байрона, Гейне, Верлена) на латынь превращается в ответственный филологический эксперимент. В случае удачи такой перевод способен обогатить и уточнить наши представления о тех законах, по которым строились как стихи римских поэтов, так и стихи Пушкина.

Вот самый простой пример: примеряя “Зимнему вечеру” горацянские одежды, петербургский филолог-классик Денис Кейер (выпускник нашей гимназии 1996 г., ныне — преподаватель СПбГУ) вынужденно оставляет без перевода последнее восьмистишие. Почему? Задавшись этим вопросом, мы осознаем, что такой естественный для стихотворцев нового времени прием, как выразительный повтор строфы, решительно невозможен не только в одах Горация, но и в римской поэзии вообще.

Вот пример более сложный: перелажая стихотворение “Мечтателю” (1818), Ф. Е. Корш продуманно выбирает метр, специфическую лексику и фразеологию любовной элегии I в. до н. э. В результате становится очевидно, что эти юношеские стихи Пушкина восходят — разумеется, опосредованно, через череду промежуточных образцов, в первую очередь французских — к элегиям Проперция (I, 5, 7 и 9); так филигранная работа переводчика оказывается, в сущности, равнозначна литературоведческому исследованию.

Ф. Е. Корш

Поскольку Проспер Мериме в представлении не нуждается, а Денис Кейер уже представлен, скажем подробнее о двух других авторах этой подборки. Филолог-энциклопедист, профессор Московского университета и академик Петербургской АН Федор Евгеньевич Корш (1843–1915) оставил многочисленные труды по античной, древнеперсидской и славянским литературам, языковедению; В. О. Ключевский шутил, что полиглот Корш мог бы исполнить роль секретаря при Вавилонском столпотворении. Сборник Корша Στέφανος, вышедший в Копенгагене в 1886 г., составили как оригинальные стихи на обоих древних языках, так и переводы — от Дельвига и Фета до Гафиза и Калидасы.

Младший современник Корша Григорий Эдуардович Зенгер (1853–1919) — филолог-латинист, профессор Варшавского университета, в 1902–1904 гг. возглавлявший министерство народного просвещения (его дочерью была известная пушкинистка Т. Г. Цявловская). Научные интересы Зенгера были связаны с конъектуральной критикой — областью антиковедения, которая требует особенно глубокого и тонкого знания древних языков. Как можно предположить, переводы из новых поэтов (Данте, Пушкина, Байрона, Мицкевича и др.) служили Зенгеру своего рода полигоном для исследовательской работы: по сравнению с вдохновенными переложениями Корша его опыты носят скорее лабораторный характер. Так, в специальных примечаниях Зенгер подвергает критическому разбору переводы предшественников, подробно оговаривает различные возможности передачи тех или иных речевых оборотов и даже, оберегая чистоту латыни, предостерегает читателя от некорректных версий (“мы не рекомендовали бы переводить эти строки так...”).

Как видим, перелажать Пушкина на латынь можно с разными целями и разными средствами; за полутора вековую историю эта традиция (отнюдь не исчерпывающаяся четырьмя названными именами) накопила обширный и многообразный опыт. Кто из вас ее продолжит?

Строфа из “Анчара”

П. Мериме

<...> Но человека человек
 Послал к анчару властным взглядом,
 И тот послушно в путь потек
 И к утру возвратился с ядом. <...>

“Только по-латыни можно передать сжатость русского языка:
 At vir virum misit — ad antchar superbo vultu, — et ille oboe-
 dienter viam ingressus est — et rediit cum veneno”.

(Примечание к французскому переводу “Анчара”
 в составе статьи 1868 г. “Александр Пушкин”; цит. по:
 Мериме П. Собр. соч. Т. 5. М., 1963. С. 265)

Цветок

Цветок засохший, безуханный,
 Забытый в книге вижу я,
 И вот уже мечтою странной
 Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
 И долго ль цвел? и сорван кем,
 Чужой, знакомой ли рукою?
 И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
 Или разлуки роковой,
 Иль одинокого гулянья
 В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
 И нынче где их уголок?
 Или уже они увяли,
 Как сей неведомый цветок?

Aridum in libro sine odore florem
 Conditum quondam simul atque vidi,
 Mira defixam subito occuparunt
 Somnia mentem.

Hunc ubi et quonam nituisse vere et
 Quam diu dicam? Ceciditne amico
 Ungue an ignoto? Positumque cur haec
 Pagina servat?

Quine convenisse duos loquatur
 Anne distractos misere? An per arva
 Sive secretos nemoris sub umbra
 Esse vagatos?

Ille si vivit, superest et illa,
 Nunc ubi amborum domus et penates?
 Anne ut ignotus cecidere dudum
 Veris alumnus?

(Th. Korsch. ΣΤΕΦΑΝΟΣ. Naumiae, 1886. P. 38)

Мечтателю

Ты в страсти горестной находишь наслажденье;
 Тебе приятно слезы лить,
 Напрасным пламенем томить воображенье
 И в сердце тихое уныние таить:
 Поверь, не любишь ты, неопытный мечтатель.
 О, если бы тебя, унылых чувств искатель,
 Постигло страшное безумие любви,
 Когда б весь яд ее кипел в твоей крови,
 Когда бы в долгие часы бессонной ночи,
 На ложе, медленно терзаемый тоской,
 Ты звал обманчивый покой,
 Вотще смыкая скорбны очи,
 Покровы жаркие рыдая обнимал
 И сохнул в бешенстве бесплодного желанья:
 Поверь, тогда б ты не питал
 Неблагодарного мечтанья.
 Нет, нет: в слезах упав к ногам
 Своей любовницы надменной,
 Дрожащий, бледный, иступленный,
 Тогда б воскликнул ты к богам:
 Отдайте, боги, мне рассудок омраченный,
 Возьмите от меня сей образ роковой;

In quendam qui opinionis errore amare se putabat

Te iuvat occulto maerere cupidinis ictu
 Et lacrimas semper fundere, amice, iuvat
 Nec profecturas meditando accendere flammam
 Et gerere in tacitis vulnera pectoribus.
 Crede mihi experto, quod tu modo fingere gaudes,
 Crede mihi: nondum te tenet acer Amor.
 Quodsi te, tristis qui quaeris gaudia mentis,
 Iratae Veneris caecum agerent furiae,
 Virus et e tota pueri penetrabile pharetra
 Ureret arcanis viscera viva focus,
 Et vigil in lecto longae per tempora noctis
 Te versante diu solus amore gemens,
 Dum falsam cuperes accessere ab arte quietem,
 Anxius invitos comprimeres oculos
 Palliaque amplexu lacrimans tepefacta foveres,
 Cum desiderio conficerere vago,
 Talia, crede mihi, nolles ingrata tueri
 Somnia quaesitis sponte cupidinibus,
 Sed potius supplex tumidae prostratus amicae
 Ante pedes, multo rore rigante genas,
 Pallidus atque tremens, animi non compos et amens
 Talibus orares caelicolas precibus:

Довольно я любил: отдайте мне покой...
Но мрачная любовь и образ незабвенный
Остались вечно бы с тобой.

Туча

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облежала,
И молния грозно тебя обвивала:
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки деревьев,
Тебя с успокоенных гонит небес.

Зимний вечер

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла. <...>

“Numina magna, precor, mentem mihi reddite sanam,
Cedat ut ex oculis ista figura meis.
Sit satis hoc, superi; iam iam sum lassus amando:
Iam mihi sit tandem pace priore frui”.
Tristis amor tamen et dominae fatalis imago
Te comitentur funus ad usque tuum.

(Филологическое обозрение. 1895. Т. 8. Ч. 2. Прилож. С. 2–3)

Г. Э. Зенгер

Ultima sedatis nubes remorata procellis,
Per radians caelum sola vagaris adhuc
Solaque diffundens maestas caliginis umbras
Tristitia nitidum laedis opaca diem!

Aethera cingebas densissima non ita pridem,
Te percurrebat flammea rima minans,
Terrificoque polum complebas murmure rupta,
Arentes terras imbribus exsaturans.

Iam satis est! Cedas, abierunt tempora dextra:
Laeta renidet humus, turbida fugit hiems,
Arboreasque comas mulcens liquida aura Favoni
Axe serenato te procul esse iubet.

(Г. Зенгер. Метрические переложения на латинский язык.
СПб., 1904. С. 47).

Денис Кейер

Saevis volutans turbinibus nivem
Caligine atra velat hiems polum
Rumpitque iam vocem ferinam,
Iam nimis ut querulus dolorum

Singultat infans; interea crepunt
Tecti obsoleti stramina culmine:
Nec non, viator quaerat ut si
Serus inire, tonat fenestra.

Segnis potiri iam laribus parat
Nostris Vetustas, Tristitiae soror;
Quaeso tamen, seu te strepente
Somnus habet radio sepultam,

Seu te procellae perpetuo iuvat
Dormire fletu, sedula anus, mero
Mutare festina quietem,
Fer calicem positura curas:

Angore solvet cor Semelae genus.
Nunc, o iuventae cara inopis comes,
Vel fata Procnes, vel puellas
Urna gravans Danai canenda.

Рисунки Пушкина

Памяти Ирины Федоровны Ивахновой

Пока мы живы, мы не знаем смерти. Человек только что был здесь, и вот его нет. Он не ходит на работу, с ним невозможно связаться по телефону, хотя он не спит и не уехал из города. Все вокруг продолжается по-прежнему — повседневность и праздники, разговоры и заботы, — но от этого человека не осталось ничего, кроме имени и замиранья, когда видишь это имя напечатанным, например, в ведомости на получение зарплаты. Что теперь скрывается за этим именем, если человек не появится, чтобы получить свои заработанные деньги, а придет кто-то другой, кто сожмет их в ладони как то небольшое, что еще отголоском доносится из других времен?

Остается имя на могильном кресте, его прочтут бредущие по кладбищу старушки, внимательно посчитают, сколько лет отведено было человеку, и покачают головой: “Такая молодая!” Было бы у кого спросить, они спросили бы: “Дети-то остались?” — “Остались”, — ответили бы им. Фотографии, где она улыбается своей бесподобной улыбкой, без горечи и страдания — горечь и страдание остались в миру, за кадром, — и будет улыбаться, пока фотографию есть кому держать в руках. То, что был человек, — это же не только тело, материя. Человек воспринимает больше, чем материальный мир, ему доступно большее, потому что сам он больше, чем материальное тело. Покинуло ли нас оно, это большее?

Ирина Федоровна Ивахнова ушла от нас 18 апреля, лишь только ей минуло 37 лет. Еще 18 апреля многие спрашивали, как она себя чувствует, но ее уже с утра не было — мы уже не знали, как она себя чувствует теперь. Светлый человек, преобразующий все в жизни в свет и добро, она не могла не излучать после своей смерти того же. Что же остается от человека, имевшего тонкие душевные свойства, человека доброго, скромного и величественного? Где конец ее деяний? Ее сын родит ей внуков, ее ученики будут учить других.

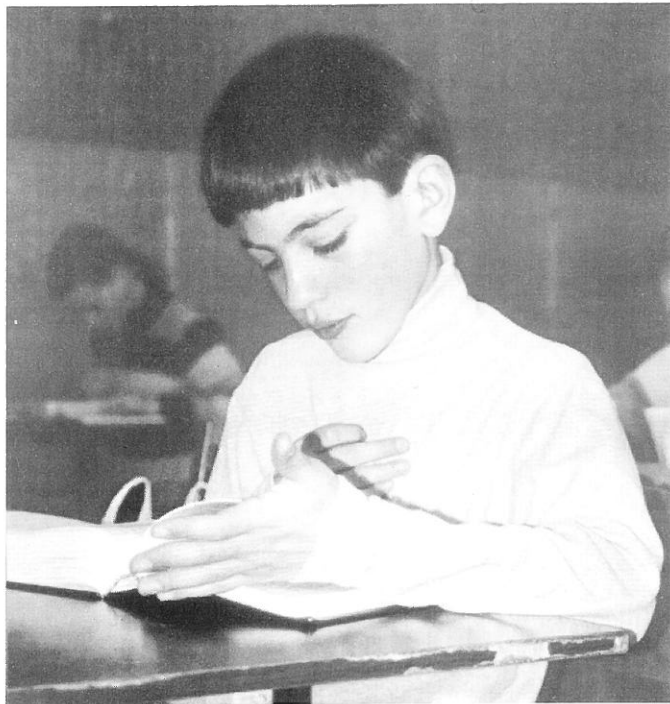
Хорошо бы было собрать все разработки Ирины Федоровны по русскому языку. Это был лучший учитель русского, которого я видела в своей жизни. У нее был редкий талант из сложного делать простое и легкое. О какой бы запутанной грамматической теме ни шла речь, она говорила: “Это же все просто!” Ее ученики учились сложнейшим вещам легко и незаметно, как будто играли, не зная, что это трудно. Это достигалось, конечно, не за счет упрощения материала, а за счет того чувства целого, которым обладал учитель. Зная целое, не боишься сложности части — потому что все в ней взаимодействует с другими частями, и свойства взаимозависимы и взаимно определены, — и не огорчаешься, а радуешься, что все в языке так гармонично. Знать это — одно, а уметь сделать доступным для детей — другое. В этом был дар Ирины Федоровны, которым она щедро делилась со всеми. Для меня это был недостижимый образец. Можно сказать, что во многом стиль преподавания русского языка в нашей школе определялся ее деятельностью: никто из нас не умел так, как она, но все мы работали с ее материалами, учились самому подходу. Понятно, что, помимо таланта, необходим

был еще и бесконечный труд, всedневное старание, усилие, последовательная и планомерная работа. Она не боялась труда: он был скромный, не трубил о себе, а улыбался и говорил: “Все в порядке”.

Она была красива, и все, что она делала, тоже было красиво. Можно вспоминать, как она готовила, как одевалась, как разговаривала. Хотя жизнь ее не была проста, ее терпения и ума хватало на то, чтобы брать на себя заботы окружающих. Она была сильным и волевым человеком. Свою волю она не распространяла на других, не подчиняла их себе. Как и в работе с языком, она видела целое, связывающее людей, и заботилась именно о нем, о целом, ощущая себя частью. И вот тут появляется еще одно важное обстоятельство. Она была жертвенным человеком. В мире эгоизма и расчета это странно и неожиданно, об этом даже неудобно говорить. Но я бы сказала, что все ее качества — порождение чистоты и света — не оставляли ей другого выхода, только жертвовать. Хочется молчать об этом. Но если плакать, то именно об этом. И не о ней, ясное дело, а о нас, оставленных ею.

CERTAMEN LATINUM

19–20 апреля 2002 г. в Санкт-Петербургской классической гимназии прошла Всероссийская олимпиада школьников по латинскому языку. Это состязание, уже становящееся традиционным, впервые было проведено в нашем городе; три предыдущие олимпиады проходили под эгидой различных учебных заведений Москвы. В оргкомитет нынешней олимпиады вошли доцент кафедры классической филологии СПбГУ Н. М. Ботвинник, доцент кафедры истории философии СПбГУ А. Я. Тыжов, старший преподаватель кафедры латинского языка Санкт-Петербургского медицинского университета Т. В. Шабурина, директор Санкт-Петербургской классической гимназии С. В. Бурячко, преподаватели гимназии С. Э. Андреева и В. В. Зельченко и ассистент кафедры классической филологии СПбГУ Д. В. Кейер. Проверка олимпиадных работ осуществлялась преподавателями латыни из университета и гимназии.

В олимпиаде приняли участие 72 школьника. Самой многочисленной оказалась столичная делегация: Москву представляли 42 ученика шести школ — классической гимназии при Греко-латинском кабинете Ю. А. Шичалина, гимназий №№ 57, 1199 (“Лига школ”), 1507, 1514 и 1555. От Петербурга в олимпиаде участвовали, помимо хозяев, ученики 11-й гимназии и гимназии при Государственном

Русском музее — всего 23 человека. Свои делегации на олимпиаду прислали также 37-я гимназия г. Петрозаводска, Псковская классическая гимназия и 55-я гимназия г. Иваново. Уже этот представительный перечень показывает, что у преподавания латыни в российской средней школе есть не только прошлое, но и настоящее, а значит, и будущее; а между тем в олимпиаде, к сожалению, по разным причинам не смогли участвовать ряд московских гимназий, ученики из Дивногорска, Перми, Тулы и других городов — так что число российских школ, решившихся ввести в программу древние языки, на сегодняшний день исчисляется десятками. Отбор участников осуществлялся на предварительном туре, рекомендательные задания для которого были заранее разосланы по школам.

По традиции олимпиада предусматривала три уровня сложности, причем на первом из них награды присуждались в двух номинациях — для учеников 6–7 и 8–11 классов. Для первого уровня требовалось знание примерно половины объема элементарной грамматики, традиционно входящей в школьные курсы (спряжение глаголов в индикативе, склонение существительных, прилагательных и ряда местоимений, *accusativus* и *nominativus cum infinitivo*, придаточные предложения с индикативом, основные функции падежей и т. д.); второй уровень предполагал знание элементарной грамматики в полном объеме; наконец, задания третьего уровня были рассчитаны на учеников, имеющих опыт чтения и разбора прозаических и стихотворных текстов латинских авторов, знакомых с основными правилами и закономерностями латинского словообразования, просодии и метрики, а также накопивших определенный лексический запас: только на этом последнем уровне часть заданий выполнялась без словаря. Сразу же скажем, что если на первом уровне состязались в общей сложности 52 школьника, а на втором —

16, то на третьем из-за болезни нескольких конкурсантов осталось всего 4 гимназиста, представлявших Санкт-Петербургскую классическую гимназию и московскую гимназию 1199. Впрочем, все эти четыре работы оказались выполнены на высоком уровне, так что их авторы, без сомнения, не затерялись бы и среди большого количества конкурентов: достаточно сказать, что Наталья Стойнова и Мария Рыжакова за отведенное время успели перевести отры-

вок из Овидия не только прозой, но и стихами, чем приятно удивили жюри.

Задания каждого уровня включали перевод латинского текста со словарем (объем ок. 550 печатных знаков): на первом уровне это был учебный текст (который предлагалось не только перевести, но и дополнить с помощью одного-двух латинских предложений); на втором — глава из “Бревиария” Евтропия, посвященная Ромулу (I, 4), и загадка из сборника Симфония (99 Baehrens; участники должны были не только записать ее перевод, но и найти отгадку); на третьем — отрывки из Сенеки (*De ira* III, 21, 1–4) и Овидия (*Fast.* I, 243–244 и 249–252).

Помимо текста, конкурсантам были предложены задания. Некоторые из них приводятся ниже.

Из заданий первого уровня:

1) Дополните и переведите полустершуюся надпись (число точек соответствует числу утраченных букв):

INCOLAE FORTVN.. VARIAM TIME....
HERCVLI SE..ER IVVAN..

2) Хронограмма — это фраза, в которой зашифрована дата. Для того, чтобы ее определить, нужно выделить все буквы, употребляемые для обозначения римских цифр, и сложить числа, которые каждая из них обозначает. Перед решающей битвой, не сомневаясь в победе, король Швеции Густав II Адольф приказал выбить медаль с хронограммой, в которой был “спрятан” год предстоящего сражения:

CHRISTVS DVX; ERGO TRIVMPHVS.

Расшифруйте хронограмму. Запишите дату арабскими и римскими цифрами, а также словами: Pugnatum est anno...

Из заданий второго уровня:

1) В каждой паре поставьте оба глагола в такие формы, чтобы они отличались друг от друга только перестановкой букв (к примеру, для пары *dicere* — *cadere* одним из решений будет *dicat* — *cadit*). В скобках определите формы:

parare — *sperare*; *esse* — *ire*; *sinere* — *manere*; *vocare* — *cavere*.

2) Римляне рассказывали, что, когда Марк Красс отправлялся в роковой поход против парфян, какой-то торговец на пристани в Брундизии расхваливал свой товар — фиги из малоазийского города Кавна, которые по-латыни называются *cauneae*. “*Cauneas! Cauneas!*” — протяжно кричал он. Вместо этого короткого слова Крассу послышалось целое сложно-подчиненное предложение — причем такое, что в пору было отказываться от похода. Какую фразу расслышал Красс в крике торговца?

3) К каким латинским словам восходят английские *Sir* и *master*?

Из заданий третьего уровня:

1) Перед вами пять редких латинских композитов. Исходя из значения приставок, корней и суффиксов, попробуйте дать их перевод: *astriger*; *impervius*; *unigena*; *circumspectatrix*; *succinere*.

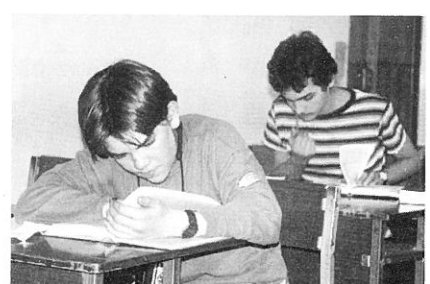
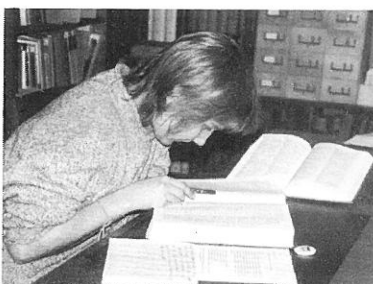
2) У Авзония есть стихотворение, состоящее из одного гексаметра и прославляющее Рим. В. Я. Брюсов перевел его так:

Рим золотой, обитель богов, меж градами первый!

Этот перевод очень близок к тексту, но обладает любопытной особенностью: по сравнению с оригиналом порядок слов в нем в точности обратный. Восстановите стих Авзония:

..... divum Roma.

Задания всех уровней выполнялись в письменной форме в течение трех часов. Для обеспечения анонимности работ конкурсантам были присвоены идентификационные номера.

Помимо собственно состязания, программа олимпиады включала два спектакля (“Антигона” Софокла, поставленная силами учеников, выпускников и преподавателей школы при Санкт-Петербургском институте философии и богословия, и “Катомиомахия” Феодора Продрома в постановке Санкт-Петербургской классической гимназии), а также концерт, на котором конкурсанты декламировали оды Горация, исполняли песни на латыни и даже танцевали. Для иногородних участников олимпиады была устроена экскурсия в античный отдел Эрмитажа, завершившаяся прогулкой по историческому центру Петербурга.

Победителями олимпиады стали:

Первый уровень, младшая группа:

I место — Алексей Лаго (СПб. классическая гимназия, 7 класс) — 42,5 балла

II место — Анастасия Воронкова (СПб. классическая гимназия, 7 класс) — 39 баллов

III место — Светлана Матюнина (Москва, Классическая гимназия при ГЛК, 7 класс) — 34 балла.

Первый уровень, старшая группа:

I место — Павел Суворов (Москва, гимназия 1507, 9 класс) — 37 баллов

II место — Владимир Панов (Москва, гимназия 57, 10 класс) — 30,5 баллов

III место — Яна Саравайская (Москва, гимназия 1507, 9 класс) и Анна Трусова (Москва, гимназия 1514, 9 класс) — по 27,5 баллов.

Второй уровень:

I место — Александра Горбова (СПб. классическая гимназия, 8 класс) — 31,5 балла

II место — Ася Золотухина (Москва, Классическая гимназия при ГЛК, 9 класс) и Инга Полякова (Москва, гимназия 1555, 11 класс) — по 27,5 баллов

III место — Мария Лайкова (Москва, Классическая гимназия при ГЛК, 9 класс) — 21,5 балл.

Третий уровень:

I место — Мария Рыжакова (СПб. классическая гимназия, 10 класс) — 39 баллов

II место — Александра Петрова (СПб. классическая гимназия, 9 класс) — 34 балла

III место — Наталья Стойнова (Москва, “Лига школ”, 11 класс) — 27,5 баллов.

Жюри также отметило специальными грамотами работы Светланы Матюниной (за лучшее дополнение к тексту), Григория Воробьева (за изящество) и Натальи Стойновой (за лучший стихотворный перевод). Победителям были вручены олимпийские медали, дипломы и книги; все ребята получили дипломы участников олимпиады.

Фото: И. О. Галынина

Выпуск 2001 г.

Класс α

1. Гребенщикова Любовь — СПбГУ, факультет менеджмента
2. Григорькина Мария — Санкт-Петербургский государственный институт сервиса и экономики, факультет финансов и учета
3. Иванченко Анна — РГПУ им. А. И. Герцена, экономический факультет
4. Казанская Мария — СПбГУ, филологический факультет, отделение классической филологии
5. Коваль Анастасия — СПбГУ, филологический факультет, отделение математической лингвистики
6. Конягин Михаил — СПбГУ, геологический факультет
7. Кудрявцева Наталья — СПбГУ, филологический факультет, новогреческое отделение
8. Менде Андрей — СПбГУ, экономический факультет
9. Нестеренко Александр — СПбГУ, биологический факультет
10. Никитина Вероника — СПбГУ, филологический факультет, отделение классической филологии
11. Полетаева Полина — СПбГУ, филологический факультет, отделение классической филологии
12. Рогова Ольга — СПбГУ, факультет международных отношений
13. Савинов Владимир — СПбГУ, биологический факультет
14. Сергеева Татьяна — Балтийский институт экологии, политики и права, юридический факультет
15. Титова Наталья — СПбГУ, филологический факультет, русское отделение
16. Ютанова Александра — СПбГУ, филологический факультет, португальское отделение
17. Яминова Гюльназ — СПбГУ, филологический факультет, отделение теории языкознания
18. Янсон Олег — СПбГУ, геологический факультет

Класс β

1. Алексеева Татьяна — Университет экономики и финансов
2. Белявская Елизавета — СПбГУ, филологический факультет, русское отделение
3. Воногова Анна — Химико-фармацевтическая академия
4. Дронь Вера — ИТМО, кафедра компьютерных технологий
5. Дубова Евгения — СПбГУ, факультет журналистики

**СПИСОК ВЫПУСКНИКОВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ**

6. Дьяков Игнат — СПбГУ, восточный факультет, эфиопское отделение
7. Есипович Федор — СПбГТУ, факультет технической кибернетики
8. Журбина Мария — СПбГУ, филологический факультет, немецкое отделение
9. Иванов Кирилл — СПбГУ, медицинский факультет
10. Карпушев Сергей — СПбГУ, физический факультет
11. Лебедева Александра — СПбГУ, восточный факультет, китайское отделение
12. Лысенко Екатерина — ИТМО, кафедра компьютерных технологий
13. Можаяева Ирина — подготовительные курсы при Академии художеств, архитектурный факультет
14. Пляцковская Мария — Балтийский технический университет
15. Шелкович Михаил — СПбГУ, восточный факультет, тибето-монгольское отделение
16. Шестакова Ксения — СПбГТУ, технический факультет
17. Щекин Андрей — СПбГУ, физический факультет

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Санкт-Петербургской классической гимназии

- АЛЕКСЕЕВ** Михаил Александрович —
главный менеджер акционерного общества “Росинтекс”
- АЛЕКСАНДРОВ** Даниил Александрович —
профессор Европейского университета,
директор программы фонда Спенсера по исследованию образования
- БАЙБУРИН** Альберт Кашфуллович —
доктор исторических наук, профессор,
декан факультета этнологии Европейского университета
- БОРИСОВА** Ася Львовна —
генеральный директор антикварно-ювелирного дома “Ретро”
- ВАВИЛОВ** Николай Александрович —
доктор физико-математических наук, профессор кафедры алгебры и теории чисел
математико-механического факультета СПбГУ
- ВАХТИН** Николай Борисович —
доктор исторических наук, профессор, проректор Европейского университета
- ВОРОНКОВ** Виктор Михайлович —
директор Центра независимых социологических исследований,
президент Санкт-Петербургской социологической ассоциации
- ГАВРИЛОВ** Александр Константинович —
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН, руководитель Bibliotheca Classica Petropolitana
- ДУРОВ** Валерий Семенович —
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой классической филологии СПбГУ
- ЕЛОЕВА** Фатима Абисаловна —
доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания СПбГУ
- ЖУРБИН** Алексей Александрович —
директор института “Стройпроект”
- КОБАК** Александр Валерьевич —
заместитель директора Санкт-Петербургского отделения Института “Открытое общество”
(Фонд Сороса), директор программ “Образование”
- НИКИТИН** Алексей Витальевич —
президент холдинга “Эвклид”
- ПИОТРОВСКИЙ** Михаил Борисович —
член-корреспондент РАН, директор Государственного Эрмитажа
- РЕЗВАН** Ефим Анатольевич —
доктор исторических наук, заместитель по научной работе
директора Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН
- САТАЕВА** Елена Юрьевна —
главный редактор издательства “Формика”
- ФУРСЕНКО** Александр Александрович —
действительный член РАН, академик-секретарь отделения истории Президиума РАН,
заведующий отделом всеобщей истории Санкт-Петербургского института российской истории
- ШАХНОВИЧ** Марианна Михайловна —
доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой философии религии и религиоведения СПбГУ
- ШОНИНГ** Ульрих —
генеральный консул Германии в Санкт-Петербурге

